

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

**УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«МОГИЛЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. А. КУЛЕШОВА»**

Д. С. Лавринович, М. В. Заблоцкая

**ЛИБЕРАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЗАПАДНОРУСИЗМЕ:
НАУЧНАЯ, КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
А. П. САПУНОВА, В. К. СТУКАЛИЧА И Л. М. СОЛОНЕВИЧА**

МОНОГРАФИЯ

Могилев
МГУ имени А. А. Кулешова
2024

УДК 94(476)“18/19”:329.12

ББК 63.3(4Бел)

Л13

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
МГУ имени А. А. Кулешова*

Рецензенты:

председатель Постоянной комиссии по образованию, культуре и науке
Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь,
член-корреспондент НАН Беларуси,

доктор исторических наук, профессор *И. А. Марзалюк*;
профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени
Белорусского государственного университета,
доктор исторических наук, доцент *Н. С. Моторова*

Лавринович, Д. С.

Л13 Либеральное направление в западнорусизме: научная, культурно-просветительская и общественно-политическая деятельность А. П. Сапунова, В. К. Стукалича и Л. М. Солоневича : монография / Д. С. Лавринович, М. В. Заблоцкая. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2024. – 224 с., 4 л. ил.

ISBN 978-985-894-132-1

В монографии раскрыто содержание и значение научной, культурно-просветительской и общественно-политической деятельности А. П. Сапунова, В. К. Стукалича и Л. М. Солоневича в контексте развития белорусского национального движения и формирования белорусской государственности, показана их роль в общественно-политических процессах Беларуси во второй половине XIX – первой четверти XX века. В книге дается характеристика либеральному направлению в западнорусизме, представлены основные вехи жизненного пути, становления в научной и общественной сферах А. П. Сапунова, В. К. Стукалича, Л. М. Солоневича, исследованы их взгляды на историю Беларуси, белорусско-польские отношения, национальное развитие белорусов в рамках Российской империи. Авторы раскрывают общественно-политическую деятельность А. П. Сапунова и В. К. Стукалича, их участие в создании и функционировании Витебского отдела «Союза 17 октября» и Белорусского народного союза, показывают защиту А. П. Сапуновым интересов белорусского народа в III Государственной думе, борьбу Л. М. Солоневича против «колониализма» белорусов на страницах газет «Московские ведомости», «Белорусская жизнь», «Северо-Западная жизнь» и во главе виленского «Белорусского общества». Впервые в научный оборот вводится новый источник – «Белорусские письма» Л. М. Солоневича.

УДК 94(476)“18/19”:329.12

ББК 63.3(4Бел)

ISBN 978-985-894-132-1

© Лавринович Д. С., Заблоцкая М. В., 2024

© МГУ имени А. А. Кулешова, 2024

ВВЕДЕНИЕ

Исследование событий второй половины XIX – первой четверти XX в., когда белорусские земли переживали период модернизации общественно-политического устройства, установления новых форм социально-экономических отношений, продолжает вызывать повышенный интерес со стороны историков. Безусловно, научное познание закономерностей происходивших на рубеже веков событий требует всестороннего изучения деятельности как представителей широкого спектра политических партий и примыкавших к ним организаций, так и наиболее заметных политиков, мыслителей, общественных лидеров. При этом весьма значительной является проблема изучения их научного наследия.

В настоящее время все большее признание и развитие в качестве отдельного научного направления приобретают историческая биография, объектом изучения которой является роль конкретного человека в истории, а также просопографический подход, который предполагает изучение группы лиц, объединенных социальными, культурными и политическими связями, с помощью анализа общих аспектов в их биографиях. Следует отметить, что белорусскими историками уже написано значительное количество исторических биографий, посвященных исследованиям жизни и деятельности государственных, научных и культурных деятелей рубежа XIX–XX вв., например, В. М. Игнатовского, Е. Ф. Карского, Д. И. Довгялло, В. И. Пичеты, В. Н. Перцева и других. Это биографические исследования о людях, которые внесли значительный вклад в процесс национально-культурного возрождения и развития Беларуси. Тем не менее историческая биография как направление исторического исследования в отечественной науке требует дальнейшей разработки.

Цель исследования – раскрыть содержание и значение научной, культурно-просветительской и общественно-политической деятельности А. П. Сапунова, В. К. Стукалича и Л. М. Солоневича в контексте развития белорусского национального движения и формирования белорусской государственности, показать их роль в общественно-политических процессах Беларуси во второй половине XIX – первой четверти XX века.

Работы Алексея Парфеновича Сапунова (1852–1924) и Владимира Казимировича Стукалича (1856–1918), посвященные политической истории, истории религиозной борьбы и религиозной жизни, развитию системы образования, памятникам изобразительного искусства и зодчества, открыли перед ученым миром России и Беларуси новые, практически не исследованные страницы истории материальной и духовной культуры белорусов. Принимая активное участие в деятельности культурно-просветительских и общественных организаций и учреждений Витебской губернии, с образованием Витебского отдела «Союза 17 октября» А. П. Сапунов и В. К. Стукалич вступили на путь политической деятельности. Будучи лидерами местных октябристов, стоявших на позиции западнорусизма, они предложили собственную концепцию решения ряда соци-

ально-экономических и политических проблем. Уроженцы Витебской губернии, выпускники Санкт-Петербургского университета, увлеченные историей и краеведением, А. П. Сапунов и В. К. Стукалич своим долгом считали дать народу знания о Беларуси, этнографической, социально-экономической и религиозной сторонах ее жизни.

Лукьян Михайлович Солоневич (1866–1938) – общественный деятель, историк и публицист, один из наиболее значимых представителей западнорусизма начала XX века. Л. М. Солоневич был лидером «Белорусского общества», деятельность которого можно рассматривать как важную составную часть либерального направления в белорусском национальном движении начала XX века. Важное значение Л. М. Солоневич придавал истории белорусско-польских отношений, раскрытию причин обострения польского вопроса в западных губерниях России после революции 1905–1907 гг., характеристике целей и главных направлений польского национального движения, разработке комплекса мер против окатоличивания и ополячивания православного населения Беларуси.

Актуальность исследования определяется отсутствием исторических работ по теме, а также необходимостью более полного и всестороннего освещения малоизученных аспектов общественно-политической и культурной жизни Беларуси второй половины XIX – первой четверти XX века.

Потребность изучения исторических взглядов А. П. Сапунова, В. К. Стукалича и Л. М. Солоневича обусловлена рядом причин.

Во-первых, их недостаточной исследовательностью и включенностью в контекст исторической мысли. До настоящего времени не было опубликовано специальных исследований, содержащих всесторонний анализ общественно-политической и культурно-просветительской деятельности А. П. Сапунова, В. К. Стукалича и Л. М. Солоневича. Имеющиеся на сегодняшний день публикации (в частности, критические разборы их трудов, юбилейные издания, некрологи, исторические очерки и научные статьи, материалы по деятельности научных, общественных и образовательных организаций в начале XX в., энциклопедические заметки) обращают внимание лишь на отдельные аспекты их жизни и творчества.

Во-вторых, исторические и этнографические исследования А. П. Сапунова, В. К. Стукалича и Л. М. Солоневича представляют ценность при изучении белорусской национальной культуры с учетом нынешних достижений гуманитарного знания.

Комплексное исследование деятельности А. П. Сапунова, В. К. Стукалича и Л. М. Солоневича как представителей либерального направления западнорусизма на общегосударственном и региональном уровнях позволяет не только по-новому рассмотреть основные направления и этапы национально-государственного, научного, образовательного и культурного строительства Беларуси, глубже понять суть общественно-политической жизни рассматриваемого периода, но и использовать накопленный материал в современных исследованиях.

Г Л А В А 1

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

1.1 Историография

Одной из актуальных проблем исторической науки в настоящее время остается проблема происхождения белорусской народности. Западнорусизм как историко-идеологическое направление общественно-политической мысли свою концептуальную огранку получил в Северо-Западном крае Российской империи, куда на тот момент входили Беларусь и часть Литвы. Главным постулатом западнорусской идеи было утверждение о едином происхождении русских, украинцев и белорусов.

Первые попытки изучения белорусской народности предпринимались еще в XVIII в., когда обширные материалы по истории восточных славян были собраны и обработаны в трудах В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова. Однако в работах этих ученых ставилась цель доказать законность притязаний Российской империи на белорусские земли как наследие Древней Руси. Гораздо меньше внимания авторами было уделено особенностям этнической истории белорусов, их многовековой борьбе за свою самостоятельность. «Народ и страна без прошлого и будущего...», – господствующее мнение правительственных кругов империи в отношении белорусского народа [307, с. 4]. Данная мысль популяризировалась в многочисленных брошюрах, периодических изданиях и книгах, опубликованных в первой половине XIX в. Деятельность православной церкви, духовенства, их борьба с католицизмом, исторические портреты известных деятелей Беларуси, памятные события в истории белорусского края, информация об отдельных исторических артефактах – всему этому в губернских изданиях давалась оценка с позиций «имперского» центра.

Следующим этапом в изучении проблемы стала последняя треть XIX – начало XX в., когда общественный и научный интерес к истории Беларуси, рост национального сознания обусловили издание исследований по языку, материальной и духовной культуре белорусов, вышедших под редакцией Е. Р. Романова, А. М. Сементовского, Н. Я. Никифоровского, Е. Ф. Карского, А. П. Сапунова, В. К. Стукалича, Л. М. Солоневича и других. Основанные на новом материале публикации исследователей способствовали изменению общественного мнения о белорусах, их истории, традициях и обычаях и органично вписались в полемику по

проблеме самоопределения белорусского народа, заложив основу историко-географического ракурса изучения белорусских земель.

Таким образом, в начале нового столетия историография проблемы значительно расширилась как по количеству работ, так и по масштабу охвата различных ее аспектов. Первой концептуальной работой по западнорусизму является монография А. И. Цвикевича «Западно-русизм»: нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в.» [335], в которой автор показал истоки и условия процесса формирования, а также основные положения западнорусской теории, рассматривавшей белорусов в качестве неотъемлемой части триединой русской нации.

Опубликованные примерно в это же время исследования М. В. Довнар-Запольского и М. И. Касперовича затрагивают отдельные фрагменты деятельности представителей западнорусизма. Так, например, публикации М. В. Довнар-Запольского сводятся к анализу деятельности Виленской археографической комиссии [87]. Работы М. И. Касперовича посвящены отчетам о краеведческой деятельности организаций и учреждений, представители которых придерживались идеи западнорусизма [120].

Наряду с аналитическими трудами историков в это время начали появляться и критические статьи. Первыми работами, в которых представлена неоднозначная оценка идеологии западнорусизма, явились исследование В. К. Щербакова [349], опубликованное в 1934 г., и труд В. Н. Перцева [219]. Авторы дают высокую оценку деятельности М. О. Кояловича и подвергают критике творчество В. Д. Батюшкова и П. Д. Брянцева. Однако следует отметить очерковый характер вышеобозначенных работ. Подобные критические труды, посвященные истории западнорусизма, появлялись и в последующие годы.

Новый этап в исследовании проблематики западнорусизма начался в 90-е гг. XX в. и продолжается до сих пор. Первые годы строительства независимой Беларуси стали временем повышенного интереса к исторической науке в целом, введения в научный оборот ранее недоступных трудов, публикации новых работ по историографии, знакомства с именами ранее забытых историков, этнографов и лингвистов.

Возрождение интереса к западнорусской идее в общественно-политическом и научном дискурсе связано с трудами историков Я. И. Трещенка [315], В. Н. Черепицы [336; 338], А. Ю. Бендина [27] и других исследователей. Однако А. А. Крутиков, эксперт Центра исследований

и аналитики Фонда исторической перспективы, отмечает, что западно-русское наследие, несмотря на его актуальность, оказалось в трудном положении [128]. Д. В. Карев подчеркивает, что представители «белорусской историографии эпохи капитализма вынуждены были работать за пределами края – в университетских центрах Российской империи, как, например, М. О. Коялович – в Петербурге, М. В. Довнар-Запольский – в Киеве, И. И. Лаппо – в Дерпте» [116]. Объявленные «своими» белорусские ученые, таким образом, трудились на общерусском поле «вынужденно», в силу исторических обстоятельств, а в душе всегда оставались «патриотами белорусского края».

После изменения внутривосточного курса в республике в середине 1990-х гг. наиболее объективная и взвешенная оценка белорусского прошлого была предложена в работах историка Я. И. Трещенка. По его мнению, белорусскую историю невозможно понять и изучить в отрыве от российской, поскольку у них общие корни и одна общеевропейская цивилизационная основа. «Следует постоянно иметь в виду, – писал ученый, – особый характер исторических связей Беларуси с Россией, существующих на протяжении ее истории. Сложившееся в древнерусский период единство восточного славянства оказалось настолько прочным и всеобъемлющим, что, несмотря на разделившие его политические границы, никогда совершенно не прерывалось и продолжало существовать в иных исторических формах своеобразного этнического союза братских народов» [315, с. 116]. Без учета этого фактора, по мнению историка, невозможно воссоздать объективную историю Беларуси. Я. И. Трещенок считал, что негативные оценки западнорусизма должны быть пересмотрены, ибо «это течение не было антибелорусским, как в начале XX в. его представлял А. И. Цвикевич вместе со своими сторонниками» [315, с. 119].

Начиная с 2000-х гг. по настоящее время духовно-политическое течение западнорусизма вновь оказалось востребованным в белорусском историческом и общественно-политическом дискурсе. Из работ по данной проблематике следует отметить диссертационное исследование А. В. Литвинского [146; 148], монографии Д. В. Карева [117] и П. Г. Чигринова [345], публикации В. Н. Черепицы [336; 337; 338], статьи С. С. Рудовича [242], А. В. Унучека [321], А. Г. Кохановского [121], А. А. Киселева [124], Ю. А. Барабаша [22] и других исследователей. На сегодняшний день наиболее крупными исследованиями в данной области являются работы Д. В. Карева [116; 117; 118; 119]. В них автор

разрабатывает проблемы, требующие тщательной и корректной проработки: генезис западнорусизма в российской и белорусской историографии и этапы его развития; аспекты общественно-политической и культурно-просветительской деятельности историков данного направления; философско-методологические принципы западнорусской историографии, ее место в контексте культуры Беларуси и России второй половины XIX – начала XX века.

Примечательно, что во втором десятилетии XXI в. наметилась тенденция комплексного изучения проблемы происхождения белорусской народности и ее основных этнических компонентов археологами, этнографами, филологами, историками. Проводятся историко-просветительские мероприятия, появляются публицистические и научные работы, основанные на анализе первоисточников, которые включают научно-исторические работы отдельных авторов, труды профильных учреждений, различную документацию, личные фонды историков данного направления, описи и указатели к архивным документам, протоколы заседаний и труды различных обществ из фондов музеев, библиотек и архивов Республики Беларусь и Российской Федерации.

Таким образом, несмотря на тот факт, что западнорусизм как направление общественной и исторической мысли интересовал ученых начиная со второй половины XIX в., комплексные работы, которые бы охватывали истоки данной проблемы в историографии, особенности становления и развития данного явления исторической науки в разные периоды его функционирования, отсутствуют. Разностороннюю деятельность историков, находившихся на позициях западнорусизма, а также политических, научно-просветительских и общественных организаций, являвшихся проводниками идей западнорусизма, еще предстоит изучить, систематизировать и проанализировать имеющуюся на сегодняшний день достаточно богатую историографическую и источниковедческую базу.

На наш взгляд, научно обоснованным является обращение к многогранной деятельности А. П. Сапунова, В. К. Стукалича и Л. М. Солоновича – представителей либерального направления в западнорусизме, активных участников общественных и политических событий второй половины XIX – первой трети XX века.

Первые отечественные биографические публикации о деятельности А. П. Сапунова появились в 70-е гг. XX века. В изучении жизни и творчества последнего можно выделить два основных направления.

Одно из них – стремление к обобщающим работам, другое – рассмотрение отдельных сторон биографии и научного наследия историка. Публикации Л. В. Хмельницкой [330; 332; 333] и А. М. Подлипского [209] позволяют проследить степень участия А. П. Сапунова в общественно-политической и культурно-просветительской жизни Витебской губернии. Отличительной особенностью данных работ стало обращение к различным сторонам жизни и деятельности Алексея Парфеновича, широкое привлечение архивного материала, впервые вводимого в научный оборот.

О жизненном и творческом пути А. П. Сапунова повествуют энциклопедические статьи Л. В. Алексеева [9], А. Г. Кохановского [122; 123], А. М. Подлипского [210; 211], Е. Н. Филатовой [326; 327].

Памяти краеведа посвящены публикации Н. Н. Богородского [63], Д. Р. Газина [72; 73], А. Г. Лисова [145], М. Ф. Шумейко [348], В. А. Тепловой [314], Ю. В. Функ [329] и других исследователей. В них авторы рассматривают архивно-археологическую деятельность А. П. Сапунова, его вклад в изучение истории белорусских земель и православия, приводят библиографический указатель трудов историка, подчеркивают их источниковедческую ценность.

В силу объективных причин имя В. К. Стукалича лишь недавно стало известно в широких научных кругах, вследствие чего в современной научной литературе отсутствует комплексное исследование, а материалы об ученом ограничены статьями справочного характера в энциклопедических и очерко-краеведческих изданиях [352].

Одним из первых исследований, в котором упоминалось имя В. К. Стукалича, явилась публикация В. Н. Черепицы [337]. В 2009 г. вышла статья Д. С. Лавриновича [135]. Ряд значимых фактов из биографии историка можно почерпнуть из статьи С. В. Букчина, в основе которой лежит анализ переписки В. К. Стукалича с Ф. М. Достоевским [32].

Определенный интерес представляют публикации О. И. Акунович [8], А. М. Подлипского [207; 208], Л. Г. Маракова [49], В. Н. Бусько [50]. Данные работы кратко освещают отдельные направления общественно-политической и культурно-просветительской деятельности В. К. Стукалича.

Информация о политической деятельности А. П. Сапунова и В. К. Стукалича в составе Витебского отделения «Союза 17 октября» и Белорусского народного союза можно почерпнуть из исследований Д. С. Лавриновича [130; 132; 133; 134; 138], К. М. Бондаренко [30], А. А. Василевского [40], Д. В. Аронова [12].

В историографии личность Л. М. Солоневича получила противоречивые оценки. Для его оппонента А. И. Цвикевича Лукьян Михайлович являлся идейным вождем кулацкой прослойки в белорусской деревне, монархически настроенной, противопоставлявшийся «борцам» за белорусский народ в лице деятелей круга «Нашай Нівы» [335]. Точка зрения Цвикевича затем переключалась в советскую историографию. В постсоветский период для значительной части белорусских историков Л. М. Солоневич так и остался, по сути, врагом «настоящего» белорусского национального движения, представленного только одной его линией, связанной с деятельностью Белорусской социалистической громады, «Нашай Нівы», партий и организаций, наследовавшим им после 1917 г. [98]. Только в немногих работах дается скорее положительная оценка деятельности Л. М. Солоневича как одного из наиболее значимых представителей белорусской исторической мысли, общественного деятеля, сделавшего очень много для политического пробуждения белорусского общества, одного из влиятельнейших деятелей западнорусизма [154; 338]. Для российских и зарубежных исследователей Л. М. Солоневич интересен, как правило, в качестве отца двух известных деятелей российской эмиграции Ивана и Бориса Солоневичей [64; 169].

Таким образом, жизненные и творческие пути А. П. Сапунова, В. К. Стукалича и Л. М. Солоневича сравнительно недавно стали объектом историографического изучения. Однако, несмотря на разнообразие исследований о А. П. Сапунове и, в меньшей степени, о В. К. Стукаличе и Л. М. Солоневиче, необходимо отметить недостаточную научную изученность основных направлений их деятельности, отсутствие в белорусской историографии работ, в которых комплексно обобщались бы все аспекты их научной, общественно-политической, образовательной и культурно-просветительской деятельности.

1.2 Источники

Научное исследование написано с привлечением широкого круга опубликованных и архивных источников. Это документы и материалы, содержащиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ф. 115, 102) [36; 165; 166; 214; 215; 218; 239; 280; 295; 297], Российского государственного исторического архива (ф. 869, 1278, 1284, 1288, 1327, 1409) [84; 88; 93; 96; 97; 147; 150; 151; 173; 176; 178; 179; 185; 225; 281; 288; 300; 301; 302], Национального архива Республики Беларусь

(ф. 60 П, 622, 623) [89; 95; 125; 152; 177; 229; 230; 234; 299], Национального исторического архива Беларуси (ф. 2496, 2502, 2554, 2558, 2771, 2790) [21; 90; 92; 94; 164; 174; 175; 180; 182; 183; 184; 213; 216; 222; 224; 231; 298; 328], Государственного архива Витебской области (ф. 170, 204, 967) [85; 181; 199; 200; 217; 228; 235; 236; 237; 282; 318; 319; 324; 325], Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно (ф. 103, 366, 369) [240; 334], Витебского областного краеведческого музея (КП 7294, КП 7295) [24; 28; 60; 61; 82; 109; 110; 111; 129; 343; 344], отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ф. 93/II) [220] и Российской национальной библиотеки (ф. 621) [39], а также собственно научное и публицистическое наследие А. П. Сапунова, В. К. Стукалича и Л. М. Солоневича.

Источники по исследуемой теме целесообразно разделить на следующие основные группы: материалы официального делопроизводства; материалы партийных, общественных организаций; документы личного происхождения и материалы периодической печати.

Материалы официального делопроизводства, используемые в работе, представлены протокольными и отчетными документами.

Среди протокольной документации необходимо выделить стенографические отчеты заседаний Государственной думы, журналы заседаний думских комиссий, материалы деловой переписки, посредством которой осуществлялся обмен информацией между различными учреждениями и организациями (в частности, переписка между Министерством внутренних дел, Департаментом полиции и губернскими властями о наличии в губерниях отделов «Союза 17 октября», их составе, численности, руководителей, печатных изданиях) [218; 281; 297]. Большой интерес вызывает дело «О разрешении выборов от русского населения на окраинах для отдельных представителей в Государственную думу», содержащее информацию о действиях, предпринимаемых октябристами во время избирательных кампаний 1906–1907 гг., их стремлении к изменению избирательного закона от 11 декабря 1905 г. [179]. Данные документы ценны тем, что содержат информацию о выступлениях А. П. Сапунова и В. К. Стукалича, позволяя определить их политические позиции, степень участия в разработке различных законопроектов.

Протокольная документация представлена стенографическими отчетами думских заседаний [301; 302; 125] и журналами заседаний комиссий [93; 96; 97; 151].

Существенную информацию о деятельности Витебского отделения «Союза 17 октября» в целом и участии в ней А. П. Сапунова и В. К. Стукалича в частности дают материалы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации [218; 239; 280; 295; 297]. Так, из переписки Центрального комитета с представителями Гродненского и Витебского отделов можно почерпнуть сведения о количестве партийных организаций, их численности и деятельности, ходе выборов в Государственную думу [36; 165; 166; 214; 215].

Большую ценность представляет уголовное дело председателя Витебского отдела «Союза 17 октября», а затем одного из лидеров Белорусского народного союза В. К. Стукалича, находящееся в Государственном архиве Витебской области [318]. В деле сохранилась переписка В. К. Стукалича с Центральным комитетом партии октябристов, руководством Киевского клуба националистов, списки членов Гродненского отдела Партии правого порядка и Витебского отдела «Союза 17 октября», материалы о деятельности Русского предвыборного комитета в Витебске, докладная записка председателю Совета министров П. А. Столыпину за подписью надворного советника В. К. Стукалича, программа Белорусского народного союза, открытое письмо к Российской коммунистической партии (большевиков), протокол обыска и постановление комиссии о расстреле В. К. Стукалича и другие документы.

Особую группу источников по теме исследования составили источники личного происхождения. Весьма содержательными и информативными являются письма В. К. Стукалича, адресованные Ф. М. Достоевскому [220], в которых молодой гимназист делился с писателем своими мыслями, переживаниями, видением прошлого, настоящего и будущего белорусского края, а также его переписка с литературным критиком А. Н. Пыпиным [39], в которой начинающий корреспондент «Русского курьера» рассказывал о трудностях на пути изучения истории родного края.

Проследить эволюцию взглядов А. П. Сапунова на проблему самоопределения белорусского народа помогают сохранившиеся конспекты лекций авторских курсов ученого «Памятники старины и их охранение», «Западный край» и другие материалы [109; 110; 129; 343; 344].

Деятельность депутатов-октябристов от Витебской губернии в III Государственной думе отразил в своих дневниках член фракции правых священник Ф. И. Никонович [170].

Существенная информация по теме исследования была почерпнута из научных и публицистических работ А. П. Сапунова и В. К. Сту-

калича: сборников исторических материалов, актов и документов; научных исследований; статей и публикаций, рассчитанных на широкий круг читателей. Помимо основных исторических исследований ученых («Витебская старина» [249], «Очерк исторических судеб православия и русской народности в Белоруссии вообще и пределах Полоцкой епархии в частности» [275], «Белоруссия и белорусы» [248], «Река Западная Двина» [271], «Двинские или Борисовы камни» [252], «Памятники времен древнейших и новейших в Витебской губернии» [266], «Исторический очерк Витебской Белоруссии» [259], «Исторический очерк 50-летия Витебского губернского статистического комитета» [258], «Краткая характеристика белоруса» [276], «Исторические отношения Руси Белой и Великой» [257], «Краткая заметка о белорусском наречии» [306], «Белоруссия и Литва. Очерки из истории городов Белоруссии») [312]), привлекались и другие их работы. Среди них рецензии и отзывы на научные и публицистические произведения современников витебских ученых – «Разбор сочинения Фр. фон Кейслера «Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в XIII веке» [270], «А. П. Сапунов. К предстоящему 25-летию его ученой и литературной деятельности» [311], «М. В. Довнар-Запольский. Из истории общественных течений в России» [313] и другие.

Библиографический список работ А. П. Сапунова насчитывает более 90 трудов, а библиотека ученого включает 575 единиц хранения собственных сочинений и работ известных авторов. Примечательно, что большинство исследовательских трудов А. П. Сапунова вышли в свет еще при жизни автора отдельными изданиями или на страницах периодических изданий. В архивных фондах Витебского областного краеведческого музея содержатся черновики многих его опубликованных работ, а также подготовительные материалы к ним. Значительная часть книг после смерти исследователя была передана в Витебское отделение Белорусского государственного музея. Вероятно, они не были эвакуированы с началом войны в 1941 г., и эта часть наследия А. П. Сапунова оказалась почти полностью утраченной. Лишь отдельные экземпляры книг с тиснением и автографами ученого представлены в Национальной библиотеке Беларуси и библиотеке Витебского государственного университета имени П. М. Машерова [283]. Важным источником осмысления нового видения исторической судьбы Беларуси и ее народа являются литографии лекций Алексея Парфеновича, которые он читал в Витебском отделении Московского археологического института, а за-

тем в Высшем педагогическом институте [24;28; 60; 61; 82; 109; 110; 111; 129; 344].

Рассматривая вклад А. П. Сапунова в изучение истории Беларуси, хорошо знавший ученого историк-краевед Н. Н. Богородский писал: «Все труды Алексея Парфеновича так обширны по затронутым темам, так характеризуют Витебщину со всех сторон, что невозможно без них обойтись исследователю прошлого Витебщины. Ими приходится пользоваться и археологу, и этнографу, и географу, и натуралисту...» [209, с. 77]. Не менее высокую оценку деятельности витебского историка дал профессор Санкт-Петербургского университета В. И. Сергеевич, отзывавшийся о А. П. Сапунове как о весьма почтенном собирателе материалов для будущей истории Витебского края [209, с. 77]. Как о создателе целой эпохи в историографии Беларуси говорил о витебском ученом В. И. Пичета, отмечая, что в каждом произведении А. П. Сапунова много фактов из исторической жизни Беларуси, о которых никто не знал. «Сапунов прокладывал на протяжении своей деятельности основу для белорусской истории, без которой невозможно было бы идти вперед», – утверждал историк [209, с. 78]. С уважением к деятельности и ученым заслугам Алексея Парфеновича относились известный историк И. Е. Забелин, знаток русской историографии А. П. Пыпин, профессор Варшавского университета Е. О. Карский, профессор Киевского университета М. В. Довнар-Запольский и другие [311, с. 27–28]. В честь 25-летия ученой и литературной деятельности А. П. Сапунова В. К. Стукалич выпустил в свет юбилейную брошюру с подробным библиографическим указателем трудов витебского краеведа [311].

В силу ряда обстоятельств сохранившиеся публикации В. К. Стукалича по социально-экономической истории края, а также исследования в области языка не столь масштабны. При аресте архив Владимира Казимировича был изъят. Сохранившаяся часть библиотеки была продана вдовой В. К. Стукалича, оказавшейся в стесненных обстоятельствах. Впрочем, некоторые книги и рукописи какое-то время у нее сохранялись, но после того, как ее отвезли в дом престарелых, ветхое здание, в котором жила вдова, осталось без крыши и было залито дождем. В результате погибло и то немногое, что удалось спасти [32, с. 218].

Самостоятельной группой документов при исследовании являются материалы периодической печати: «Русский курьер», «Витебские губернские ведомости», «Витебский голос», «Народный листок», «Витебский листок», «Витебская жизнь», «Витебский рабочий», «Известия

Витебского Губисполкома и Губкома Р.К.П.» и другие. На страницах столичных и провинциальных газет и журналов публиковался целый ряд работ витебских краеведов о местной истории и о самих историках [34; 41; 42; 113; 304; 308; 309; 310; 260: 261; 262; 263; 264]. Однако следует понимать, что каждая из газет выражала и отстаивала определенные общественно-политические взгляды, что необходимо учитывать при использовании размещенной в них информации.

В научный оборот вводится новый источник – «Белорусские письма» Л. М. Солоневича, написанные им для газеты «Московские ведомости» в 1908 году. В письмах раскрываются взгляды Л. М. Солоневича на историю белорусско-польских отношений, причины обострения польского вопроса в западных губерниях России после революции 1905–1907 гг., определяются цели и главные направления польского национального движения, предлагается комплекс мер против окатоличивания и ополячивания православного населения Беларуси.

В целом репрезентативность источниковой базы по теме исследования достаточно высока, что во взаимосвязи с анализом отечественной и российской историографии позволяет составить объективную картину исторических взглядов А. П. Сапунова, В. К. Стукалича и Л. М. Солоневича, а также оценить степень их участия в общественно-политических и культурно-образовательных процессах, получить необходимую для достижения поставленной цели и реализации задач исследования информацию, свести ее в единую концепцию, проанализировать и сформулировать выводы к исследованию.

Г Л А В А 2
НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. П. САПУНОВА, В. К. СТУКАЛИЧА
И Л. М. СОЛОНЕВИЧА

**2.1 Западнорусизм как направление общественно-политической
мысли в XIX – начале XX в.**

Одной из основных проблем отечественной истории является проблема происхождения белорусской народности. Беларусь, ее история, быт, занимаемое пространство и границы, характерные качества белорусов, отличный от других народностей исторический менталитет вплоть до середины XIX ст. оставались слабо разработанными в исторической науке. Да и сам белорусский край рассматривался не как отдельная, исторически сложившаяся этническая единица, а как часть более широкого региона, именовавшегося «Губернии, от Польши возвращенные», «Западный край», «Западная Россия», «Западная Русь», «Северо-Западный край», «Литовско-Русское государство» [257, с. 17], а этноним «белорусы» вплоть до конца XIX в. не приобрел общенационального содержания. Такое положение дел было обусловлено рядом факторов.

Во-первых, сосуществовали различные точки зрения по вопросу национальной принадлежности белорусов. Так, польские этнографы записывали белорусов наряду с мазурами и малополяками в провинциальную разновидность польской нации, утверждая, что «белорус» и «литовец» – это крестные имена при общей фамилии «поляк». Даже в январе 1918 г. поляки заявляли: «Земля Белоруссии – достояние польского народа» [60, л. 4]. Некоторые литовско-латышские публицисты, в свою очередь, утверждали, что «белорусы – славянизированные литовцы» [248, с. 1–3]. В русской литературе и правящих кругах второй половины XIX в. вопрос о существовании белорусской народности вообще ставился под сомнение. В начале своей «Истории белорусской этнографии» известный русский литературовед и этнограф А. П. Пыпин писал: «Может быть поставлен вопрос, следует ли трактовать отдельно материал, относящийся к этой западной отрасли русского племени. Существует ли вообще белорусская народность...» [235, л. 5]. По выражению литературного критика и государственного чиновника И. С. Аксакова, знакомство с Беларусью представляло собой «что-то в роде Колумбова

открытия Нового Света» [259, с. 1]. Насколько смутное представление русское образованное общество первой половины XIX в. имело о Западном крае, говорят и путевые заметки ученого академика В. М. Севергина. Проезжая по Беларуси в 1803 г., встречая православные церкви и присутствуя на службах, он считал православных белорусов «схизматиками» и удивлялся схожести богослужения в местных храмах с «греко-русским» [259, с. 2].

Во-вторых, значительную роль сыграло многовековое разделение белорусского населения по вероисповеданию. По данным переписи 1897 г., численное соотношение православных и католиков составляло три к одному [240, л. 142]. Несомненно, последствия религиозного дуализма сказывались на политической и культурной жизни белорусского народа. Официальные иерархи православной церкви и католический костел не признавали белорусов как народ, а исходили из того, что православные – это русские, а католики – поляки.

В-третьих, процесс формирования белорусской нации сдерживался общим направлением политики правительства Российской империи. Русская, как и польская, общественно-политическая жизнь не воспринимала существование белорусов как самостоятельного этноса, а в общественной мысли Беларуси второй половины XIX в. доминировали идеи западнорусизма – идеологической доктрины, рассматривавшей белорусов в качестве части большого триединого русского народа [130, с. 46].

Отметим, что формирование западнорусизма в 30–60-х гг. XIX ст. происходило в борьбе двух лагерей. Результаты этой борьбы должны были определить принадлежность территории и населения белорусских земель либо к Речи Посполитой, либо к Российской империи.

Представители первого лагеря связывали исторические судьбы белорусского народа с польской культурой. Их выводы о польской идентичности Беларуси определялись не только ее принадлежностью к бывшей Речи Посполитой. Местная аристократия – дворянство, католическая элита и интеллигенция состояли в основном из поляков, ополяченных белорусов и литовцев. Насчитывая не более 6 % населения белорусско-литовских губерний, польское меньшинство тем не менее занимало доминирующие позиции в крае [19, с. 199–200]. Утратив политическую власть в 1772–1795 гг., помещики и часть шляхты в течение большей половины XIX в. имели привилегированный статус дворянства и в Российской империи, сохранив тем самым социально-

экономическое и культурное господство над белорусским и украинским населением во всех сферах жизни: политической, религиозной, административной, просветительской, общественной.

Представители второго лагеря видели будущее белорусов в составе триединого «русского народа» и поэтому объявляли борьбу с польским влиянием условием сохранения русской идентичности. «По всей западной стране, так называемых литовских губерний, – писал М. О. Коялович, – с давних времен происходила и происходит народная борьба здешнего белорусского элемента с пришлым элементом польским» [128].

Закономерно, что в условиях враждебного отношения польской среды власти империи позаботились о создании целого комплекса мер административно-полицейского и охранительно-идеологического характера, направленных на «восстановление русской народности и поруганной православной веры» в крае [118, с. 92, 94]. Представители правительственного лагеря и Синода настойчиво доказывали, что «Западный край» есть край русский, совращенный узурпаторами-поляками» [118, с. 95].

В деле вытеснения польской культуры из Беларуси были предприняты экономические и политические меры: кадровые перестановки, насаждение русского землевладения, располячивание католической церкви. Под особым контролем находилась печать. Был установлен административный надзор за учебными заведениями и типографиями. Русское влияние стало выражаться в архитектуре. Административные здания, жилые дома, храмы строились в стиле русского классицизма. Не отрицая белорусского языка как орудия художественного творчества, прежде всего народной литературы, тем не менее деятели западнорусизма полагали, что языком науки и высокой культуры на всем восточнославянском пространстве должен быть общерусский литературный язык.

В переориентировании исторического сознания населения Беларуси чиновники пошли на открытие в западных губерниях исторических центров археографического и краеведческого характера, в обязанность которых вменялось «через историю способствовать возвращению исконно-русской природы края к первоначальной утраченной чистоте русского характера» [118, с. 95].

Среди таких научных учреждений на первое место следует поставить Виленскую археографическую комиссию, Витебский центральный архив древних актов. Наиболее масштабным предприятием сотрудников архива стало издание серийной публикации под названием «Исто-

рико-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном Витебском архиве». Это издание включало историческую документацию о социально-экономической истории Восточной Белоруссии XVII–XVIII вв., главным образом по истории городов этого района (Полоцка, Витебска, Могилева, Орши, Мстиславля) [108].

В разработке проблематики истории Беларуси и других земель «Западной России» принимали участие также Северо-Западный отдел Русского географического общества, Общество изучения Могилевской губернии, Минский и Гродненский церковные историко-археологические комитеты, Витебская ученая архивная комиссия, Витебское церковно-археологическое общество. Несмотря на идейно направленную заданность работы этих учреждений, опубликованные ими во второй половине XIX – начале XX в. издания внесли определенный вклад в развитие исторической науки, поскольку их авторы собрали и опубликовали немало ценных и богатых фактическим материалом трудов по истории, археологии, статистике и культуре Беларуси.

В конце 80-х гг. XIX в. «белорусская тема» получила более широкое отражение в литературе. В 1886 г. вышли «Рассказы о Западной Руси» П. К. Щебальского. Целый ряд работ по истории Беларуси был опубликован М. О. Кояловичем. «Литовская церковная уния», «История воссоединения западнорусских униатов», «Чтения по истории Западной России» – лишь их небольшая часть. В 1889 г. свой труд «Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края» выпустил П. Н. Батюшков.

Располагая достаточно богатой источниковой базой, исследователи существенно развили представление о белорусском народе. Большинство из них продолжали работать в рамках исторической концепции западнорусизма. Вот как, например, показывал Беларусь М. О. Коялович: «Западная Россия безусловно русский край и связан с Восточной Россией неразрывными узами, все это – один русский народ, русская вера, русский язык» [349, с. 31]. О том, что пространство, занимаемое западными губерниями, составляет древнее достояние России, являясь «искони русским и православным краем» [128], писал П. Н. Батюшков и другие историки.

В 80–90-х гг. XIX в. центр западнорусизма переместился в Витебск. С одной стороны, провинциальная обстановка дореволюционных городов, отсутствие библиотек, низкий уровень образования, консерватив-

ные взгляды местной интеллигенции, скептическое, а порой крайне негативное отношение власти к преобразованиям в сфере культуры и просвещения. «Множество старых домов, узких, кривых, горбатых улиц и совсем тесных закоулков. Кое-где возвышаются древние башни и церкви. В каждом закоулке примыкают друг к другу мастерские жестянщиков, портных, швей, шорников», – таковы впечатления С. Я. Маршака, гостившего в Витебске в конце века [209, с. 26]. Крупных предприятий здесь еще не было. Наиболее развитыми были цементно-кафельное, щетинное, стеклянное, пивоваренное производства. Население не превышало 59 тысяч человек. Культурная жизнь ограничивалась домашним музицированием и любительскими постановками популярных пьес. С другой стороны, кропотливая работа таких известных археологов, этнографов и историков, как М. Ф. Кустинский, К. А. Говорский, А. М. Сементовский, П. В. Шейн, Н. Я. Никифоровский, Е. Р. Романов, Д. И. Довгялло. С появлением их фундаментальных работ перед ученым миром встали новые, почти неисследованные страницы этнополитической и социально-экономической истории белорусов. Основанные на новом, оригинальном материале, они, несомненно, способствовали созданию в России общественного мнения о белорусах как о самостоятельном и полноправном народе, который имеет собственную историю, язык, культуру, традиции и обычаи.

Высокая исследовательская активность отличала известных историков, этнографов, ученых, разделявших идеологию западнорусизма, но принадлежащих к его либеральному крылу, общественных деятелей Алексея Парфеновича Сапунова, Владимира Казимировича Стукалича и Лукьяна Михайловича Солоневича.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. в политической и научной жизни белорусских губерний закончилось оформление западнорусизма в качестве самостоятельного направления общественной мысли. Однако идейное содержание западнорусизма на белорусских землях имело существенные особенности, что определялось местными историческими условиями, а также консолидирующей деятельностью представителей интеллигенции, служащих, духовенства, членов культурных и научных учреждений белорусских губерний.

Разделяя принцип единой и неделимой России, рассматривая белорусов как часть триединого русского суперэтноса, представители либерального направления в западнорусизме, в частности А. П. Сапунов, В. К. Стукалич и Л. М. Солоневич, выдвигали идею сохранения и раз-

вития культурных и языковых особенностей белорусского народа, выступали против политической и культурной ассимиляции и унификации белорусской идентичности, подчеркивали важность местных традиций и особенностей, акцентировали внимание на сохранении исторического наследия и культурных связей с другими славянскими народами. В общественно-политической сфере они ориентировались на общероссийские умеренно либеральные партии и организации.

2.2 А. П. Сапунов, В. К. Стукалич и Л. М. Солоневич: основные вехи жизненного пути и становления в научной и общественной сферах

Алексей Парфенович Сапунов родился 15 марта 1852 г. в многодетной семье небогатого белорусского купца и крестьянки местечка Усвяты Велижского уезда. С 1924 г. этот населенный пункт находится на территории Псковской области, однако на протяжении нескольких веков его история была неразрывно связана с Витебской землей.

Несмотря на скромное материальное положение в многодетной семье, благодаря Парфену Даниловичу Сапунову, который «ценил блага образования и воспитания» [297, с. 1], все дети заняли достойное место в жизни. Окончив начальную школу в Усвятах, Алексей Сапунов продолжил обучение в мужской Александровской гимназии в Витебске. Годы обучения стали для будущего историка тяжелым испытанием. Не любовь к точным наукам и языкам, свойственное многим школьникам озорство, тяжелое материальное положение после смерти отца неоднократно ставили под вопрос дальнейшее пребывание Алексея Сапунова в гимназии [92, л. 66]. Однако администрация гимназии не только не исключила гимназиста Сапунова, но даже решением педагогического совета от 23 июня 1869 г. ходатайствовала перед попечителем округа о выделении ему после поступления в университет стипендии Виленского образовательного округа, которая назначалась для воспитанников гимназий Северо-Западного края [106, л. 82 об.].

Пройдя вступительные испытания, Алексей Сапунов был зачислен на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Отличительной особенностью обучения на данном факультете было внимание к детальному изучению исторических фактов на основе обработки исторических источников. Среди преподавателей на факультете было немало известных ученых: филолог М. И. Сухомлинов, яркий

представитель славяноведения О. Ф. Миллер, этнограф, палеограф, филолог-славист И. И. Срезневский, основоположник сравнительно-исторического литературоведения А. Н. Веселовский, специалист по источниковедению К. М. Бестужев-Рюмин. Но наиболее заметное влияние на становление исторических взглядов А. П. Сапунова оказал известный славист, научный руководитель его первых научных изысканий – В. И. Ламанский, под руководством которого Алексей Сапунов написал кандидатскую диссертацию по истории [311, с. 12]. Научная школа, полученная будущим общественным и политическим деятелем в университете, способность к критическому анализу используемых источников впоследствии дали А. П. Сапунову возможность стать объективным и скрупулезным исследователем в области филологии и истории.

Однако в выборе научной проблематики А. П. Сапунов руководствовался, прежде всего, интересом к прошлому родного края, который был, по его мнению, изучен хуже, чем «история всех Людовигов, всех Генрихов, всех Карлов [110, л. 1, 23; 39].

Спустя годы, будучи известным и признанным ученым, вспоминая начало своей исследовательской деятельности, А. П. Сапунов писал: «Белоруссия – край курганов, городищ, замчищ – край, где чуть ли не на каждом шагу ты встретишь следы минувшего. Но все это мало научным образом разработано. Одним словом, во всех образцах изучения Белоруссии существует масса весьма существенных пробелов. Жатва, таким образом, велика, деятелей же пока мало» [60, л. 42].

Четырехлетний срок обучения в университете закончился. В 1873 г., отклонив предложение остаться работать при университете, что объяснялось проблемами со зрением и обязательством отработать министерскую стипендию, А. П. Сапунов вернулся в Витебск, где в Александровской гимназии ему предложили вакансию учителя греческого и латинского языков. Спустя год Петербургский учебный округ выдал Алексею Парфеновичу свидетельство о присвоении ему звания учителя гимназии с правом преподавания истории [328, л. 77–85]. В стенах этого учебного заведения и состоялось знакомство витебского исследователя древностей с тогда еще гимназистом, а впоследствии его библиографом и соратником по Витебскому отделу «Союза 17 октября» В. К. Стукаличем.

Владимир Казимирович Стукалич родился в 1856 г. в городе Якобштадте Курляндской губернии (ныне Екабпилс, Латвия). Вскоре семья переехала в Витебск. В детские и юношеские годы у Владимира Сту-

калича было немало проблем. Вспоминая своих родителей, он позднее писал, что был сыном «весьма образованного, но бедного чиновника, оставшегося в загоне, вследствие открытого исповедания либеральных идей» [318, л. 6]. Сложные отношения в бедной, многодетной семье, прогрессирующая с девяти лет глухота стали причиной того, что в гимназию Володя Стукалич поступил лишь в двенадцать лет. Будучи среди одноклассников переростком, он нередко ловил на себе недоумевающие, а то и насмешливые взгляды одноклассников [32, с. 189–190]. Однако данные обстоятельства не только не сломили, а еще более закалили характер будущего общественного и политического деятеля. «Есть натуры, которые боятся борьбы, и натуры, которые крепнут в борьбе. Я причисляю себя к последним», – читаем в письме гимназиста Владимира Стукалича, адресованном Ф. М. Достоевскому, с которым он переписывался на протяжении двух лет [220, л. 8 об.]. Это был небольшой по протяженности, но значимый период нравственного развития В. К. Стукалича под влиянием русского мыслителя. В письмах, адресованных писателю, гимназист рассказывал о собственных переживаниях, взглядах на историю Беларуси, настроениях в крестьянской среде, национальных отношениях в крае. Через общение с Ф. М. Достоевским Владимир Стукалич впитывал в свое юношеское сознание новые для себя сведения, впоследствии повлиявшие на становление его как личности. Желая быть деятелем общественным или политическим, задающийся разнообразными вопросами, борющийся с собственными сомнениями и противоречиями гимназист пребывал в поиске идеи, которой мог бы отдать свое существование [220, л. 2, 9].

На годы обучения в гимназии приходится первый литературный опыт будущего историка и краеведа. Так, на страницах рукописного гимназического журнала, редактором и издателем которого он являлся, В. К. Стукалич опубликовал две публицистические статьи, несколько стихотворений, этюдов, очерков и две критические статьи [220, л. 17 об.]. В свободное от учебы время гимназист Стукалич составлял библиотечки для сельских школ и снабжал знакомых учителей литературой, в том числе и нелегальной [108, л. 6], за что прослыл «красным революционером» [220, л. 2 об.].

В 1879 г. Владимир Стукалич поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, который закончил в 1883 г. кандидатом прав по административному отделению. Диссертация В. К. Стукалича на тему «Юридическое положение городских общин в Западной

Руси», которую Владимир Стукалич писал под руководством профессора Н. Д. Сергиевского, стала началом его творческого пути.

Занимая активную позицию в научной жизни университета, В. К. Стукалич не был равнодушен и к политическим событиям. Будучи студентом, Владимир Стукалич сблизился с деятелями «Черного передела» и «Народной воли». Не прекращал В. К. Стукалич и просветительскую работу среди населения: устроил несколько сельских школ грамоты, с помощью знакомого мастера открыл на фабрике Торнтонна воскресную школу для рабочих Шлиссельбургского района столицы [318, л. 6 об.].

Способный, обладающий деловыми качествами, навыками и умениями, В. К. Стукалич мог сделать неплохую карьеру в Санкт-Петербурге. Но жизнь сложилась иначе. В январе 1884 г. Владимир Стукалич был арестован на квартире известного публициста, сотрудника журнала «Отечественные записки» и «Русское богатство» С. Н. Кривенко, куда он явился за справками по просьбе знакомого писателя [318, л. 8]. Пробыв четыре месяца в строгом одиночном заключении, В. К. Стукалич по состоянию здоровья был отпущен на поруки к отцу в Витебск.

Вначале он перебивался частными уроками, а с конца 1886 по 1889 г. сотрудничал с радикальной газетой «Русский курьер», куда отсылал свои фельетоны, корреспонденцию, переводы и где под псевдонимом Веневич печатал статьи на литературные темы, в которых не только анализировал работы известных писателей, публицистов, прозаиков, но и делился с читателями собственными соображениями по насущным проблемам в сфере образования, культуры, общественно-политического устройства.

Работы В. К. Стукалича по истории и культуре, биографические очерки принесли ему определенную известность на литературном поприще. Его автобиографические материалы сохранились в собрании авторитетного историка литературы С. А. Венгерова [32, с. 189, 217]. В сентябре 1900 г. Владимир Казимирович написал журналисту и прозаику В. Г. Короленко, предложив проект совместного издания «небольшой серии детских иллюстрированных книжечек» [32, с. 216]. Доброжелательность и общественная активность способствовали его сближению с русским писателем и публицистом г. И. Успенским. В. К. Стукалич был лично знаком с П. А. Столыпиным (в период службы последнего на посту гродненского губернатора). По некоторым сведениям, Владимир Казимирович был дружен с выдающимся живописцем И. Е. Репиным и неоднократно при встречах рассказывал художнику о Беларуси [337, с. 32].

Таким образом, образование, полученное в Санкт-Петербургском университете, личностные черты Алексея Парфеновича и Владимира Казимировича, знакомство с прогрессивно-мыслящими представителями интеллигенции позволили витебским историкам быстро раскрыть свои способности и начать плодотворную научную и социальную самореализацию.

С течением времени А. П. Сапунов и В. К. Стукалич прошли путь нелегких духовных исканий, трансформации собственного мировоззрения и самосознания, превратившись из молодых людей, увлеченных идеями западнорусизма в конце XIX в., в зрелых национально мыслящих представителей Беларуси начала XX столетия.

Деятельность А. П. Сапунова и В. К. Стукалича была довольно многогранной. Так, А. П. Сапунов являлся секретарем губернского статистического комитета в Витебске, почетным членом многих столичных и местных научных и просветительских учреждений: Общества истории и древностей российских при Московском университете, Исторического общества при Санкт-Петербургском университете, Русского географического общества, Военно-исторического общества, Смоленской ученой архивной комиссии, Витебской ученой архивной комиссии, Московского археологического института, Общества по изучению Могилевской губернии, Белорусского научно-культурного общества в Москве, Центрального бюро краеведения при Российской академии наук [319, л. 6], депутатом от Витебской губернии в III Государственной думе [215, л. 26], почетным гражданином города Вележа [176, л. 124, 215], корреспондентом «Витебских губернских ведомостей», затем редактором их самостоятельной неофициальной части и вокресного приложения «Народный листок» [176, с. 190–191]. В период с 1897 по 1901 г. А. П. Сапунов работал помощником инспектора студентов в Московском университете. С 1901 по 1907 г., а затем с 1913 по 1917 г. занимал должность секретаря статистического комитета. С 1912 по 1924 г. Алексей Парфенович преподавал в Витебском институте народного образования, Витебском отделении Московского археологического института, Витебском высшем педагогическом институте. И это далеко не полный перечень заслуг витебского ученого-краеведа.

В. К. Стукалич в историю белорусской культуры вошел как летописец Витебщины, литературовед и историк. Долгие годы В. К. Стукалич служил податным инспектором в г. Гурьеве Уральской области, позже был переведен на такую же должность в г. Слоним. С 1903 г. работал

начальником 1-го отдела Казенной палаты Гродненской губернии, а затем помощником присяжного поверенного Витебской губернии [318, л. 7 об.], являясь одновременно действительным членом Витебского губернского статистического комитета, постоянным членом Епархиального училищного совета, Витебской ученой архивной комиссии. Почетный член Киевского клуба русских националистов, авторитетный политический деятель в монархических кругах, В. К. Стукалич возглавлял Витебский отдел партии октябристов, руководил русским предвыборным комитетом, инициировал создание Белорусского народного союза и являлся активным участником событий дореволюционного Витебска [135, с. 23–24].

Исследование основных этапов жизненного и научно-исследовательского пути А. П. Сапунова и В. К. Стукалича позволяет сделать вывод, что небогатая на внешние события жизнь историков полна внутреннего содержания, неутомимой деятельности по сохранению, приумножению и популяризации накопленных знаний в широких массах населения.

Лукьян Михайлович Солоневич родился в крестьянской семье православного вероисповедания в деревне Новоселки Гродненской губернии 8 (24) октября 1866 года. Отец его, Михаил Солоневич, выбился в сельские священники, но материальный достаток семьи был небольшим. С детства его сыну приходилось помогать семье, подрабатывая свинопасом. Способный и трудолюбивый мальчик смог поступить и окончить в 1886 г. Свислочскую учительскую семинарию. После этого Л. М. Солоневич работал учителем в Цехановецком народном училище Бельского уезда, в Кабанском и Байковском народных училищах Пружанского уезда [167, л. 1, 2]. Лукьян Михайлович занимался самообразованием, мог говорить на трех-четырёх иностранных языках. С 1890 г. он занялся журналистикой, сотрудничал с газетой «Гродненские губернские ведомости», публикуя очерки о проблемах народного образования, сельского хозяйства, здравоохранения. Стал одним из инициаторов движения за трезвость в Гродненской губернии [338]. В марте 1899 г. Л. М. Солоневич переходит на государственную службу, будучи назначен на должность бухгалтера Гродненской губернской комиссии народного продовольствия [167, л. 1, 2].

Лукьян Михайлович обзавелся семьей. В первый раз он женился еще будучи учителем. Его избранницей стала дочь священника Юлия Викентьевна Ярушевич. В браке родилось дети: Иван (1891–1953), Все-

волод (1895–1920), Борис (1898–1989). Но в скором времени семья распалась, хотя Солоневич не стал оформлять развод до смерти Ю. В. Ярушевич в 1915 году. Второй раз он фактически женился в возрасте около 40 лет. Его жену звали Надежда Александровна (к сожалению, ее девичья фамилия неизвестна). Во втором браке родилось четверо детей: Евгений (1905–1938), Софья (1909–1973), Зинаида (1915–2007), Любовь (1920–1996) [64; 284]. Большая семья подталкивала Л. М. Солоневича к активной деятельности, продвижению по карьерной лестнице. Со временем старшие сыновья Лукьяна Михайловича стали его помощниками в его журналистской и общественной работе.

В 1901 г. Л. М. Солоневич подготовил крупное исследование – «Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет ее существования. 1802 – 1902» [287]. По сути, он разработал собственную концепцию истории белорусских земель, которая затем легла в основу его политической деятельности. После издания книги, во время управления губернией П. А. Столыпина карьера Л. М. Солоневича пошла вверх. В 1902 г. Солоневич исполнял обязанности секретаря губернского статистического комитета, в 1903 г. был зачислен в штат губернского правления, а в 1904 г. назначен временным исполняющим обязанности секретаря Гродненского губернского по городским делам присутствия. 16 сентября 1907 г. за выслугу лет он был произведен в коллежские регистраторы [167, л. 2, 3].

П. А. Столыпин ценил Л. М. Солоневича как опытного сотрудника, выходца из крестьянской среды, хорошо знавшего жизнь простого народа. Лукьян Михайлович поддерживал действия гродненского губернатора, направленные на улучшение положения сельского населения. Но по своим убеждениям он был умеренным либералом и позволял себе иногда критику власти, особенно когда дело касалось нерасторопности и бездарности местных чиновников [167, л. 2].

Помимо государственной, журналистской и литературной работы, Л. М. Солоневич занимался активной общественной деятельностью, будучи членом и секретарем Общества взаимного вспомоществования учащихся и учителей народных училищ, членом ревизионной комиссии собрания гродненских чиновников, членом Гродненского церковно-археологического комитета и местного православного Софийского братства [338].

С началом первой российской революции общественная деятельность Л. М. Солоневича становится еще активнее. В начале 1905 г. он

был на стороне бастовавших гродненских гимназистов, среди которых был и его старший сын Иван. Последнего даже пришлось забрать из гимназии. Но, как вспоминал позднее И. Л. Солоневич, причины данного поступка были чисто финансовые: «Я вышел из третьего класса гимназии отчасти потому, что финансовые дела моего отца были в те времена совсем окаянными, а главным образом потому, что гимназической рутины я переварить не мог. Это стоило больших семейных драм» [64, с. 21].

Л. М. Солоневич резко критиковал гродненских чиновников за антисемитские настроения. Черносотенцы угрожали ему смертью. На почве отношения к «еврейскому вопросу» Л. М. Солоневич даже конфликтовал с В. К. Стукаличем [195, л. 12 об.]. Лукьян Михайлович не вступил в проправительственные «Союз 17 октября» и Партию правого порядка, в которые записалось большинство местных чиновников [79, л. 7 об., 8; 81, л. 2 об.]. По своим политическим взглядам в 1905–1907 гг. он был левее октябристов, но и к конституционным демократам он не примкнул.

В 1907 г. Л. М. Солоневича переводят в Ковно, где несколько месяцев он служит младшим помощником правителя канцелярии ковенского губернатора [64, с. 20]. В 1908 г. Лукьян Михайлович переезжает в Вильно и попадает под влияние близкого по духу октябристам местного общества «Крестьянин», созданного в начале 1906 г. и издававшего одноименный журнал. «Крестьянин» поддерживали зажиточные крестьяне, чиновники, православное духовенство, часть интеллигенции. Численность организации составляла около тысячи человек. Делами «Крестьянина» заведовал Центральный комитет. Его председателем был преподаватель Виленской первой гимназии С. А. Ковалюк, выходец из крестьянского сословия, заместителем председателя – преподаватель местного реального училища А. С. Вруцевич, бывший сыном священника. Вначале они планировали распространить деятельность организации на все губернии Северо-Западного края [126, с. 202], но фактически вся работа сосредоточилась в Вильно.

Главными в деятельности «Крестьянина» были аграрный и национальный вопросы. Общество выступало против социалистических идей, все надежды по решению земельных проблем связывались с монархом. Редакция журнала от имени крестьян заявляла, что они желают только земли, а не воли. В то же время допускалось увеличение крестьянского землевладения за счет принудительного отчуждения части

земель польских помещиков, предполагалось ликвидировать сервитуты, уравнивать натуральные и государственные повинности крестьян и помещиков, ввести всеобщее бесплатное начальное образование, организовать мелкий кредит для крестьян и ссудо-сберегательные товарищества [35]. В национальном вопросе С. А. Ковалюк, А. С. Вруцевич и их сторонники сосредоточили свои усилия на борьбе с польским и еврейским «засильем» в крае.

В течение 1906–1911 гг. происходит эволюция «Крестьянина» вправо. В конечном счете данное общество стало филиалом Всероссийского национального союза, а С. А. Ковалюк возглавил его отдел в Вильно [29, л. 151].

Либерально настроенная часть членов организации, в основном из демократических городских слоев, решила создать собственное объединение – «Белорусское общество». Одним из инициаторов образования новой организации, а затем и ее лидером стал Л. М. Солоневич.

Лукьян Михайлович Солоневич – выходец из семьи небогатого сельского священника, благодаря своим способностям, упорству и трудолюбию он смог заявить о себе как об одном из лучших исследователей Гродненского края. Его научная и журналистская деятельность были замечены П. А. Столыпиным, открывшим перед Солоневичем возможности строительства административной карьеры. Но для Лукьяна Михайловича важнее были интересы простого белорусского народа (крестьян, духовенства, народных учителей и др.), на защиту интересов которого он направил свою активность. Помимо активной общественно-политической, издательской и публицистической деятельности, Л. М. Солоневич посвятил себя воспитанию детей, оказал влияние на формирование их мировоззрения, политических взглядов. Его сыновья Иван и Борис стали известными писателями, публицистами и общественными деятелями.

2.3 Развитие научного потенциала А. П. Сапунова и В. К. Стукалича

После возвращения в Витебск во второй половине 80-х гг. XIX в. в поле зрения А. П. Сапунова и В. К. Стукалича оказались многие научные проблемы, которые ранее не рассматривались в историографии или же освещались отрывочно. Однако планы ученых по их изучению часто наталкивались на непонимание со стороны властей. Так, администра-

ция витебской гимназии, в которой А. П. Сапунов проработал 23 года, усматривала в деятельности ученого «кражу казенного времени» [110, л. 33 – 34]. «Невинно, но есть душок белорусского сепаратизма» – официальное мнение чиновников на очерки из истории местной старины и народного творчества [41, с. 3]. Трудностями, связанными с изучением исторического прошлого Западной Руси, молодой Владимир Стукалич делился в переписке с известным исследователем русской литературы и фольклора А. П. Пыпиным, отмечая, насколько трудно было работать в провинциальной обстановке на избранном им пути. «Долгое время я оставался в надежде приобрести солидное значение в местном обществе, что оказывается делом недостижимым при отсутствии материального могущества, по крайней мере, полной независимости», – писал В. К. Стукалич [39, л. 3].

Включившись в исследовательскую деятельность, начав публиковаться в провинциальных и столичных изданиях, А. П. Сапунов и В. К. Стукалич стремились активизировать процесс исследования родного края – Беларуси. Размышлениям о судьбе белорусского народа посвящена одна из первых публицистических работ В. К. Стукалича – фельетон «Западный край», опубликованный в «Русском курьере» [310]. «Проживая безвыездно здесь, начинаешь интересоваться забытыми всеми белорусами, и своеобразной жизнью западных городов, которые кишат разноплеменным народом, и тихими полями, облитыми потом скромного земледельца, полями, на которых столько раз раздавались бранные крики то Литвы, то поляков, то шведов, то французов. И, может быть, скоро опять раздадутся здесь бранные окрики, опять истощенное прежними войнами население возьмется за оружие, чтобы охранить “батьковщину”, как здесь называют семейные очаги» [310, с. 1–2], – писал во вступительной статье Владимир Стукалич. Это последнее обстоятельство, по-видимому, должно было привлечь внимание мыслящих людей на Западный край, вопросы общественной и экономической жизни, самобытность языковых черт, особенности культурного развития и богатство духовного мира его народа.

Отмечая, что история Беларуси мало разработана в русской исторической науке, вследствие чего «исследователю сложно построить полную и верную картину исторического прошлого этой любопытной области русского государства» [312, с. 1], свои усилия А. П. Сапунов и В. К. Стукалич направили на поиск малоизученных и ранее неизвестных архивных материалов, работу в библиотечных хранилищах

Москвы, Санкт-Петербурга, Вильно, Витебска. Много сил было отдано исследователями на их изучение и критический анализ, упорядочение и систематизацию, ознакомление с научной и исторической мыслью прошлых веков и современной им научно-исторической литературой.

Наряду с крайним недостатком разработанного и приведенного в систему материала, историки отмечали отсутствие достаточного количества научных кадров, способных и склонных заниматься беспристрастным изучением истории Беларуси. Такое положение дел, по мнению В. К. Стукалича, было связано в первую очередь с тем, что еврейская буржуазия, соединившая в своих руках почти все движимые капиталы, оставалась в стороне от остального населения; во-вторых, местная белорусская интеллигенция в течение целых веков воспитывалась по преимуществу в польском, ложнопатриотическом духе [312, с. 2]. «Серенькая действительность ослабляет политические мысли и фантазии, благодаря чему в умственной жизни страны ощущается некоторый застой, неблагоприятствующий выработке определенных, ясных взглядов на общественные явления, спутывающий понятия и обессиливающий волю. В нашем пессимистически настроенном обществе, несомненно, бродит масса весьма ценных идей. В обществе накапливаются силы для переработки к лучшим условиям нашей жизни. Твердо уверенные в будущем, мы не расположены мириться с окружающим злом», – отмечал Владимир Стукалич, провозгласив девизом человека, вступившего на общественную арену «борьбу за правду и право» [202, с. 1–2], подчеркивая необходимость приобщения к активной гражданской жизни [202, с. 2].

Начало творческого пути А. П. Сапунова и В. К. Стукалича совпало с сильным социально-политическим откликом в общественной жизни Российской империи, вызванным восстанием 1863–1864 гг. и мерами по его усмирению. Эти события заставили многих публицистов, представителей общественности, политиков, ученых открыть для себя Беларусь и «белорусский вопрос» не только как реалию политического настоящего страны, но и как явление, имеющее древние исторические корни.

По масштабу проделанной работы одно из первых мест по праву принадлежит А. П. Сапунову. Среди многочисленных трудов историка – сборники материалов, собрания актов, описи и указатели, статьи и сочинения по политической истории, социально-экономическому развитию Беларуси, памятникам изобразительного искусства и зодчества, истории религиозной жизни и религиозной борьбы белорусского народа.

Первая работа витебского историка «Исторические сведения о Витебском замке» появилась в «Памятной книге Витебской губернии за 1881 год». Этими сведениями было положено начало ряду работ по истории города Витебска.

В 1883 г. широкую известность получила его «Витебская старина» – масштабная по содержанию публикация сборников документов и собственных работ исследователя Витебской губернии. Издание было задумано очень широко, однако средства на его подготовку добывались автором главным образом преподавательской деятельностью. Тираж был небольшим – всего 500 экземпляров. Из-за высокой цены издание расходилось медленно и было убыточным, вследствие чего опубликовать удалось лишь три из задуманных автором шести томов.

По плану автора первый том «Витебской старины» был посвящен истории города Витебска, второй – Полоцка, третий – других городов Витебской губернии (Велижа, Невеля и прочих), четвертый в двух частях освещал историю Полоцка в период нахождения города в составе Российского государства (1563–1579), Полоцкого и Витебского воеводств в период правления царя Алексея Михайловича (1654–1667), пятый – истории Витебщины во время воссоединения униатов с православными в 1839 г., в шестом предполагалось представить синтез из предыдущих томов. Второй и третий тома «Витебской старины» так и остались в рукописях. Примечательно, что, будучи по личным убеждениям монархистом, А. П. Сапунов поместил в сборнике документы, отражающие действия царской администрации в самом непривлекательном виде [320, с. 230].

После выхода первого тома «Витебской старины» в свет во многих периодических изданиях России появились положительные, а порой и хвалебные рецензии. О сборнике писали «Правительственный вестник», «Русь», «Гражданин», «Санкт-Петербургские ведомости», «Киевская старина», «Крај», «Wiadomosti bibliograficzne», «Русская старина».

«Среди провинциальных исторических изданий «Витебская старина» должна быть замечена. Изданный том «Витебской старины» – книга шикарная», – утверждала редакция «Русской старины». «Событие действительно заметное в нашей провинциальной литературе», – писали корреспонденты «Нового времени». «Гражданин» называл сборник изданием, которое заслуживало «особенного внимания», а «Новое время» – «колоссальным памятником родного края» [320, с. 223–224].

Отметим, что одобрительные отзывы на работу А. П. Сапунова небезосновательны. В изданном историком сборнике помещены не только

собрания законов, грамоты, инвентари, привилегии, договоры и другие исторические документы, рассматривающие религиозную и общественную жизнь Полоцко-Витебского края, но и собственные исторические исследования составителя, связанные с опубликованным материалом. В «Витебской старине» представлена огромная масса карт, планов и чертежей, портретов, гербов, литографических снимков с древних печатей, грамот и рукописей, факсимиле как в тексте, так и на отдельных вкладных листах. При этом, однако, работа историка не лишена определенных недостатков. В. К. Стукалич писал о наличии в первом томе большого количества опечаток, иногда затрудняющих правильное чтение и восприятие документов [311, с. 23]. Слабым местом издания, по мнению Н. Н. Улащика, является отсутствие оригиналов текстов и неточности перевода, что мешает объективному восприятию материала [320, с. 238].

Из более поздних трудов А. П. Сапунова сохраняют свое значение «Книги привилегий», где дана значительная подборка материалов о деятельности епископов и архиепископов, а также справочные данные о генерал-губернаторах и губернаторах [258].

К числу работ строго научного характера следует отнести вышедший из печати в 1884 г. сборник «Польско-литовское законодательство о евреях», труд «Архив духовной консистории» (1898), а также разбор сочинения Фр. фон-Кейслера «Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае» (1898), за которое А. П. Сапунов был удостоен золотой Уваровской медали Российской академии наук.

В 1884 г. из печати вышла книга «Историческая записка 75-летия витебской гимназии». Издание содержит исторический обзор витебской гимназии, статистические сведения о личном педагогическом составе за все время существования данного учебного заведения, список учеников, примечания. В работе автор приводит подробное описание организации учебной, воспитательной и общественной жизни гимназии, значимых событий из истории учебного заведения, имена и заслуги лучших педагогов и учащихся. В издание включены устав гимназии, сметы расходования финансовых поступлений, материалы по деятельности педагогического и попечительского советов, списки учебных планов и программ [256].

Опубликованный в 1889 г. труд «Река Западная Двина» принес автору известность в Англии, Франции, Германии. Состоящее из десяти глав сочинение содержит историко-географический обзор реки Запад-

ная Двина, геологический очерк ее берегов, описание истоков и притоков, историко-статистическое описание поселений, расположенных на берегах Западной Двины, и много других любопытных сведений [271].

В большей мере талант А. П. Сапунова открылся при участии в написании девятого тома «Верхнее Поднепровье и Беларусь» – популярного справочного издания «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» под общей редакцией В. П. Семенова, сына известного географа и путешественника П. П. Семенова-Тянь-Шаньского [241]. В авторский коллектив входили М. В. Довнар-Запольский, А. К. Кабанова, Д. З. Шендрик. Следует отметить, что это издание является настольной книгой многих современных исследователей Беларуси, так как, наряду с понятийным аппаратом по географии, истории, этнографии края, дает основательные знания по этим отраслям науки.

Существенное место среди изысканий ученого занимали церковно-исторические исследования, что, несомненно, обусловлено не только личными мотивами, но и желанием восстановить неизвестные аспекты, традиции духовной жизни православного населения Беларуси. История Полоцкой епархии, ее храмов, монастырей и икон, по словам А. П. Сапунова, для любого верующего является не чем иным, как «святыней полоцкой и духовной, русско-исторической» [269, с. 1].

Увлеченный предметом своего исследования, историк проводил кропотливую работу по поиску и обработке архивных материалов, описанию местных святынь. «Древности Спасо-Ефросиниевского девичьего монастыря в Полоцке» (1885), «Древние иконы Божией Матери в Полоцкой епархии» (1888), «Полоцкий Спасо-Ефросиниевский монастырь» (1888), «Католическая легенда о Параскеве, княжне Полоцкой» (1888), «Усвят и святыня его» (1889), «Витебский Успенский собор в связи с событиями из религиозной жизни витеблян» (1894), «Очерк исторических судеб православия и русской народности Белоруссии вообще и пределах Полоцкой епархии в частности» (1910), «Витебский кафедральный св. Николаевский собор» (1916) и другие церковно-исторические исследования А. П. Сапунова знакомили читателей с практически неисследованными страницами истории религиозной, материальной и духовной культуры белорусского народа. Примечательно, что многие из приведенных публикаций историка содержат не только повествование о наиболее значимых событиях, связанных с этими архитектурными сооружениями, но и рисунки, чертежи, что дает наглядное представление об описываемых местностях и храмах.

Однако в своих архивных поисках исследователь не ограничивался только церковной историей. Он копировал акты и грамоты, которые затрагивали политическое и социально-экономическое развитие Беларуси в целом.

Большой интерес в среде интеллигенции губернского Витебска вызвала небольшая книга «Заметка о коллегии и академии иезуитов в Полоцке» (1890). Не отрицая значительной роли, которую иезуиты играли в жизни края в течение столетий, автор представил историческую справку, разъясняющую истинный смысл и значение «мнимо просветительской» и образовательной роли иезуитской Полоцкой коллегии, академии и подведомственных последней училищ [199].

Итогом кропотливой и плодотворной работы историка стало издание работы «Памятники времен древних и новейших в Витебской губернии» (1903). В ней А. П. Сапунов изложил подробную историю архитектурных и других памятников Полоцка, Витебска и других белорусских городов – древнейших храмов, храмов-памятников, археологических памятников, развалин замков, часовен. В работе представлено подробное описание: кем, когда и из какого материала были сооружены памятники, в ведении кого находились и на чьи средства они содержались. По мнению А. П. Сапунова, проделанная работа по сбору, обработке, систематизации и опубликованию данных сведений явилась первым серьезным шагом в деле сохранения памятников древности, популяризации знаний о культурологической характеристике края [266, с. 6–7]. Работа А. П. Сапунова была включена в качестве приложения к «Памятной книжке Витебской губернии за 1903 год». Насыщенный фактами текст, яркие примеры и образы, оформительские зарисовки не только способствовали комплексному восприятию видов древних городов, но и представляли собой научную систематизацию имеющихся сведений о памятниках архитектуры и зодчества. Несколько позднее по рекомендации Е. Р. Романова А. П. Сапунов издал ценные списки населенных мест Витебской губернии. Работы, посвященные истории местных святынь, находили положительный отклик и среди широкой общественности.

Написанные с ярко выраженных позиций западнорусизма, труды А. П. Сапунова встречали поддержку в церковных и правительственных кругах государства. Рассматривая судьбу «русской народности» в Западном крае через призму ортодоксального православия, историческую жизнь Беларуси историк изображал в «постоянном тяготении к Великодержавии» [266, с. 487].

Данная позиция нашла отражение в его лекции, прочитанной 25 апреля 1893 г. в зале Витебской городской думы, а также в статье «Столетие воссоединения Руси Белой с Великой», напечатанной в «Витебских губернских ведомостях» [273, с. 3] и в брошюре «Исторические отношения Руси Белой и Великой», изданной отдельным оттиском из «Памятной книжки Витебской губернии на 1898 год» [257]. Кроме того, в духе западнорусской историографической традиции были написаны работы: «Значение царствования императрицы Екатерины II для Западного края вообще и Витебской губернии в частности» [254], а также «Граф Михаил Николаевич Муравьев-Виленский» [251].

О возрождении Беларуси как «русской страны» заявлял и В. К. Стукалич. Отмечая, что духовная сущность каждого народа выражается в быте, языке, умственном складе нравственных начал, вероисповедании, историк констатировал, что «по всем этим признакам коренная масса населения Западного края была, есть и остается русской. Законным хозяином в этой русской земле является русский народ. Неуловимой и скрытой польской общественной силе надлежит противопоставить вполне осязательную и столь же открытую, и могущественную русскую общественную силу. Полякам и другим инородцам, не усвоившим себе русской гражданственности и отделяющим свои интересы от интересов русского народа, необходимо указать надлежащее место» [318, л. 40–40 об.]. Подчеркивая неискренность в отношении поляков и польского общества к русским и русскому обществу, стремление польского национализма отделить все польское от русского и притянуть на свою сторону как можно больше русской земли и русского народа, угнетение польской шляхтой русского крестьянства, В. К. Стукалич считал, что «в видах его окатоличения и ополячения, – все это совершенно устраняет саму мысль о единстве польских и русских интересов, в настоящее время враждебных друг другу» [318, л. 40–40 об.].

Вместе с тем нередко в работах историка встречается этноним «белорусы». «Белорусскому народу», «белорусскому краю», «белорусским крестьянам», «семейному быту белорусов», «ландшафту белорусов» посвящен фельетон «Западный край» [310]. В. К. Стукалич также отмечал, что неосведомленность русского образованного общества об особенностях и истории белорусской народности наносит огромный вред «русскому делу и русским интересам в Западном крае» [312, с. 2].

Владимир Стукалич не оставил большого количества публикаций, но то, что сохранилось, написано в широком научном диапазоне: крити-

ческие статьи, исторические исследования, работы по вопросам библиографии и права.

Книгой очерков «Белоруссия и Литва. Очерки из истории городов в Белоруссии» (1894) В. К. Стукалич начал свою работу историка, этнографа и исследователя Витебского края. В издании историк обратил внимание не только на внутреннюю жизнь белорусских городов в различных исторических условиях, но и на роль представителей разных социальных и конфессиональных групп населения. В ходе исследования автор приходит к выводу, что вместо целостной и самостоятельной городской общины, свободно распоряжающейся своим имуществом, обширной территорией, сосредотачивающей в своих руках торговлю, промыслы и ремесла, самостоятельно рассматривающей судебные дела, на деле все права и власть принадлежали духовенству и знати, еврейству, которые пользовались многочисленными льготами и преимуществами в правовой и экономической сферах [312].

Из всего того, что было создано В. К. Стукаличем, необходимо выделить исследования, посвященные творчеству витебских краеведов А. П. Сапунова и Н. Е. Никифоровского.

В 1905 г. исполнилось 25 лет научной деятельности А. П. Сапунова. Этой дате В. К. Стукалич посвятил небольшую книгу, в которой он подробно рассказал о наиболее крупных работах историка, дал оценку их научной значимости. Особенный интерес представляет составленный автором библиографический справочник работ А. П. Сапунова и откликов на них. В библиографии перечислено 50 трудов историка, опубликованных в журналах и газетах России, Франции, Польши [311].

Не менее значимы публикации В. К. Стукалича, посвященные жизни и деятельности витебского этнографа Н. Е. Никифоровского, человека, который стремился в своих исследованиях «заглянуть в душу белорусского народа, изучая даже самые мелкие черты внешнего быта белоруса, склада ума и характера». В 1910 г. Владимир Казимирович опубликовал рецензии на книгу Н. Е. Никифоровского «Странички недавней старины Витебщины» [307].

В. К. Стукалич немало внимания уделял проблеме образования и просвещения в регионе. В статье «К вопросу об устройстве университета в Витебске» [305] он, как и многие другие передовые люди того времени, выражал обеспокоенность большим процентом неграмотного и малограмотного населения, а также отсутствием высших учебных заведений в Беларуси. Когда в 1900 г. в Виленском учебном округе ве-

лись разговоры об открытии университета в Могилеве, В. К. Стукалич горячо поддержал это предложение. Однако данный проект не нашел практической реализации.

В 1903 г. на страницах «Витебских губернских ведомостей» ученый выступил с большой статьей, в которой призывал местные власти и интеллигенцию города ходатайствовать об открытии университета в Витебске, отмечая, что именно в данном городе работали «бескорыстные труженики, так много сделавшие для изучения прошлого и настоящего родины, приобретшие почетную известность далеко за ее пределами»: А. П. Сапунов, Н. Я. Никифоровский, А. М. Сементовский, П. В. Шейн, Д. И. Довгялло, Е. Р. Романов [305, с. 3].

Таким образом, период с 1880-х по 1900-е гг. стал ярким и плодотворным в жизни и научном творчестве А. П. Сапунова и В. К. Стукалича. Это был этап, в течение которого к исследователям Витебской губернии пришла известность в академических кругах. Статус в научном мире изменил социальное положение и круг знакомств витебских исследователей, а со временем и идеологические установки ученых.

Переломным моментом в эволюции взглядов А. П. Сапунова стал его перевод в Москву на должность помощника инспектора студентов императорского Московского университета. Об этом времени ученый писал: «С удовольствием принял я место помощника инспектора в Московском университете. Служебных занятий было чрезвычайно мало, и я ревностно посещал заседания учебных обществ, членом которых я к тому времени состоял. Время это – лучшее в моей жизни» [110, л. 34–35].

В столице А. П. Сапунов познакомился с В. О. Ключевским, трудами историков либерального направления. Безусловно, влияние на взгляды А. П. Сапунова оказала и его многолетняя дружба с литературоведом и фольклористом Б. И. Эпимахом-Шипилой, с помощью которого ученый получал белорусские издания, в том числе и издательского товарищества «Загляне сонца і ў нашэ аконцэ» [110, л. 34–35].

Особенно заметно вектор исторических и краеведческих исследований Беларуси стал меняться в период революции 1905–1907 гг., когда изучением прошлого белорусского народа занялись представители новых либеральных и демократических сил, благодаря которым значительно активизировалось краеведческое движение.

Во всех городах губернии завершалось организационное оформление историко-краеведческих обществ, кружков и товариществ. Обладая определенными знаниями в фольклоре, этнографии, археологии, имея

опыт в исторических исследованиях, ученые начала XX в. смогли по-новому взглянуть на ранее установленные факты. Не стали исключением А. П. Сапунов и В. К. Стукалич.

Ретроспективный анализ работ, подготовленных историками начиная с 1900-х гг., позволяет выявить новую точку зрения исследователей на национальную проблему. В них сделан упор на фактор этнического самосознания, предпринята попытка обратиться к народной жизни, специфике края в религиозном, экономическом и правовом отношениях, так как, по мнению историков, эти сферы, в отличие от политической истории, были едва затронуты.

Поддерживая стремление белорусского народа к самоопределению, защищая национальные интересы, в опубликованных в первой четверти XX в. работах, например, «Полоцк, Витебск и Минск в 20-х гг. прошлого века» (1901), «Памятники времен древнейших и новейших в Витебской губернии» (1903), «Очерк исторических судеб православия и русской народности в Белоруссии вообще и в пределах Полоцкой епархии в частности» (1910), «Белоруссия и белорусы» (1910), «Исторический очерк Витебской Белоруссии» (1911), «К 300-летию дома Романовых» (1913), «Исторический очерк 50-летия Витебского губернского статистического комитета» (1914), «Н. Я. Никифоровский. Странички из недавней старины города Витебска» (1900), «Очерки и рассказы из жизни белорусской деревни А. Р. Пщелко» (1906), «Письма в редакцию» (1907) и других, А. П. Сапунов и В. К. Стукалич опровергали позицию о неисторичности белорусского народа, подчеркивали самостоятельное развитие белорусов, факт присутствия у них своей истории, отличительных черт в общественно-политической, культурно-просветительской и духовной жизни.

В сложной историографической ситуации начала XX в., когда новые исследовательские приемы переплетались с прежними академическими традициями и воспринимались в научной среде весьма неоднозначно, А. П. Сапунов и В. К. Стукалич исключительную значимость придавали необходимости учета многообразия самых различных исторических факторов, тяготели к синтезу многообразных идейных установок, стремились воссоздать полную картину исторического развития белорусского народа.

В этом отношении детального анализа заслуживает текст доклада «Белоруссия и белорусы», прочитанного А. П. Сапуновым на заседании Витебской ученой архивной комиссии в сентябре 1910 г. и опублико-

ванного на страницах «Витебского вестника» [139–144]. В нем ученый старался апеллировать к внутреннему национальному самосознанию слушателей. Приветствуя интерес русского образованного общества, которое пришло к выводу, что «Западная Русь не по одному только преданию носит такое название», А. П. Сапунов заявляет об «особенностях языка белорусов, их нравов и обычаев, богатой народной литературе», что, по мнению историка, «воочию доказывает существование «отдельного белорусского племени» [144, с. 3]. Идентифицируя себя как «белоруса, вышедшего из самых недр народа» [141, с. 2], вопреки устоявшемуся мнению современников о забитости, угнетенности, рабской психологии белоруса, лишенного национального облика, А. П. Сапунов писал о нем с большой задушевностью и верой в глубинные силы народа: «Какие богатые силы таких же великих людей» [248, с. 19–20].

О чистоте нравов, простоте и душевности белорусского народа, особенностях обычаев, богатстве народной литературы В. К. Стукалич заявлял еще в конце 80-х гг. в XIX века. Так, В. К. Стукалич отмечал, что, несмотря на отрицательное и недоверчивое отношение к духовным свойствам и силам белорусского народа, «не окостенел белорус, пережив столько ужасов в своей истории; но жизнь, сохранившаяся в нем, ушла глубоко внутрь, и ее могут заменить только любящие очи местного человека, а не холодный взор людей, чуждых по складу ума и характера» [205, с. 1]. Соглашаясь с мнением об угрюмости, необщительности, замкнутости и пугливой сдержанности белорусов, отсутствию у них «здоровой энергии и подвижности великоруса, не бьющего через край юмора и светлой фантазии малоросса» [201, с. 2], историк призывает взглянуть глубже, увидеть, как крепко, несмотря на все исторические обиды, сохранились в белорусском народе чувство правды, твердая вера. «Посмотрите, сколько мягкости обнаруживает белорусский крестьянин, поставленный в сколько-нибудь сносные условия. У такого счастливица почти всегда заметите на лице ласковую и доброжелательную улыбку» [205, с. 2], – писал В. К. Стукалич, отмечая, что продолжительное совместное существование с людьми другой религии, национальности и обычаев развило в белорусском крестьянине склонность к терпимости. «Он легко воспринимает хорошие стороны чужих порядков, нравов и быта. Но вместе с тем белорусский крестьянин крепко держится за свою старину. Долговременный гнет панства оставил свои следы, но они заключаются именно в чрезмерной робости и раболепстве перед высшими классами, а не в заносчивости. К своим

обязанностям народ относится очень строго. Стоит, хоть поверхностно, присмотреться к быту, чтобы убедиться, как упорно белорус отстаивал свою личность, он не изменил ни своему языку, ни одежде, ни обычаям. Семейный быт белорусов отличается большей мягкостью и гуманностью, чем у великороссов», – резюмировал историк [203, с. 2].

В. К. Стукалич отмечал, что, вопреки сложившемуся мнению, белорус довольно отзывчив, нередко интересуется отвлеченными темами, «легко вступает в беседу, хотя и не задушевную, но все-таки оживленную с интеллигентным человеком» [205, с. 1]. Историк приходит к выводу, что белорусское крестьянство, пережившее столько невзгод, не обладая такой физической крепостью и выносливостью, как крестьянство великорусское, «не лишено, однако, ни нравственных сил, ни энергии, ни идеалов, ни стремлений к улучшению своего быта» [205, с. 9].

Определяя территорию расселения и численность белорусов, А. П. Сапунов и В. К. Стукалич оценивали их на основе новейших этнографических исследований А. Н. Пыпина, А. И. Соболевского, Е. Ф. Карского, М. В. Довнар-Запольского и других ученых, вносящих значительные корректировки в статистические сведения «Первой всеобщей переписи населения 1897 года». Так, например, профессор Е. Ф. Карский, ссылаясь на лингвистические и этнографические данные, общее количество белорусов по империи к 1903 г. определяет в 8317900 человек [259, с. 6], в то время как по материалам переписи белорусов числилось всего 5885547 человек [334, л. 1426].

Серьезным препятствием для определения численности населения историки считали отождествление вероисповедания с национальностью: белорусы-православные называли себя русскими, а белорусы-католики – поляками, а также смешение двух понятий – «католик» и «поляк». «Ведь это же нелепость, – писал В. К. Стукалич, – не все ведь поляки – католики, а тем более не все католики поляки. Мелкая шляхта и крестьяне-католики в домашнем быту говорят, обыкновенно, по-белорусски и почти ничем не отличаются от своих собратий – православных белорусов. Зачислять в число поляков этих белорусов только потому, что они католики, это уже прямо этнографический грабеж» [248, с. 12–13].

Определяя границы административно-территориального расселения, А. П. Сапунов отмечал, что белорусы живут в 72 уездах 14 губерний Российской империи: Витебской, Минской, Могилевской, Виленской, Гродненской, Ковенской, Смоленской, Черниговской, Псковской, Тверской, Орловской, Калужской, Сувалкской и Курляндской [110, с. 3].

«Западная граница белорусского племени проходила от г. Августова Сувалкской губернии, на юг до г. Суража Гродненской губернии; северная – от ст. Корсовка Витебской губернии на восток – на Великие Луки Псковской губернии до г. Зубцова Тверской губернии, где граница поворачивала прямо на юг и шла несколько западнее г. Брянска и г. Трубчевска Орловской губернии до Новгород-Северска Черниговской губернии; здесь граница поворачивала на запад; самым южным пунктом было впадение р. Припять в р. Днепр. И на всем вышесказанном пространстве господствует белорусский язык» [306, с. 14], – писал ученый. Отметим, что, называя в своих работах белорусский язык то «белорусским наречием», то «белорусским говором», историк считал его одним «из самых важных местных видоизменений русского народного языка», неоднократно говоря о нем как о «прямом носителе общерусских черт». В научных кругах (особенно среди русских ученых) преобладало утверждение, что «в белорусском говоре нет ни единой звуковой черты, которая бы не повторилась хотя где-нибудь в Великой России» [156, с. 17]. Все отличия белорусской речи от великорусской и сходства с малорусской он объяснял заимствованиями из последней.

Поддерживая тезис о происхождении белорусского языка от языка Древней Руси, А. П. Сапунов тем не менее четко определял его роль и значение в истории и культуре белорусов. Историк отмечал, что «главнейшие особенности современных белорусских говоров сложились не позже XIII в., а белорусское наречие оставалось языком деловой официальной жизни до XVIII ст.» [248, с. 17–18]. На белорусском языке написан Статут 1588 года, литовские летописи, политические сочинения эпохи религиозного движения XVII в., издана Библия. «Белорусский язык обладает достаточным богатством и гибкостью для выражения общечеловеческих чувств и высоких мыслей», – читаем в лекции разработанного профессором А. П. Сапуновым курса «Белорусоведение» [109, л. 11].

Сам А. П. Сапунов хорошо знал и любил белорусский язык. Позже, акцентируя внимание на отношении к языку в различных слоях общества, он писал: «Незачем распространяться много о том, как желательно и важно, чтобы те, которые считают себя носителями культуры, научились понимать вполне тот народ, который они призваны вести к нравственной и интеллектуальной культуре. Научившись понимать народ, его язык, сказки, предания, мы научимся любить его, научимся видеть в нем человека» [276, с. 2].

Исследованию языка В. К. Стукалич посвятил отдельную брошюру «Краткая заметка о белорусском наречии». Первый шаг в изучении народа – это «собрание произведений народной словесности и изучение народного языка», – отмечал историк [306, с. 6]. В. К. Стукалич был убежден, что белорусское наречие, несмотря на длительное влияние польского и церковно-славянского языков, сохранило «массу самородных форм» [306, с. 8]. В работе автор анализирует диаметрально противоположные взгляды на белорусское наречие И. И. Срезневского, И. Г. Миклошича, М. А. Максимовича и приходит к выводу, что белорусский язык следует считать самостоятельным славянским языком, так как совокупность его характерных черт не повторяется ни в одном языке.

Признавая этническую и культурную самобытность белорусского народа, тем не менее А. П. Сапунов и В. К. Стукалич до конца своей жизни не были последовательными в определении самостоятельности его исторической судьбы. «Здесь, на Белой Руси, у великих князей и царей московских было всегда много искренних друзей; здесь никогда не исчезала мысль о родстве с православною Великою Русью», – по-прежнему пишет А. П. Сапунов в работе 1911 г. «Исторический очерк Витебской Белоруссии» [259, с. 3]. В то же время в ряде трудов этого периода историк проводит мысль о том, что «сами великорусы постольку русские славяне, поскольку они белорусы!» [272, с. 37].

Обратимся к статье «Кто такие белорусы?». «Итак, по моему мнению, – писал А. П. Сапунов, – можно ответить так: Белоруссия, или так называемая Русь Литовская (собранная князьями литовскими), как говорит профессор М. К. Любавский, была исконная Русь, сидевшая на старом корню и никогда не терявшая своего исторического наследия» [264, с. 2; 344, л. 22].

Схожую позицию по национальному вопросу обозначил в работе «Белоруссия и Литва» В. К. Стукалич. «Согласно новейшим указаниям филологической и исторической науки, – отмечал историк, – мы принимаем белорусское племя за одну из ветвей русского народа, наиболее близкую по физической и духовной организации с великорусской народностью; с ней у белорусов гораздо больше родственных черт в одежде, языке, складе мыслей и характере воли» [312, с. 3]. Осуждая полонизированную часть белорусской интеллигенции за «полное забвение истории родного края и своего собственного происхождения», историк ратует за «возрождение Белоруссии как русской страны» [312,

с. 23]. Именно в белорусах историк видит крепкую и надежную опору российской государственности в крае, отмечая, что белорусы – часть триединого русского народа, состоящего из великороссов, белорусов и малороссов.

Таким образом, приведенные цитаты дают возможность утверждать, что в значительной части своих трудов А. П. Сапунов и В. К. Стукалич проводили идею национального своеобразия белорусов. При этом частое использование терминов «Русь», «русский» весьма затрудняет понимание подлинного смысла высказываний историков и свидетельствует о недостаточной четкости и определенности их позиций. Не избавлены от противоречивости и высказывания А. П. Сапунова о самоопределении белорусов. В отличие от национальных движений поляков, литовцев, лагышей и евреев, которые боролись против имперского центра, белорусов историк определяет как «силу центростремительную», направленную, прежде всего, на укрепление государства [99; 103].

Подход к вопросам религиозной жизни белорусов с позиции ортодоксального православия не помешал А. П. Сапунову относиться к вещам униатского культа, прежде всего, как к памятникам истории и искусства края, всемерно содействовать их спасению и сохранению. Так, исключительно благодаря стараниям витебского историка были спасены несколько масляных портретов униатских архиепископов и митрополитов, выброшенных руководством Полоцкой духовной семинарии, которая располагалась в стенах бывшего Витебского базилианского монастыря во имя Успения Пресвятой Богородицы и Святого Мученика Иосафата. Завидную последовательность витебские историки проявили только в вопросе непризнания роли унии в процессе становления исторического самосознания белорусов. Даже в конце своей жизни, в 1924 г., цитируя фразу В. Ластовского из «Кароткай гісторыі Беларусі» о том, что уния к концу своего существования стала настоящей народной верой, А. П. Сапунов заявляет: «Излишне доказывать, что это – чистый абсурд» [111, л. 26 об.].

С уважением и пониманием к национальным интересам других народов относился В. К. Стукалич. Отчасти это объяснялось его родословной. «Я русский православный, хотя происхождение мое такое, – писал историк, – со стороны отца дед литвин, бабка полька; со стороны матери – дед татарско-русского происхождения, бабка – белоруска» [220, л. 18]. В. К. Стукалич утверждал, что все его симпатии лежат на стороне белорусов, потому что он и сам белорус, и характер у него бело-

русский. «Я люблю рослого, статного великоросса, с котомкой за плечами, в красной Александровской рубашке, с загорелым лицом, смелым взглядом; но милее моему сердцу, ближе тихий белячок, в своем бледном, но чистеньком наряде, с грустно-печальным взглядом и истомленным лицом», – читаем в письме Володи Стукалича, адресованном писателю Ф. М. Достоевскому [220, л. 14].

Описывая тяжелое положение белорусского крестьянства, историк сообщал: «С одной стороны жида налегают, с другой – поляки и шляхта стараются восстановить их против всего русского и особенно против царя» [220, л. 6 об.]. Отмечая нелегкое положение белорусского крестьянства, испытывавшего угнетение со стороны евреев и польской шляхты, В. К. Стукалич утверждал, что белорусский «мужик» не так и глуп, как о нем думают. И он готов был предоставить бесчисленное множество фактов, свидетельствовавших, что народ не «тих», что земельный вопрос остается для него самым злободневным и не перекрывается патриотическими призывами к славянскому единению. Так, «во времена восстания 1863 г. крестьяне Витебской губернии не поддержали местных шляхтичей-повстанцев, даже несмотря на обещание денег, а в Лепельском, Полоцком, Оршанском и Сенненском уездах, где помещики все поляки, назревала социальной революция», – отмечал историк [220, л. 13 об., 19 об.].

В. К. Стукалич категорически не принимал главенство поляков над белорусами, которые, по его мнению, не только «отняли у белорусов массу лучших земель, истожили край», но и уничтожили национальность, лишили способности правильно понимать и ценить своих предков, свой язык, свою прошлую историю [306, с. 3].

Не идеализировал В. К. Стукалич и политику царского правительства в Беларуси. Он откровенно возмущался жестокостью властей в период подавления польского восстания 1863–1864 годов. «Многие русские и теперь с удовольствием вспоминают то время и грозятся, если восстанут еще поляки, избить всех, до малых младенцев», – утверждал историк [32, с. 205]. Весьма негативно Владимир Казимирович оценивал уничтожение униатской церкви, считая этот акт подавления насильственным и неоправданным. «Отец мой из униатов. Он рассказывает, что униаты воспитывались в строго национальном духе, были религиознее и католиков, и православных. Когда же их насильно стали присоединять, тогда все любившие свое исповедание ожесточились страшно» [32, с. 205], – читаем в отправленном Ф. М. Достоевскому письме.

В 1907–1910 гг. А. П. Сапунов и В. К. Стукалич активно сотрудничали с «Витебскими губернскими ведомостями». Свою политическую позицию на страницах издания они сформулировали следующим образом: «Объединение белорусов, прекращение национальной вражды, укрепление в сознании людей нравственных ценностей, краевого патриотизма, духа христианской веры» [289, с. 194]. Как и в начале 1890-х гг. XIX в., газета снова акцентировала внимание читателя на национальных особенностях белорусов, своеобразии белорусского языка, уникальной истории белорусского края.

А. П. Сапунов и В. К. Стукалич безгранично любили Беларусь и восхищались ею, отмечали красоту белорусской природы, историческую значимость ее народа, чистоту национального характера. По мнению историков, природа Беларуси с ее холмистой местностью, обилием озер и рек, всюду раскинувшимся сосновым лесом, березовыми рощами исключительна по богатству материала для романистов и ничем не уступает природе Швейцарии, Италии, Испании и Шотландии. «Местный колорит, свой стиль и художественный образ мышления просматривается в архитектуре зданий, церквей», – считал В. К. Стукалич [8, с. 48]. Чувствами глубокой симпатии проникнуты слова А. П. Сапунова о белорусском народе, который, по мнению историка, очень простой и душевный, с добрым сердцем и веселым нравом, обладает богатым и разнообразным подбором плясовых припевок, наряду с пением очень любит музыку. К этому следует добавить богатый материал народных сказок, пословиц, загадок и заговоров [61, л. 28, 31, 35, 36]. Отмечая, что продолжительное совместное существование с людьми другой религии, национальности и обычаев, несомненно, развило наклонность к терпимости, историк предлагает присмотреться к быту, чтобы убедиться, как упорно отстаивал белорусский народ свою личность, что не изменил ни своему языку, ни одежде, ни обычаям. «Тяжелые удары судьбы сыпались на многострадальный народ белорусский, – читаем в одной из работ А. П. Сапунова, – но не пал он от страдания, сохранил и свою прародительную веру, и свою народность» [206, с. 13].

Таким образом, можно утверждать, что научные и научно-публицистические работы А. П. Сапунова и В. К. Стукалича представляют большой интерес для исследователей истории Беларуси. Высокую оценку масштабу проделанной А. П. Сапуновым работе дал Н. Н. Улащик, назвав работы историка «своего рода справочником по истории Северной Белоруссии» [320, с. 239]. Вклад ученого в развитие историко-этно-

культурной идентичности белорусов отмечают Л. В. Хмельницкая [332; 333], А. М. Подлипский [208; 209], Л. В. Алексеев [9], М. Ф. Шумейко [348] и другие исследователи.

А. П. Сапунов и В. К. Стукалич не были кабинетными учеными. Они активно популяризировали свои изыскания и взгляды, являясь действенными и почетными членами различных учреждений и организаций Витебской губернии. Поэтому вполне обоснованно, опираясь на работы историков, привести краткий очерк исторического прошлого белорусского края, упомянув наиболее значимые события, оказавшие влияние на формирование национальных черт белорусского народа и сыгравших значительную роль в истории Беларуси.

2.4 Взгляды А. П. Сапунова, В. К. Стукалича и Л. М. Солоневича на историю Беларуси с древнейших времен до начала XX в.

На протяжении многих лет А. П. Сапунов и В. К. Стукалич развивали мысль о необходимости изучения истории Беларуси, белорусского литературного и художественного наследия. Много сил было направлено исследователями на поиск источников в архивах и библиотеках Москвы, Санкт-Петербурга, Вильно, Витебска, Полоцка, их изучение и критический анализ, ознакомление с научной и исторической мыслью прошлых веков и современной им научно-исторической литературой, упорядочение, систематизацию, описание и объяснение установленных исторических фактов, популяризацию собственных изысканий, которые легли в основу их трудов.

В истории Беларуси А. П. Сапунов выделял четыре периода: Древнерусский период (с древнейших времен до начала XIV в.); Литовско-Белорусский период (начало XIV века – 1569 г.); Польско-Литовско-Белорусский период, когда после Люблинской унии 1569 г. и Брестской церковной унии 1596 г. в Беларусь начали «вливаться польские начала в политической и религиозной жизни»; период после присоединения к Российской империи [82, л. 24–25].

А. П. Сапунов и В. К. Стукалич представили свое понимание происхождения терминов «белорусы» и «Беларусь».

А. П. Сапунов отмечал, что в источниках периода феодализма, как и во всей дореволюционной литературе, этнонимы «Белоруссия», «белорусский народ» встречаются очень редко. В большей степени это за-

висело от того, что ранее эти понятия были недостаточно определенными. В течение столетий «Белоруссией» называли лишь современное Белорусское Подвинье и Поднепровье (во времена Речи Посполитой воеводства Полоцкое, Витебское и Мстиславское, а с начала XIX в. – Витебскую и Могилевскую губернии).

После присоединения к России белорусские земли рассматривались не как отдельная исторически сложившаяся этническая единица, а как часть более широкого региона, именовавшегося следующим образом: «губернии, от Польши возвращенные», «Западный край», «Западная Россия», «Западная Русь», «Северо-Западный край», «Литва», «Литовско-Русское государство».

Определение «губернии, от Польши возвращенные» применялось к восьми, а с 1843 г. (после создания Ковенской губернии) к девяти губерниям – Витебской, Могилевской, Минской, Гродненской, Виленской, Ковенской, Волынской и Подольской, т.е. к территории, которая отошла к России после трех разделов Речи Посполитой.

Более «живучими» оказались термины «Западный край», «Западная Россия», «Западная Русь», под которыми понимались вышеназванные девять губерний, однако с середины XIX в. им придавалось более широкое значение. Историки отмечают, что в западноевропейской историографии название «белорусы» встречается со второй половины XIV в., а официальное употребление в титуле российский царей – с 50-х гг. XVII века.

А. П. Сапунов и В. К. Стукалич, знакомя российского читателя с историей белорусского народа, писали, что белорусский край, заселенный славянскими племенами – дреговичами, кривичами, радимичами, был известен с древнейших времен. Здесь пролегал знаменитый путь «из варяг в греки». Сведения о белорусском крае встречаются в скандинавских летописях как о богатом и сильном владении. Далее исследователи отмечают, что обширное «белорусское племя» довольно рано начало стремиться к созданию государственности. В удельно-вечевой период русской истории в этнографических пределах Беларуси образовался ряд княжеств, которые все и почти всегда тянулись к «богатому и сильному княжеству Полоцкому» [241, с. 44]. В XI–XII вв. Полоцкое княжество, по мнению А. П. Сапунова, являлось одним из самых могущественных на Руси и включало Витебскую губернию, значительные части Могилевской, Минской и Виленской губерний, а также некоторые части Ковенской, Курляндской и Лифляндской. Полоцк и Витебск в XII в. по своему

культурному развитию стояли почти на одной ступени с современными им «западными народами» [60, л. 26]. Историк акцентирует внимание на то, что именно полочане были сильны не только в государственном устройстве, но и в общественной жизни, выработав принцип широкого участия народа в делах всего княжества. К концу XII в. Полоцкая земля раздробилась на множество уделов, что положило начало развитию вечевых отношений в полоцких «пригородах». Городское вече избирало себе князя и заключало с ним «ряд», т.е. договор; оно же контролировало деятельность князя, и в случае разногласия «указывало ему путь» [259, с. 14]. Вече также заключало договор с соседскими землями, выступая в роли судьи в решении наиболее важных вопросов.

Когда Северо-Восточная Русь попала под иго монголов, западно-русские княжества не смогли удержать своей самостоятельности и в XIII–XIV вв. вошли в состав Великого Княжества Литовского. Однако Великое Княжество Литовское не только не остановило успехов самобытной жизни Беларуси, а, наоборот, всецело подчинилось ее культурному влиянию, переняв язык, религию, нравы белорусского народа. А. П. Сапунов называл это время «золотым, славным прошлым» [248, с. 20]. Совсем не изменилось положение православной русской церкви: «Мирно насажденное православие мирно же продолжало свои мирные завоевания» [259, с. 17]. Большое значение отводилось «белорусскому наречию», которое являлось языком деловой официальной жизни. На старобелорусском языке велось законодательство и управление, были написаны литовские летописи («Летопись Быховца», «Летопись великих князей литовских», «Барколабовская летопись»), многие исторические документы, по выражению В. К. Стукалича, являвшиеся признаками народного гения [306, с. 8].

Именно к этому периоду, указывают витебские историки, относится возведение величественных храмов: Марков Свято-Троицкий монастырь (XIII в.), Благовещенская церковь (XIV в.), Церковь Пресвятой Богородицы (XIV в.) и другие, имевшие важное значение в религиозной и политической жизни края. Через присоединение к Литве княжества белорусских уделов ее границы были значительно расширены. «Во второй половине XIV в. русское племя занимало 9/10 земель нового государства» [201, с. 24], – писал А. П. Сапунов. Он доказывал, что особенно возвысилось «Белорусско-литовское государство» благодаря великому князю литовскому Ольгерду, при котором в состав «Литовско-русского государства» входили этнографическая Литва, Белоруссия и

Малороссия. Вся масса населения Литовско-Русского государства была связана духовно исповеданием одной православной веры. Описывая административное и социальное устройство Великого Княжества Литовского, А. П. Сапунов писал, что в селах главенствующую роль выполняли землевладельцы-дворяне, подчиненные в военном отношении крепкой княжеской власти, и крестьянское население, подчиненное феодалам, но не лишенное самоуправления, выборного суда. В городах доминировало литовско-русское население, занимавшееся торговлей и ремеслом, жившее вечевой жизнью и близкое к народной массе.

Некоторым городам были выданы уставные грамоты, «закрепившие правопорядок, выработанный в этих землях в течение предшествующих веков» [248, с. 19]. Однако впоследствии, как отмечал В. К. Стукалич, все города Белоруссии перешли в непосредственное фактическое владение великого князя Литовского. Городские общины, как центры политической жизни белорусского народа, взамен прежнего влиятельного положения поступили в ведение княжеских войтов, старост и воевод [248, с. 19]. В новых условиях государственной жизни, потеряв прежнее политическое значение, городские общины предпринимали попытки отстоять свою внутреннюю самостоятельность.

А. П. Сапунов и В. К. Стукалич считали, что после Люблинской унии 1569 г., которая закрепила окончательное политическое, а спустя четверть века, в 1596 г., и религиозное соединение Великого Княжества Литовского и Польского королевства, поляки отняли у белорусов «лучшие земли, язык, свою прошлую историю» [248, с. 18]. Упадок наблюдался и в культурно-просветительской сфере. Историческую судьбу белорусов после падения самостоятельности А. П. Сапунов называет «национальной драмой» [248, с. 20], отмечая при этом, что сельское и городское население проявило удивительную стойкость, защищая свою православную веру, свой язык, свои нравы и обычаи, что противопоставлялось распространенному мнению о «слабости природы белоруса» [250, с. 17]. Историк резко критиковал презрительное отношение польской шляхты к белорусскому народу, указывал, что он дал полякам выдающегося поэта А. Мицкевича и «величайшего героя» Т. Костюшко, белорусов по происхождению. Он негативно высказывался о влиянии Польши на Беларусь во время Речи Посполитой в сфере не только культуры, но и образования. А. П. Сапунов пришел к выводу, что за время польского владычества «для образования детей купцов и мещан не было сделано ровно ничего; об образовании крестьянских детей не мог-

ло быть и речи» [274, с. 4]. Однако при таком положении дел А. П. Сапунов не выступал против поляков как народа, их прав на национальное развитие в Польше. «Мы, – православные белорусы, – как и все русские Западного края, – не враги поляков; мы ратуем только против неосновательных притязаний поляков на наш искони русский край. Поляки – наши братья (признают они это или не признают, хотим мы этого или не хотим, но это же факт). И мы глубоко убеждены, что наступит то время, то желанное светлое будущее, когда мы с поляками, путем взаимного уважения, путем взаимных справедливых уступок, придем к благоприятному решению нашего “домашнего” спора» [312, с. 37]. Более категоричным в этом вопросе был В. К. Стукалич. Подвергая острой критике деятельность польской шляхты и костела на территории Беларуси, историк называет их «жестоким и бесцеремонным противником» [312, с. 19].

На протяжении всей истории, отмечали ученые, ощущалось тяготение белорусов к России как в политическом, так и религиозном отношении. «Здесь, на Белой Руси, у великих князей и царей московских было всегда много искренних друзей, – писал А. П. Сапунов, «здесь никогда не исчезала мысль о родстве с православной Великой Русью» [312, с. 31]. Он считал, что начало процессу воссоединения было положено еще в XIV в., когда Северо-Восточная Русь, раздробленная на уделы, начала группироваться вокруг Москвы, а первым «собирателем земли Русской» был Иоанн Данилович Калита. В то же время и земли Западной Руси (главным образом, Полоцкое, Витебское, Минское княжества) начали объединяться при содействии «литовского элемента». По мнению А. П. Сапунова, истинным основателем Великого Княжества Литовского являлся Гедимин, который принял титул «короля Литвы и Руси». Таким образом, из одного и того же народа образовалось два русских государства – Великое Княжество Московское и Великое Княжество Литовское. Но вскоре между ними возникла борьба, которая продолжалась в течение почти пять столетий. А. П. Сапунов приводит сведения, что уже Дмитрий Донской хотел отнять у Литвы Полоцк, Витебск и Киев, как свою отчину, а Иоанн III говорил польским послам: «Отчина королевская – есть земля польская, а русская наша» [259, с. 17]. Когда король польский Сигизмунд-Август предлагал Москве вечный мир, писал А. П. Сапунов, Иоанн Грозный дал такой ответ: «За королем наша отчина извечная: Киев, Волынская земля, Полоцк, Витебск и многие другие города русские. Так пригоже ли с королем мир

заключать?» [259, с. 22]. Не прошло и ста лет со времени Иоанна Грозного, как другой русский царь Алексей Михайлович вновь пытался вырвать из рук поляков белорусские земли, приняв титул «Государя всея Великия, Малыя и Белья России». Православных белорусов, указывал А. П. Сапунов, поддерживал и Петр Великий.

В 1772, 1793 и 1795 гг. состоялись разделы Речи Посполитой и белорусские земли вошли в состав Российской империи. Как отмечает А. П. Сапунов, императрица Екатерина II говорила, что ею присоединены «земли, издревле России принадлежавшие; грады, русскими князьями созданные, и народы общего с россиянами происхождения и им единовые» [259, с. 17]. Прямым следствием политических событий конца XVIII в. явилось религиозное воссоединение белорусских униатов. А. П. Сапунов приходит к выводу, что после смерти императрицы для белорусского народа вновь наступили тяжелые времена, и все осталось по-прежнему, как и во времена Речи Посполитой, за исключением преследования за веру. Во-первых, царское правительство на присоединенных территориях сохраняло существовавший господствующий класс, ограничивая при этом только анархию шляхты и своеволие магнатов, и имело целью притянуть на свою сторону местных землевладельцев. Таким образом, сохранялось господство поляков-помещиков над белорусскими крестьянами со всеми вытекающими из этого последствиями. А. П. Сапунов пришел к выводу, что попытки создать на территории Беларуси институт русского землевладения не привели к значительным результатам.

По данным, приводимым профессором В. Н. Черепицей, в Виленской, Гродненской, Минской и Витебской губерниях в начале 60-х гг. XIX в. «польских землевладельцев было в семь раз больше, чем непольских, а их земельная площадь почти в 3,7 раза превышала непольское помещичье землевладение» [337, с. 123]. «Повсеместное господство польского элемента, – писал В. К. Стукалич, – «поместные владельцы, крупные и мелкие, почти исключительно поляки. В помещичьих усадьбах изысканная роскошь. В городах меньше блеска, но и в них три четверти всех мест было занято поляками. В присутственных местах, в гимназиях, на улицах, в лавках всюду слышалась польская речь» [308, с. 3]. Кроме этого, правительство Российской империи, по мнению витебских историков, не пресекло влияние на население присоединенных областей католического духовенства. В городах и селах повсеместно возвышались прекрасные и богатые костелы. Только восстание 1863 г.

и упорное стремление поляков считать Беларусь неотъемлемой частью «польской отчины», полагали А. П. Сапунов и В. К. Стукалич, заставили официальную Россию принять решительные меры против засилья в крае «польского элемента».

Как отмечалось выше, в 1901 г. Л. М. Солоневич подготовил крупное исследование по истории Гродненской губернии, в котором он, по сути, представил собственную концепцию истории не только родной губернии, но и всех белорусских земель. В древнерусский период, по его мнению, белорусы, подобно другим славянским племенам, развивались самостоятельно и независимо [112, с. 1]. В XIII в. западнорусские земли были включены в состав Великого Княжества Литовского (ВКЛ). Однако, поскольку древнерусское население превосходило литовцев не только численностью, но и культурой, оно сохранило полную свободу вероисповедания и традиции общественной жизни, древнерусский же язык (старобелорусский) стал государственным языком ВКЛ. Крайне негативно Л. М. Солоневич оценивал Кревскую унию 1385 года. Польша рассматривалась как государство враждебное восточным славянам, откуда вышли социальные институты, значительно ухудшившие положение населения ВКЛ. По его мнению, князья ВКЛ приняв католицизм, усваивали польскую культуру и язык. Их примеру последовало и дворянство, постепенно терявшее связь с народом и, более того, становящееся во враждебное отношение ко всему русскому, православному. Кроме того, после унии на территории ВКЛ появилась и собственно польская помещицья «олигархия». «Она захватила в свои руки все белорусские земли и водворилась на них в качестве правящего рабовладельческого класса, она постепенно привила рабовладельческие инстинкты и передовым слоям белорусской и литовской народностей, и эти слои оказались навсегда отрезанными от своего народа», – писал позднее Л. М. Солоневич в статье «К белорусской интеллигенции», опубликованной в газете «Белорусская жизнь» в 1909 г. [112, с. 1].

Лукьян Михайлович считал, что белорусы лишились своей социальной верхушки, сделавшись сугубо крестьянским народом. Он весьма мрачными красками рисовал жизнь простых белорусов во времена Речи Посполитой, изображал их забытыми и угнетаемыми, с одной стороны, шляхтой, с другой – евреями-предпринимателями. «Буйное и своевольное шляхетство, в союзе с еврейской народностью, задавило свой народ еще в колыбели его развития и довело его до такой нищеты и умственного убожества, при которых он во все время существования

Польши [Речи Посполитой. – *Д. Л.*] не принимал и не мог принимать активного участия в ее исторической жизни...», – утверждал Л. М. Солоневич [287, с. 14]. Очень резко он отзывался и о Брестской церковной унии 1595 г., оценивая униатскую церковь в качестве переходного звена от православия к католицизму. Последний же рассматривался как главный инструмент ополячивания белорусов. «Польская культура и польское национальное самосознание могло двигаться только за католицизмом. Вне католичества, в обход католичества не было путей для полонизации», – считал Солоневич [286, с. 28].

По его мнению, не улучшилось положение белорусов и после разделов Речи Посполитой, т. к. сохранили силу законы и обычаи предшествующего времени. Л. М. Солоневич полагал, что вначале условия жизни белорусского населения даже ухудшились. В частности, он писал: «...Русское законодательство никогда не создавало для крепостных великорусских губерний такого положения, какое создано было для крепостных западной окраины литовским статутом, польским законодательством и шляхетскими привилегиями» [287, с. 58]. К полонизации добавилась политика обрусительства, которую проводили русские чиновники и дворяне, направлявшиеся царским правительством в западные губернии защищать «русское дело». «Русским панам хотелось выжить отсюда панов польских, но не для того, чтобы облегчить положение нашего народа, а для того, чтобы самим сесть на место своих предшественников и владеть и править белорусами на прежних основаниях», – позже утверждал Солоневич в передовой статье «Белорусской жизни» [112, с. 1]. Он резко критиковал крепостничество.

Постепенное изменение политики царского правительства к бывшим землям Речи Посполитой Л. М. Солоневич связывал с реакцией на польское восстание 1830–1831 гг. Правда, не все действия властей получили положительную оценку. Лукьян Михайлович негативно относился к передаче конфискованных у повстанцев земель, населенных белорусскими крестьянами, в руки других помещиков. «Когда во время польских восстаний конфисковались имения польских помещиков, то их отдавали не белорусским крестьянам, которым земли эти принадлежали по исконному праву коренных жителей страны, а отдавали русским чиновникам, немцам, французам, татарам и вообще всякому сброду, но только не тем, чьи предки жили на этой земле и работали на ней», – сокрушался он на страницах «Белорусской жизни» по поводу «расхищения» национального достояния белорусов [287, с. 1].

Решительный поворот в политике царских властей по отношению к Северо-Западному краю Л. М. Солоневич связывал с отменой крепостного права и подавлением польского восстания 1863–1864 гг. Последнее рассматривалось как чисто шляхетское, хотя Л. М. Солоневич считал К. Калиновского демократом, подчеркивал, что тот выступал за бесплатное наделение крестьян помещичьими землями. В то же время Солоневич справедливо полагал, что позиция Калиновского была исключительным явлением, не характерным в целом для шляхетского лагеря. В частности, он писал: «Мечтания красных о наделении крестьян землею и общем равеннии было исключением и не разделялось большинством польского дворянства, которое держалось своих взглядов на крестьян» [287, с. 72]. В целом действия правительства после восстания на территории белорусских земель оценивались как положительные, и, прежде всего, за борьбу с полонизацией.

С течением времени Беларусь начала втягиваться в культуру Российской империи. В конце XVIII – первой половине XIX в. в Беларуси быстрыми темпами развивались торгово-денежные отношения, оживилась торгово-промышленная деятельность городов, наметилась производственная специализация отдельных территорий. Это содействовало развитию хозяйственных связей между районами, вело к постепенной ликвидации хозяйственной разобщенности и формированию местного внутреннего рынка.

На основе этих изменений и началось формирование белорусской нации. Но в дореформенные годы, в период господства феодально-крепостнических отношений, натуральная система хозяйства еще не была полностью разрушена. Поэтому не была полностью изжита и экономическая разобщенность районов, хозяйственные связи между ними были еще слабыми. Только после отмены крепостного права, когда ускорилось развитие капитализма и товарно-денежные отношения проникли во все сферы экономики, формирование белорусской нации шло значительно ускоренными темпами. В конце XIX в. на территории Беларуси сложился национальный рынок, который сыграл решающую роль в формировании других признаков (общности территории, языка, культуры, психического склада) и объединил их в единое национальное целое.

Консолидации территории белорусского этноса и, в частности, белорусской нации мешало то, что белорусы не имели своей государственности. Это создавало большие трудности на пути ее развития, но остановить эти процессы полностью было невозможно.

Тем не менее, вопреки историческим и политическим условиям, во второй половине XIX – начале XX в. были сформированы основные признаки белорусской нации и этноним «белорусы» окончательно закрепился за всей этнической территорией белорусов. Был достигнут значительный прогресс в изучении белорусской культуры, произведений народной словесности. Начали появляться издания сборников народных песен, сказок, пословиц – наглядный пример того, какие богатые духовные силы таились в душе белорусов.

Несомненно, вклад, который внесли Алексей Парфенович Сапунов, Владимир Казимирович Стукалич и Лукьян Михайлович Солоневич в изучение Беларуси, огромен. Несмотря на их приверженность позициям западнорусизма, их видение исторической судьбы родного края и ее народа, научные изыскания в области языкознания, этнографии, истории Беларуси и православной церкви оказали значительное влияние на развитие белорусоведения и белорусской истории.

2.5 «Белорусские письма» Л. М. Солоневича

В 1908 г. в кругах виленской православной интеллигенции и служащих возникла идея создания «Белорусского общества». Л. М. Солоневич был одним из инициаторов образования новой организации. Вначале он хотел заручиться поддержкой со стороны своего бывшего «патрона» П. А. Столыпина и обозначить суть «белорусского вопроса» для российской политической элиты. С этой целью Солоневич подготовил серию публикаций под названием «Белорусские письма», печатавшихся в одной из ведущих газет того времени, «Московских ведомостях», с марта по ноябрь 1908 г. Автор выступал под характерным псевдонимом Коложский, указывавшим на родную Гродненскую губернию и Коложскую церковь в Гродно. Солоневич представил читателям очерки политической, культурной и экономической жизни белорусского населения, обозначив основные проблемы, на решении которых и должно было сосредоточиться создаваемое «Белорусское общество» [194]. Лукьяну Михайловичу удалось заручиться поддержкой со стороны А. С. Будиловича, уроженца Гродненской губернии, редактора «Московских ведомостей», известного русского ученого-филолога, слависта, члена-корреспондента Петербургской академии наук, наряду с П. А. Кулаковским, принимавшим участие в издании «Окраин России» и инициировавшим создание Русского крайнего общества в феврале 1908 г. [194]. Буди-

лович помог Солоневичу и его сторонникам оформиться в самостоятельную общественную организацию.

Для Лукьяна Михайловича «польский вопрос» в Северо-Западном крае Российской империи был ключевым. Будущее белорусского народа им связывалось с успешной политикой центральных и местных властей в союзе с белорусской интеллигенцией по ослаблению польского экономического, культурного и политического влияния на территории белорусско-литовских губерний. Для более глубокого понимания сути «польского вопроса» Солоневич в ряде своих работ представил историю польско-белорусских отношений. Идеи, сформулированные им на страницах «Краткого исторического очерка Гродненской губернии за сто лет ее существования. 1802–1902», были затем развиты в «Белорусских письмах». Л. М. Солоневич представил читателям очерки политической, культурной и экономической жизни белорусского населения, обозначив основные проблемы, на решении которых и должно было сосредоточиться создаваемое «Белорусское общество».

Л. М. Солоневич понимал важность изучения истории родного края, утверждая, что для национального пробуждения белорусского населения первое условие – ознакомить народ с его прошлым. «Белорус, который хоть сколько-нибудь знаком с историей своих отцов и дедов и с теми условиями, при которых им приходилось жить под владычеством польских панов, становится уже совершенно неуязвимым для польской ассимиляции и для какого бы то ни было сепаратизма», – писал он в «Белорусских письмах» [156]. Л. М. Солоневич рассматривал средневековую Польшу как государство враждебное восточным славянам, откуда вышли социальные институты, значительно ухудшившие положение населения Великого Княжества Литовского (ВКЛ), включавшего в себя белорусские земли. «До пришествия поляков в эту страну здесь были и свои природные русские князья, и свои богатые и знатные роды – носители национального самосознания, было и свое дворянство, была и своя интеллигенция, было и свое просвещение, был и свой письменный язык», – так описывал ситуацию в ВКЛ Солоневич до заключения Кревской унии 1385 г. [162]. Он считал, что «особенности общественно-политического строя польского государства – латинство, крепостничество, шляхетство, самовластие и бесчинства вельмож – были чужды русскому человеку, тогда еще не знавшему ни крепостничества, ни шляхетства, ни бесправия, в котором находились низшие классы общества в Польше» [287, с. 8].

Лукьян Михайлович отказывал польской культуре в почвенности, рассматривая ее в качестве кальки феодального строя соседних западноевропейских государств. «...Усвоив верхушки европейской цивилизации, поляки не сумели пойти дальше... согласиться с теми славянскими началами, которые выработаны были собственным народом», – утверждал Солоневич [287, с. 10]. Он рассматривал поляков, включая шляхту, как пришлый на территории белорусских земель элемент.

Как уже отмечалось, Л. М. Солоневич полагал, что свой исторический «шанс» белорусы получили только после падения Речи Посполитой.

Л. М. Солоневич давал положительную оценку деятельности Н. М. Муравьева на посту виленского генерал-губернатора в 60-х гг. XIX века. «Это был первый русский человек, который стал между польским паном и белорусским мужиком, защитил мужика от притеснений пана и многое сделал для подъема самосознания этого мужика, для зарождения в нем чувства собственного человеческого достоинства», – считал Лукьян Михайлович. Он доказывал, что белорусский народ поддерживал деятельность Муравьева, и особенно высоко оценивал его работу по развитию просвещения: открытие народных училищ и учительских семинарий [163]. Опровергая нападки со стороны поляков на генерал-губернатора, Солоневич показывал, что критики с польской стороны необъективны: «Поляки тщательно подсчитали свои жертвы Муравьевской эпохи, но они не потрудились подсчитать сколько белорусов отправилось на тот свет из-под панских бузунов, сколько белорусской крови было пролито на панских задворках и на панских конюшнях, сколько белорусских слез было пролито на белорусских полях...» [163].

Описывая текущее положение белорусского народа, Л. М. Солоневич констатировал, что после польского владычества «белорусская народность по крайней мере на 300 лет отстала от общечеловеческой культуры... теперь она уже не в силах создать ни свой язык, ни свою литературу, ни вообще какую-нибудь “свою белорусскую культуру”...» [158]. Из социальных групп у белорусов остались лишь «поп да хлоп». Солоневич указывал, учитывая и свой опыт, что только при помощи народных училищ, учительских семинарий и институтов начала формироваться новая белорусская интеллигенция [112, с. 1]. Задачу возглавляемого им «Белорусского общества» он, как раз, и видел в том, чтобы сплотить воедино «слабые еще интеллигентные силы, какими располагает белорусская народность» для поиска путей улучшения положения крестьянства.

Главным препятствием для нормального развития белорусского народа было проведение со стороны польской земельной и церковной элиты линии на ополячивание белорусов. Л. М. Солоневич считал, что от поляков нужно отличать белорусов-католиков. Польской шляхты в крае несколько сот тысяч, а белорусов-католиков 2–3 миллиона, писал он в «Белорусских письмах» [161]. До своих читателей Лукьян Михайлович пытался донести мысль о том, что вероисповедание не может служить почвой для национального самоопределения. Особенно резко на страницах «Белорусской жизни» он критиковал утверждение своих оппонентов о тождестве католицизма и принадлежности к польской нации [46]. Солоневич доказывал единство белорусов православных и католиков: «Так как белорусы в настоящее время благодаря своей принадлежности к двум вероисповеданиям – православному и католическому – представляются разрозненными и не объединены сознанием общности своих интересов, то ближайшая задача... должна заключаться в том, чтобы объединить всех представителей этой народности без различия сословия, звания и вероисповедания...» [221].

Из-за политической консолидации местных поляков в период первой российской революции, создания ими политических партий, расширения деятельности общества «Освята», Польского союза культурного труда в Литве и Беларуси, Л. М. Солоневич считал необходимым ускорить объединение и белорусской интеллигенции.

В польском национальном движении Лукьян Михайлович выделял два главных направления: 1) партии и организации, выступавшие за восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г. как польского государства; 2) польских «краевцов», продвигавших принцип политической нации, согласно которому все сознательные «граждане» бывшего ВКЛ составляли одну нацию независимо от своего национального происхождения и вероисповедания В последнем случае расчет делался на доминирование местных поляков как наиболее политически сознательной, экономически мощной и «культурной» этнической группы. Солоневич справедливо подмечал, что на самом деле польские националисты и «краевцы» расходились только вопросах тактики, а конечная цель у тех и других была одна и та же – сохранить свое преобладающее положение в белорусско-литовских губерниях [194, л. 12]. Он отмечал, что поляки действуют в двух направлениях: религиозно-просветительском (открытие польских школ в белорусских селах, ассигнования на преподавание польского языка в средних и начальных школах, миссионерская

деятельность католического духовенства) и культурно-экономическом (организация профессиональных и потребительских обществ во главе которых ставятся польские руководители). «Цель поляков затормозить движение национального самосознания белорусов в русскую сторону и дать ему направление в сторону польских интересов, – доказывал Солоневич. – Для этого полякам необходимо на время отказаться от политики и подойти к белорусам в качестве культуртрегеров, преследующих “исключительно культурно-экономические интересы народа, стремящиеся к поднятию его имущественного благосостояния”» [194, л. 2, 10].

Л. М. Солоневич негативно относился к газете «Наша Ніва», издававшейся на белорусском языке с 1906 по 1915 г. Он считал, что данное издание было инспирировано польскими «краевцами», а белорусский язык газеты искажен полонизмами до неузнаваемости [158].

Лукьян Михайлович осуждал российских либералов, пытавшихся заигрывать с поляками, считая «демократизм» последних наигранным. Он считал, что только ненависть к России приводит их в оппозиционный лагерь. Если бы полякам удалось сформировать свое правительство, то тогда, по мнению Солоневича, «в лице польских панов и польского духовенства нашего края мы встретили бы самых непримиримых реакционеров, самых непримиримых врагов всякого прогресса» [285, с. 3]. Таким образом, польские «паны» и костел, проводившие полонизаторскую политику, выступали главными врагами белорусов. В программе «Белорусского общества» прямо было отмечено, что «национальная борьба в Белоруссии является в то же время и борьбой классов» [221].

Крайне негативно относясь к полякам в Северо-Западном крае, Л. М. Солоневич в то же самое время признавал национальные права поляков в этнографической Польше. Так, Лукьян Михайлович считал: «Какова бы ни была польская государственность с общей точки зрения, но для поляков она была во всяком случае своею, и польский народ вправе ее оплакивать, вправе желать ее восстановления в будущем» [285, с. 2].

Для ослабления польского влияния в белорусско-литовских губерниях Л. М. Солоневич предлагал осуществить ряд мероприятий. Прежде всего, он настаивал на располочивании католической церкви, т. к. католическое духовенство являлось главным проводником польской национальной идеи. Наиболее легкий способ располочивания костела Солоневич видел в замене лиц, занимавших высшие посты в местной католической иерархии, неполяками. «Пусть на местах епископов в на-

шем крае будут французы, немцы, испанцы, итальянцы, литовцы, одним словом, лица какой угодно национальности, но ни в коем случае не поляки», – писал он в «Белорусской жизни» [48]. Лукьян Михайлович приветствовал решение о ссылке виленского католического епископа Э. фон Роппа [155]. Для ослабления польского влияния он допускал введение в католическое богослужение белорусского языка [55].

Л. М. Солоневич призывал белорусскую интеллигенцию поддерживать православное духовенство, напоминая об его исторических заслугах по отставанию «национально-русского самосознания» белорусов в XVI–XIX вв. Местная интеллигенция, по его мнению, должна смотреть на православного священника как на устойчивую политическую силу, на которую можно опереться в национальной борьбе с поляками [159].

Особое значение Л. М. Солоневич придавал реформам в сфере народного образования. Он был противником восстановления университета в Вильно, доказывая, что последний неизбежно окажется в польских руках, прежде всего, потому что белорусское крестьянство не смогло бы обеспечить поступления достаточного количества студентов. Лукьян Михайлович полагал, что правительство в первую очередь должно учесть потребности большинства населения. «...В Западном крае русским элементом являются поп да хлоп, необходимо прежде позаботиться об удовлетворении насущных потребностей попа и хлопа. Для первого нужна высшая духовная школа, а для второго низшая и средняя общеобразовательная школа, и школа сельскохозяйственная, и только тогда, когда культурный уровень попа и хлопа будет приподнят на одинаковую высоту с культурным уровнем польского пана, можно будет подумать об открытии в крае высшего учебного заведения», – полагал Солоневич [157]. Он предлагал расширить сеть средних специальных учебных заведений, которые давали подготовку по ведению сельского хозяйства, занятию ремеслами, организации промышленных предприятий и т. п. Городские училища, по его замыслу, необходимо было преобразовать в ремесленные или сельскохозяйственные, часть из них перенести в сельскую местность, чтобы сделать среднее и профессиональное образование доступней для основной массы белорусов [44].

Для экономического и культурного развития белорусского крестьянства, ослабления позиций польских землевладельцев Л. М. Солоневич добивался реформирования органов местного управления. Он критиковал Городское положение 1892 г., отдавшее, по его мнению, городские думы в белорусско-литовских губерниях в польские руки, на-

стаивал на проведении городской реформы с учетом белорусской специфики [160]. Также Солоневич предлагал ввести выборные земства, поддержав проект П. А. Столыпина, заключающийся в применении национального принципа при распределении избирателей по куриям для закрепления русского (православного) большинства в составе управ и среди вольнонаемных служащих, в определении ряда должностей, которые могли бы заниматься исключительно русскими (православными).

Таким образом, экономическому, культурному и общественному подъему белорусов, по мнению Л. М. Солоневича, мешало сохранение польского землевладения, сильных позиций поляков в органах городского самоуправления, общественных организациях, использование католической церкви для полонизации белорусов-католиков. Решение «польского вопроса» для Солоневича было главным условием дальнейшего развития белорусского народа. В «Белорусских письмах» он предложил комплекс мер против окатоличивания и ополячивания населения Беларуси, включавших ослабление позиций костела, интеграцию православных белорусов и белорусов-католиков, реформирование системы образования с учетом интересов белорусского крестьянства, проведение городской реформы и введение выборных земств с учетом белорусской специфики, подготовку земских кадров из числа белорусов.

2.6 Культурно-просветительская деятельность А. П. Сапунова и В. К. Стукалича во второй половине XIX – первой четверти XX в.

Обозначив собственную позицию по насущным проблемам национальной политики, А. П. Сапунов и В. К. Стукалич активно популяризировали свои исследования и взгляды, являясь членами различных учреждений и организаций Витебской губернии, принимали деятельное участие в важных событиях в общественной и культурно-просветительской жизни Полоцко-Витебского края конца XIX – первой четверти XX в.

Карьерный рост А. П. Сапунова шел достаточно успешно. Параллельно с педагогической деятельностью (преподавание древних языков и истории в Витебской гимназии с 1872 по 1897 г., профессор Московского археологического института по Витебскому отделению с 1911 по 1922 г., с 1922 г. – профессор Витебского института народного образования, а позже Витебского педагогического института [319, л. 23,

256, 304]) Алексей Парфенович положительно зарекомендовал себя на службе в государственных учреждениях. В марте 1882 г. историк был избран действительным членом Витебского губернского статистического комитета [200, л. 54], структура которого с введением нового «Положения о губернских и областных статистических комитетах» в большей степени стала напоминать научное общество.

Кроме сбора данных и составления статистических отчетов, члены комитета занимались сбором краеведческой информации, составлением исторических, административных, археологических, этнографических карт, изданием книг по краеведению, статистике и этнографии. Витебский губернский статистический комитет тесно сотрудничал с Русским географическим обществом, Московским географическим обществом, Императорской археологической комиссией. В положении подчеркивалось, что в рамках издательской деятельности планировалась публикация статей и описаний губерний, отдельных городов и областей в губернских ведомостях, «Памятных книгах», монографиях.

Таким образом, статистический комитет был не только наделен правами осуществления широкой исследовательской работы в рамках своей губернии, но и стал значительным издательским центром (преимущественно работ своих членов).

Комитет продолжал функционировать вплоть до 1918 года. Следует отметить, что за время его существования усилиями членов комитета была проделана весомая работа по обобщению сведений о памятниках и древностях Полоцко-Витебского края. Собранный и проанализированный материал затем публиковался в губернской типографии отдельными изданиями и на страницах «Памятных книг Витебской губернии», которые по инициативе А. П. Сапунова стали источником распространения историко-географических сведений о губернии.

В 1886 г. А. П. Сапунов познакомился с Е. Р. Романовым, в то время инспектором народных училищ Витебской, Гродненской, Могилевской губерний. В этом же году в Витебск вернулся В. К. Стукалич, который приступил к работе помощником присяжного поверенного. В 1893 г. по приглашению Московского археологического общества Е. Р. Романов, А. П. Сапунов и В. К. Стукалич приняли участие в работе IX археологического съезда, проходившего в Вильно. Научная проблематика на съезде была разнообразной: первобытные древности; история, география, этнография; памятники живописи; церковные древности; памятники языка и письменности; древности классические и византийские;

памятники быта; древности литовские, славянские и восточные; памятники археологические [1; 198, с. 89–90]. Съезд имел огромное значение в культурной и научной жизни Беларуси. Делегаты от Витебской губернии смогли не только перенять опыт известных деятелей науки, но и представить результаты собственных археологических и исторических исследований церковных учреждений Витебска и Полоцка.

Еще одним значимым событием в жизни Полоцко-Витебского края стало открытие 2 сентября 1893 г. Витебского церковно-археологического музея и древлехранилища [196].

Церковно-археологические музеи начали активно появляться практически во всех епархиальных городах Беларуси в 1890–1910-х гг.

Инициаторами этой деятельности, как правило, выступали представители белорусской интеллигенции, которые, несмотря на отсутствие поддержки со стороны властей, равнодушие и необразованность местного населения, незначительную финансовую поддержку, сделали все возможное, чтобы подобные учреждения появились в Могилеве, Минске, Вильно, Витебске.

Идея создания церковно-археологического музея в Витебске связана с именем известного этнографа, инспектора народных училищ Витебской губернии Е. Р. Романова. В июле 1892 г. он подал прошение на имя епископа Полоцкого и Витебского Антонина с предложением создать епархиальный музей древностей для «собрания и хранения предметов старины религиозного назначения» [16, с. 56]. В прошении отмечалась необходимость тщательного сохранения от уничтожения временем и неопытности ряда лиц имеющихся памятников церковной старины в силу их громадной важности для церковной археологии.

Несмотря на тот факт, что приказ Синода об открытии Витебского церковно-археологического музея и утверждении его Статута вышел только в октябре 1895 г. [16, с. 57], фактически первое на территории Беларуси церковно-археологическое древлехранилище начало функционировать со 2 сентября 1893 г. Его членами-учредителями были избраны Е. Р. Романов, А. П. Сапунов и священник Василий Говорский. В 1895 г., после перевода Е. Р. Романова на службу в Гродненскую губернию, все заботы по пополнению фондов музея были поручены А. П. Сапунову [101]. Для него, исследователя истории православия, интерес к прошлому не только определялся желанием восстановить неизвестные страницы истории, но и сопровождался личными мотивами, связанными с восстановлением исторических традиций духовной жизни право-

славного населения белорусских земель. Об интересе ученого к данному вопросу свидетельствуют многочисленные церковно-исторические исследования А. П. Сапунова. История Полоцкой епархии, ее храмов, монастырей и церквей для любого верующего является не чем иным, как «святыней полоцкой и духовной, русско-исторической» [268, с. 13], отмечал историк в одной из своих работ.

Работа по сбору и сохранению памятников старины была продолжена и в последующие годы. «Высочайшим повелением» императора Николая II от 22 января 1896 г. Витебский центральный архив древних актов подлежал передаче в ведение Министерства народного просвещения [174, л. 1]. Для решения организационных вопросов была создана специальная комиссия, которую возглавил временно исполнявший обязанности архивариуса А. П. Сапунов [174, л. 9]. Перед комиссией была поставлена задача провести ревизию имевшихся в его ведении документов. В результате проверки были выявлены следующие нарушения: все делопроизводство и девять актовых книг оказались не в архиве, а на квартире прежнего архивариуса М. Веревкина; не было обнаружено ни описей, ни актов передачи, по которым актовые книги были приняты в архив при его образовании; книги были сильно повреждены [174, л. 9, л. 9–12]. Получив от М. А. Сергиевского, попечителя Виленского учебного округа, подробную инструкцию следующего содержания: «Канцелярию Витебского центрального архива упорядочить в ее собственном помещении, в бывшем фарном костеле, где выделить и приспособить для нее отдельное помещение. Замеченные в актовых книгах Витебского центрального архива повреждения необходимо исправить...» [333, с. 105–106], А. П. Сапунов принялся за дело. До конца 1896 г. была отремонтирована и открыта канцелярия, а к весне 1897 г. приведены в порядок актовые книги [101].

Первоначально витебское древлехранилище размещалось в одной комнате. Лишь в начале XX в. были выделены три зала в архиерейском доме, что создало благоприятные условия для проведения систематизации разнопредметных археологических принадлежностей музея.

С целью сохранения предметов церковной старины Полоцкой епархии и представления исторического хода церковной жизни края сотрудникам музея, среди которых было немало таких известных этнографов, краеведов, филологов, как Н. Я. Никифоровский, Н. Н. Богородский, Д. И. Довгялло, рекомендовалось собирать и хранить древние кресты, иконы, плащаницы, евангелие, сосуды, потиры, дарохраниль-

ницы, церковную утварь, облачения, церковные старопечатные книги до 1792 г., рукописные богослужебные книги до 1839 г., колокола XVI и первой половины XVII в. Для восстановления церковной истории рекомендовалось также собирать портреты, автографы, печати, медальоны, планы монастырей, печати, памятники местных епископов и других деятелей на церковном поприще [231, л. 6, 6 об.]. Большой интерес представляли и книги, имеющие историческое значение: уцелевшие акты, хроники, летописи. Среди экспонатов наиболее ценными являлись рукописные книги и имущественные документы церквей и монастырей Полоцкой епархии, а также пожертвования физических лиц из личных коллекций. К концу 1903 г. музей насчитывал уже более 1200 предметов старины. Тем не менее при всем объеме проделанной сотрудниками музея работы по сбору, описанию и сохранению предметов старины деятельность музея была весьма ограниченной, так как не предполагала реализацию научно-исследовательских задач.

Статус учреждения изменился в 1916 г., когда музей был переименован в Витебское церковно-археологическое общество, а А. П. Сапунов был назначен товарищем председателя [196].

Содержательная сторона деятельности общества включала три основных направления: собирательно-охранительное, изучение церковной жизни региона, пропаганда историко-археологических знаний в среде духовенства, а также выпуск научно-популярных изданий. В соответствии с утвержденным Уставом в круг деятельности общества входило историческое обследование внешнего и внутреннего развития местной церковно-религиозной и общественной жизни; исследование и изучение вещественных памятников старины; собирание и описание рукописей и старопечатных книг, а также памятников живой старины в виде местных народных обычаев, преданий и песен; описание памятников древности и архивов церквей, монастырей, епархиальных и других учреждений; соблюдение за сохранностью старинных храмов, церковных сооружений, кладбищ, старинных церковных принадлежностей, письменных документов и принятие мер против их порчи и истребления; распространение в обществе и по преимуществу среди духовенства церковно-исторических и археологических сведений, привлечение внимания и интереса к древностям со стороны населения путем устройства археологических выставок и публичных чтений [323]. Следует отметить, что последнее предписание, несомненно, имело большое воспитательное значение для населения.

Витебское церковно-археологическое общество на протяжении всего периода своего существования находилось под попечительством Епархиального архиерея и имело четкую структурированную организацию.

В почетные члены избирались лица, известные своими научными трудами по истории и археологии. Из них общим собранием организации выбирали председателя, товарища председателя, казначея, секретаря, заведующего музеем и других, чьи должностные обязанности были прописаны в Уставе [323].

В действительные члены избирались лица, которые своими личными трудами и пожертвованиями участвовали в его деятельности. Люди, сообщавшие полезные историко-археологические сведения и пополнявшие новыми экспонатами музей, записывались в члены-соперевнователи. Именно их совместными усилиями был составлен систематический каталог имевшихся экспонатов, книги и брошюры по деятельности общества.

Финансирование деятельности общества и его комитетов, помимо пожертвований, осуществлялось из членских взносов, ежегодных субсидий Свято-Владимирского братства, съезда духовенства и других учреждений, а также за счет доходов от продажи изданий.

После Октябрьской революции помещение общества было экспроприровано большевиками и в результате многих реорганизаций его коллекция оказалась разграблена и разорена, многие ценные экспонаты были утеряны навсегда.

Следует отметить, что за время непродолжительного существования общества его сотрудниками, включая А. П. Сапунова, была проделана огромная работа по сбору и сохранению вещественных и письменных источников по религиозной истории края в частности и культурного наследия в целом. Общество сыграло весомую роль в расширении знаний по политической, экономической и церковной истории Беларуси. Неудивительно, что в начале 90-х гг. XX в. начались работы по формированию коллекции и воссозданию экспозиции Витебского церковно-археологического музея, которая сегодня разместилась на площади более 150 квадратных метров, где представлены разделы иконографии, богослужебные книги и нотные сборники, предметы литургического употребления, уникальные архивные материалы и фотодокументы, макеты строящихся и возрожденных храмов, материалы археологических раскопок.

В сентябре 1897 г., сдав все дела в архив древних актов, Алексей Парфенович перебрался в Москву на должность помощника инспектора студентов Московского университета. Годы пребывания в Москве

были насыщены новыми знакомствами, посещением общественно-политических мероприятий, занятиями в библиотечных хранилищах и архивах, участием в заседаниях научных обществ, общением с выдающимися учеными – В. О. Ключевским, М. М. Богословским, В. И. Пичетой. Период 1897–1901 г. стал достаточно плодотворным в жизни А. П. Сапунова, так как именно в это время закладывались основы нового мировоззрения ученого.

Выступления историка на заседаниях археографической комиссии Императорского общества истории и древностей, опубликованные в «Работах Археографической комиссии», а в 1902 г. отдельным изданием, несомненно, обратили внимание общественности на состояние архивного дела в Беларуси [15, с. 234–287; 16, с. 124–146; 17, с. 297–311].

В 1901 г. Алексей Парфенович вернулся в родной край, где в течение пяти лет работал на должности секретаря губернского статистического комитета, заведующего секцией демографии [200, л. 54], секцией демографической и моральной статистики [200, л. 5 об.].

Именно в этот период были опубликованы многочисленные работы А. П. Сапунова, содержащие топографические, исторические, этнографические сведения о Витебской губернии. Был составлен список наиболее значимых архитектурных памятников губернии, в который вошли древние храмы и монастыри, развалины замков, археологические объекты, произведения живописи и зодчества.

В 1898 г. на государственную службу перешел В. К. Стукалич. Свое решение он объяснял так: «В качестве присяжного поверенного я близко стоял к народу, имея массу клиентов из крестьян. Но, с одной стороны, клиентура эта не давала достаточного дохода, с другой стороны, совершенно не оставляла досуга для какой бы то ни было другой работы» [318, л. 7 об.]. Юридическая практика не совсем устраивала Владимира Казимировича еще и потому, что порой при рассмотрении дел крестьян ему приходилось идти против своих убеждений и жизненных принципов. Не всегда правосудие было на стороне крестьян. Перейдя на службу податного инспектора, Владимир Казимирович не только занимался изучением налоговой практики, но и участвовал в общероссийских экономических дискуссиях того времени, что свидетельствовало о широте его кругозора.

В начале XX в. в Витебской губернии (во многом благодаря стараниям местных историков, краеведов, археологов, ученых) начали появляться библиотеки, музеи, научные общества; проводились разнообраз-

ные просветительские мероприятия и религиозные чтения, которые задействовали широкие круги населения и, несомненно, способствовали популяризации знаний о культурном и историческом развитии Беларуси.

Одним из таких учреждений являлась Витебская ученая архивная комиссия. Иницилирующую роль в деле ее создания сыграли первый председатель В. С. Арсеньев, члены комиссии Д. И. Довгялло, Н. Н. Богородский, А. П. Сапунов, В. К. Стукалич [101].

Торжественное открытие Витебской ученой архивной комиссии состоялось 31 мая 1909 года. Это была общественная организация, занимавшаяся изучением и пропагандой исторического прошлого Полоцко-Витебского края, охраной памятников культуры, популяризацией знаний по истории Беларуси, изданием научных работ и популярных брошюр по этнографии, фольклору и археологии [213, л. 148]. В течение девяти лет комиссия вела переписку и сотрудничала с учебными и культурно-просветительскими организациями в Российской империи и за ее пределами.

Декларируя целью работы Витебской ученой архивной комиссии «разыскание, исследование, описание и собирание памятников местной старины, раскопки, научные экскурсии» [213, л. 150], за девятнадцать лет существования ее члены проделали огромную работу по сбору и разработке подробных и обстоятельных сведений о разных останках старины: археологических древностях, включая орудия каменного века, бронзовые и медные украшения и старинное оружие; исторических памятниках, включая останки древних городищ и курганов, развалины крепостей, замков, церквей, монастырей, каплиц, древние иконы, древнюю церковную живопись, старинные картины, портреты, рукописи, книги; этнографических предметах, включая одежду, головные уборы и украшения, старинную утварь, музыкальные инструменты и многое другое [213, л. 152].

Участие А. П. Сапунова и В. К. Стукалича в работе ученой архивной комиссии явилось относительно небольшим по продолжительности, но важным и результативным периодом как в биографии историков, так и общественной жизни дореволюционного Витебска.

Статус почетных членов общества и различных комиссий позволял историкам решать собственные научные задачи: издавать труды, работать в архивах и библиотеках Полоцка, Витебска, Москвы. Кроме того, ученые играли активную роль в организационных вопросах комиссии: вели переписку с различными учреждениями империи с просьбой оказать помощь в поиске экспонатов, представляющих научную и истори-

ческую ценность [213], налаживали контакты, организовывали научные командировки, участвовали в масштабных проектах общества.

Когда в мае 1909 г. на учредительной конференции Витебской ученой архивной комиссии был поставлен вопрос о комплектовании ее собственной библиотеки, совет архивной комиссии, в которую вошел А. П. Сапунов, обратился к местным книголюбам и учреждениям с просьбой прислать свои работы, а также любую историческую литературу [213, л. 44–46]. На просьбу откликнулись статистические комитеты, архивы. Свои печатные издания прислали 103 учреждения из разных областей Российской империи [13, с. 1–4]. Часть своих книг передали А. П. Сапунов, В. К. Стукалич, В. К. Арсеньев и другие. После двух лет существования библиотеки количество работ составляло 3726 экземпляров, а наиболее представительной являлась ее историческая часть. К 1915 г. в Витебске был создан губернский исторический архив и музей. Специальный комитет комиссии проводил работу по установлению памятников на территории Витебской губернии.

Однако ошибочно полагать, что деятельность комиссии сводилась исключительно к собиранию и учету древностей. Члены комиссии активно популяризировали результаты своих исследований, пробуждая интерес общественности к исторической науке. Представители гуманитарной интеллигенции создавали музеи и библиотеки, готовили труды по археологии, архивоведению, археографии, охране памятников, церковной истории края, иконографии, геральдике, демографии, этнографии и истории искусства, генеалогии. И в этом нет ничего удивительного, ведь в состав комиссии входили известные историки, краеведы, политические и общественные деятели, представители религиозных, образовательных и научных учреждений Витебской губернии: В. С. Арсеньев, Н. Н. Богородский, Д. И. Довгялло, Е. Ф. Карский, В. О. Ключевский, В. А. Кадыгров, Н. Я. Никифоровский, А. П. Сапунов, В. К. Стукалич, К. И. Тихомиров, А. А. Шахматов, Б. И. Эпимах-Шипилло и другие известные историки [298].

Осознавая важность и актуальность исследования исторического прошлого края, принимая во внимание все сдерживающие этот процесс факторы, А. П. Сапунов и В. К. Стукалич неоднократно выступали с призывом придать исследованиям системный характер, объединить заинтересованные в них местные и внешние силы [350, с. 3].

В этой связи следует отметить, что их старания не были напрасными. Уже в первые годы существования комиссии отмечался сочув-

ственный отклик и энергичная поддержка ее деятельности со стороны местного общества и работников образования и науки. Так, например, к 1910 г. в комиссии состояли 99 почетных, 325 действительных членов и 15 членов-сотрудников. Комиссия имела собственное правление и совет [38]. Особую роль выполняла ревизионная комиссия, члены которой просматривали приходно-расходные книги, отвечали за делопроизводство и контролировали расход денежных средств. Следует отметить, что комиссия существовала на весьма скромные средства: незначительные субсидии правительства, частные денежные пожертвования, членские взносы и сборы с культурно-просветительских мероприятий.

Наглядными уроками изучения родной старины стали специальные заседания и образовательные экскурсии, тематические лекции, посвященные выдающимся личностям и общественным событиям.

На одном из собраний В. К. Стукалич представил обстоятельный реферат о П. А. Столыпине [277, с. 2–3]. Не менее значимым был доклад ученого о жизни и творчестве Н. Я. Никифоровского [278, с. 2–3; 279, с. 2]. Многие выступления затем были опубликованы на страницах «Трудов Витебской ученой архивной комиссии», «Витебских губернских ведомостей», «Витебского вестника» и других изданий.

Лекции А. П. Сапунова и В. К. Стукалича, основанные на изучении достижений филологии, этнологии и истории, подкрепленные выдержками из трудов современных им исследователей, собрание членов комиссии всегда слушало с особым вниманием, так как в них историками поднимались животрепещущие вопросы современного им общества. Выступления Алексея Парфеновича и Владимира Казимировича имели успех благодаря тому, что в них докладчики публично высказывали довольно либеральную по тем временам позицию, отмечая, что «Белоруссия, благодаря своему историческому прошлому и культурно-экономическим особенностям настоящего, представляет в бытовом отношении вполне самостоятельную территориальную величину» [248, с. 24]. Историки акцентировали внимание на самобытности белорусского народа, его истории, аспектах материальной и духовной культуры [140, с. 3; 141, с. 2–3; 142, с. 2; 143, с. 2–3; 144, с. 3]. «Не бедна наша Белоруссия словесными и письменными памятниками: народными преданиями, сказками, обрядовыми песнями, которые под влиянием всеокрушающего времени, а еще больше крайнего равнодушия и невежества белорусов к своей родной старине бесследно исчезли», – отмечали ученые [225, с. 2]. Так, например, доказывали они, погибла обширная

библиотека при Софийском соборе и вместе с ней и полоцкие летописи; была разрушена большая часть Люценского замка в 1826 г.; распродан губернский архив; сожжены архивы некоторых монастырей.

А. П. Сапунов и В. К. Стукалич неоднократно обращались с призывом «дать возможность теснее сплотиться всем стремящимся на благо родной Белоруссии, исторической науки и всем способствующим пробуждению и развитию национального самосознания» [144, с. 3].

Разъяснительная деятельность имела плоды: в местном обществе отмечался возросший интерес к изучению истории края, энергичная поддержка со стороны представителей местной интеллигенции. «Желание взглянуть в далекое прошлое предков, желание познать земли родной минувшую судьбу сделалось насущной проблемой», – отмечал А. П. Сапунов [350, с. 2; 351 с. 2].

Перспективными задачами на второй год деятельности Витебской ученой архивной комиссии являлись: рассмотрение и изучение древних рукописей и документов; переписка по научным вопросам с учеными учреждениями и представителями науки; охрана памятников старины; рассмотрение описей дел, предназначенных к уничтожению [298, л. 22]. При участии комитета по историко-статистическому описанию церкви и приходов Полоцкой епархии при Витебском епархиальном Свято-Владимирском братстве, народных учителей и полицейских чиновников было запланировано составление и издание историко-географического словаря Витебской губернии [298, л. 1]. Отметим, что все эти решения были впоследствии реализованы в полном объеме.

Безусловно, Витебская ученая архивная комиссия испытывала немало трудностей, в числе которых важнейшими были отсутствие специализированного помещения и недостаточное финансирование. Тем не менее комиссия смогла опубликовать четыре тома своих трудов, каталоги книг, монет, медалей, описи документов.

Без участия местных краеведов не обходилось ни одно важное событие в жизни города. В апреле 1909 г. А. П. Сапунов (как член Государственной думы) и В. К. Стукалич (как член русского предвыборного комитета) вошли в состав делегации от Витебской губернии и Полоцкой епархии, которая обращалась в Святейший Синод с ходатайством о перенесении святых мощей из Киева в Полоцк. Кроме того, 23 мая в актовом зале Спасо-Евфросиниевского епархиального женского училища состоялось братское собрание, на котором А. П. Сапунов выступил с докладом «О судьбах православия в Белоруссии».

В преддверии 100-й годовщины событий 1812 г. в Витебске была создана особая комиссия для выработки проекта надписи на памятнике героям Отечественной войны [164, л. 32]. А. П. Сапунов и В. К. Стукалич оказались в числе ее членов.

В 1913 г. по решению Витебской ученой архивной комиссии А. П. Сапунов был включен в состав делегации для поднесения императору Николаю II поздравлений и собственных трудов по случаю 300-летия дома Романовых [175, л. 24]. На торжественном заседании в зале Витебской женской Алексеевской гимназии Алексей Парфенович выступил с докладом «Отношение дома Романовых к Белоруссии» [260, с. 2; 261, с. 2–3; 262, с. 2], в котором остановился на описании наиболее значимых святынь Витебской земли.

В преддверии 75-летия «объединения» униатов с православной церковью А. П. Сапунову было предложено представить доклад на совместном торжественном собрании членов Витебской ученой архивной комиссии и Витебского православного Свято-Владимирского братства.

Одним из наиболее значимых результатов в деятельности комиссии явился выпуск сборников «Труды Витебской ученой архивной комиссии» (1910) и «Полоцко-Витебская старина» (1911, 1912, 1919). Для современных исследователей это не только издания, которые содержат интересный документальный и иллюстрационный материал, но и национальное достояние страны, так как они позволяют получить адаптированную и последовательную информацию по истории, культуре и этнографии Витебской губернии. Благодаря активному участию народных учителей и чиновников в деятельности комитета по историко-статистическому описанию церкви и приходов Полоцкой епархии при Витебском епархиальном Свято-Владимирском братстве было запланировано составление и издание историко-географического словаря Витебской губернии, что было реализовано в полном объеме.

В период с 1909 по 1911 г. состоялось свыше двадцати заседаний Витебской ученой архивной комиссии, на которых обсуждались вопросы участия ее членов в IV Областном археологическом съезде в Костроме, открытия Витебского учительского института и Витебского отделения Московского археологического института [183], обеспечения сохранности документов Витебского губернского архива, подготовки проектной документации по восстановлению таких памятников архитектуры, как Софийский собор в Полоцке, Успенский собор, собор св. Варвары в Витебске и других значимых культурных и духовных учреждений.

Отметим, что участие А. П. Сапунова и В. К. Стукалича в работе Витебской ученой архивной комиссии как одно из направлений общественно-политической и культурно-просветительской деятельности ученых имело большое значение для развития музееведения, источниковедения, памятниковедения, археографии и исторической науки Беларуси в целом.

Витебская ученая архивная комиссия была ликвидирована согласно Декрету от 1 июня 1918 г., по которому все архивные комиссии и ученые общества, «сохраняя свой внутренний строй и распорядок», были переданы в подчинение главному управлению архивным делом при Народном комиссариате просвещения Российской Социалистической Федеративной Советской Республики [216, л. 97]. Однако значительная часть ее сотрудников в условиях послевоенного и послереволюционного хаоса включилась в реформирование архивного, музейного и библиотечного отдела губернии, спасая уездные, волостные, фамильные архивы, библиотечные и музейные собрания. Несмотря на прогрессирующую болезнь глаз и зрелый возраст, А. П. Сапунов активно включился в работу по созданию губернского архивного фонда в Витебске, согласившись на должность исполняющего обязанности архивариуса. Членами архива была проделана значительная работа по сбору и систематизации сведений по архивам губернии. Однако в годы гражданской войны многие архивные документы были безвозвратно утрачены.

В 1920-е г. члены комиссии приняли участие в развернувшемся в Беларуси краеведческом движении. Активно сотрудничая с Центральным бюро краеведения при Российской Академии наук, в целях повышения интереса населения к краеведческому делу, изучения природных ресурсов Витебского края, материальной культуры населения губернии Алексей Парфенович ходатайствовал об организации в Витебске Общества краеведения.

Общество было создано при губернском отделении народного образования. В число учредителей губернского краеведческого бюро, кроме А. Сапунова, вошли педагоги, ученые, краеведы: Н. Богородский, А. Бродавский, Д. Василевский, В. Венцкевич, В. Дракин, Я. Еленевский, П. Ильинский, М. Мелешко, И. Овчинников, К. Околонович, А. Раткевич, Е. Синьковский, Н. Сухоруков, В. Сырочинский, К. Тихомирский [174, л. 22].

Целью общества провозглашалось «всестороннее изучение пространства Витебской губернии в естественно-историческом, этнографо-лингвистическом и географо-экономическом отношениях» [174, л. 26].

Основные направления деятельности краеведческого бюро включали: заслушивание и обсуждение докладов; организацию публичных лекций, диспутов, митингов и т.д.; осмотр и собирание коллекций; открытие библиотек, лабораторий, обсерваторий, исследовательских центров, музеев; организацию выставок, съездов по специфике деятельности; опубликование собственных трудов.

На одном из заседаний было решено приобрести у А. П. Сапунова его библиотеку и переиздать научные труды Алексея Парфеновича [174, л. 8]. Отмечая, что работы отдельных ученых и исследователей в значительной мере страдают книжностью и схоластичностью, А. П. Сапунов призывал произвести учет сделанного ранее, составить библиографический указатель книг и статей, посвященных Витебской губернии, и проверить имеющиеся сведения на основании «нового подхода к жизни и новых запросов быта» [235, л. 16]. Летом 1924 г. А. П. Сапунова пригласили в качестве специалиста музейного дела на собрание знатоков музеев в Витебске, где планировалось обсудить проблемы спасения экспонатов существующих в городе музеев. Однако из-за тяжелой болезни историк не смог присутствовать на этом мероприятии.

Витебские историки принимали активное участие в просветительской деятельности. Патриоты родного края и народа А. П. Сапунов и В. К. Стукалич своим долгом считали дать народу знания по истории Беларуси, этнографической, социально-экономической, религиозной сторонам ее жизни. Они верили, что популяризация накопленного этнографами, краеведами, географами теоретического и практического материала, прежде всего через развитие образования, поможет поднять белорусский край на новый уровень развития и воспитает гражданское самосознание народа. Только «народность, обладающая известной степенью просвещения, в состоянии отстаивать свои интересы: и экономические, и политические, и национальные», – считал В. К. Стукалич [305, с. 3].

Несмотря на то что царское правительство сдерживало инициативу белорусских ученых, попытки открытия народных читален и учебных заведений в Беларуси проходили с тысячами оговорок и поправок, просветительская деятельность в Витебской губернии развивалась достаточно успешно.

В рассматриваемый период учебные заведения губернии, и прежде всего Витебска, пусть и немногочисленные, являлись важным компонентом городской культуры. Низшие начальные учебные заведения давали самые элементарные знания и были предназначены для бедней-

ших слоев граждан. Среднее образование было представлено мужскими и женскими гимназиями, которые удовлетворяли потребности состоятельных горожан.

О качественном уровне гимназического образования, его сильных и слабых сторонах А. П. Сапунов знал из личного опыта. Выпускник мужской Александровской гимназии после окончания историко-филологического факультета Петроградского университета вернулся в родную альма-матер на должность преподавателя древних языков. Но не об этом мечтал молодой учитель. Сферой научных интересов Алексея Парфеновича была и оставалась на долгие годы история Беларуси, изучению которой он посвящал все свободное от службы в гимназии время.

Отдельную группу средних учебных учреждений Витебской губернии на рубеже веков представляли духовные заведения, предназначенные, главным образом, для детей православного духовенства и кадетские корпуса для дворян.

Кроме различных типов начальных и средних учебных заведений, в конце XIX – начале XX в. в Витебской губернии значительное развитие получила система профессионального образования. Расширялась сеть ремесленных и сельскохозяйственных школ, коммерческих училищ.

Значительно хуже обстояло дело в системе высшего образования. В 1903–1907 гг. неоднократно обсуждался вопрос об открытии в Витебске университета [106; 113; 305]. Большой резонанс в обществе имела статья В. К. Стукалича «К вопросу об учреждении университета в Витебске». В ней автор не только обосновывал экономическую и культурную целесообразность открытия университета именно в Витебске, но и предложил конкретные шаги по реализации данного проекта: призывал представителей Витебской городской думы заняться данным вопросом, выделить 60 десятин земли и необходимые денежные ассигнования. Однако в течение полугода данный вопрос продолжал оставаться лишь предметом полемики в печати и обществе. Городская дума по инициативе гласного М. С. Пакшвера обсудила данный вопрос лишь на заседании 27 августа 1903 года. Городские власти решили безвозмездно предоставить участок земли в Билево-Сокольниках, а также обратиться к обществам и учреждениям губернии с призывом оказать содействие в реализации этого проекта. После детального рассмотрения вопроса в Учебной и Финансовой комиссиях Витебская городская дума на заседании 10 декабря 1903 г. постановила выделить 600 000 руб. на открытие университета (но из-за отсутствия свободных средств эту сумму плани-

ровалось получить путем займа). Многие гласные из числа состоятельных горожан выразили готовность сделать пожертвования.

В начале XX в. особо остро встал вопрос о подготовке профессиональных педагогических кадров. В период с 1900 по 1907 г. система ускоренной подготовки учителей развивалась главным образом через организацию педагогических курсов и экзаменов с присвоением соискателю звания учителя. Данное мероприятие уменьшило недостаток педагогических кадров, но не повысило качество их профессиональной подготовки.

Важный шаг в решении проблемы недостаточной укомплектованности учреждений образования педагогическими кадрами был предпринят в ноябре 1910 г., когда открылся Витебский учительский институт. При институте состояло городское училище для практических занятий воспитанников с трехлетним курсом обучения. В институт принимали молодых людей всех классов и сословий. Каждый поступающий давал подписку отработать не менее шести лет в должности учителя городского училища по распределению учебного начальства.

Управление институтом было сосредоточено в руках педагогического совета под председательством директора. В состав совета входили все преподаватели института и учителя городского училища. В целом его состав выглядел следующим образом: директор, пятнадцать преподавателей, законоучитель, врач и письмоводитель.

Программы и учебные планы института составлялись по принципу универсализма. В учительском институте не существовало деления на факультеты. В институте на протяжении трех лет преподавались Закон Божий, педагогика, русский и церковнославянский языки, арифметика, алгебра, геометрия, история, география, естественная история и физика, черчение и рисование, чистописание, пение, гимнастика и ручной труд.

Витебский учительский институт просуществовал до 1917 г. и после революции был передан в ведение Народного комиссариата просвещения, решением которого в 1920 г. был преобразован в Институт народного образования, а в 1921 г. – реорганизован в Витебский практический институт народного образования с правом выпускать «школьных работников второй ступени» [62, с. 430–431]. Спустя два года постановлением Главного управления профессионального образования учебное учреждение было преобразовано в Витебский педагогический институт, которому в 1935 г. было присвоено имя С. М. Кирова.

Своими знаниями в стенах института делились многие известные в Витебской губернии и за ее пределами ученые. В частности, курс лек-

ций по истории Западной России читал А. П. Сапунов. В государственном архиве Витебской области сохранились разработки некоторых лекций педагога. За сравнительно небольшой курс, который составлял всего 40 лекций, профессор давал краткую характеристику Беларуси и белорусов; знакомил слушателей с трудами современников и выдержками из архивных документов, которые лектор по крупницам собирал в архивах Полоцка, Витебска, Москвы и Санкт-Петербурга. Десять лекций ученый посвятил освещению географического положения и границ Беларуси, статистическим сведениям и этнографическим наблюдениям, характеристике растительного и животного мира, геологического строения и климата, экономическому развитию края. Почти половина курса отводилась подробному изучению истории Витебска, его политической, общественной, культурной и религиозной жизни [324, л. 9]. Отдельным курсом Алексей Парфенович рассказывал о сохранившихся письменных источниках, истории памятников материальной и духовной культуры белорусов.

Обосновывая выбор тематики лекций («Меры правительства, принятые для сохранения памятников старины, начиная с Петра I до 1920 г.», «Борисовы камни и другие памятники старины», «Топография древнего Витебска», «Древности города Витебска и Витебской губернии» [325, л. 43]), А. П. Сапунов верил, что «теоретически подготовленные, одушевленные горячей любовью к дорогой возрождающейся родине слушатели окажут большую пользу в разработке разного рода научных вопросов – географических, археологических, этнографических, экономических и других» [325, л. 42–43].

Несмотря на произошедшие изменения, отсутствие высших учебных учреждений отрицательно сказывалось на развитии всей системы образования в регионе. Идея о создании высшего учебного заведения в Витебской губернии была частично реализована в 1911 г., когда в городе было открыто Витебское отделение Московского археологического института [183, л. 1–8]. Главной целью его деятельности была разработка научных проблем по археологии, вспомогательным историческим дисциплинам, русской истории, а также подготовке квалифицированных специалистов для работы в архивах, музеях и библиотеках [183, л. 3]. «Привлечение широких слоев слушателей не только Москвы, но и в провинциальных городах разносит просвещение широкой волной по нашей родине, ученые труды института закрепляют и углубляют его деятельность. При содействии института создается серьезная научная

атмосфера, обещающая серьезное будущее нашему народному самосознанию. Учреждение нового центра научной деятельности в городе Витебске, богатом своей переменной историей, побуждает ожидать самых лучших успехов в будущих научных знаниях», – отмечалось в поздравительном адресе профессора Санкт-Петербургской духовной академии И. Е. Евсеева [183, л. 5–5 об.]. Поздравительные телеграммы были отправлены губернаторами, представителями различных обществ и организаций со всех уголков Российской империи, а также ближнего и дальнего зарубежья [183, л. 106–145]. Большое значение археологического института не только для Витебской губернии, но и для всего Северо-Западного края отмечали и витебские краеведы, акцентируя внимание на богатом историческом прошлом Беларуси. По мнению А. П. Сапунова, изученные им документы и объекты нематериального культурного наследия не только представляли собой уникальные памятники национальной культуры, но и позволяли восстановить картину политической, экономической и религиозной жизни Беларуси на протяжении многих веков.

Витебское отделение Московского археологического института имело целью научную разработку археологии, археографии и русской истории с ее вспомогательными дисциплинами, а равно и подготовку специалистов для должностей в архивах, музеях, правительственных, общественных и частных библиотеках [113, с. 3]. С первых дней работы отделения и до его закрытия в 1922 г. Алексей Парфенович читал курс лекций «Памятники старины и их охранение». В феврале 1913 г. совет Московского археологического института присвоил А. П. Сапунову звание профессора.

Таким образом, к окончанию второго десятилетия XX в. благодаря совместной деятельности общественных организаций, представителей местной интеллигенции, включая А. П. Сапунова и В. К. Стукалича, в Витебской губернии произошли существенные изменения в культурно-просветительской сфере. Значительно расширилась сеть средних специальных заведений, готовивших специалистов для различных отраслей народного хозяйства, медицины и народного образования; дальнейшее развитие получили культурно-просветительские учреждения: библиотеки, избы-читальни. Общественные библиотеки были созданы в Витебске, Орше, Полоцке. К 1915 г. в губернии действовали Полоцкий кадетский корпус, духовная и учительская семинарии, мужские и женские гимназии и прогимназии, сеть училищ, церковно-приходских школ

и школ грамоты. В Витебске появилась белорусскоязычная периодическая печать, местные книгоиздательства, первые учебники для школ на родном языке [299, лл. 1–3 об.].

В 1916 г. городская Дума Витебска снова вернулась к вопросу об открытии в Витебской губернии собственного университета, принимая во внимание огромную потребность в высшем учебном заведении для белорусских губерний. Витебская городская управа постановила ходатайствовать об открытии такого именно в Витебске, занимавшем выгодное географическое положение и имевшем большое торгово-промышленное значение. Ввиду затруднительного материального положения витебские власти обратились к городским управам Люцина, Невеля, Дриссы, Городка с просьбой оказать материальную поддержку данному проекту [89, л. 23 – 23 об.; 95, л. 8 – 8 об. 4; 229, л. 6–6 об.; 230, л. 21]. Однако в условиях военного времени оказание помощи не представлялось возможным и вопрос об открытии высшего учебного заведения в Витебске был отложен.

После закрытия Витебского отделения Московского археологического института Витебский учительский институт в 1918 г. был реорганизован в Витебский педагогический институт, получив статус высшего учебного учреждения. В начале 1920-х гг. он несколько раз менял название и реорганизовывался. В 1923 г. был преобразован в Высший педагогический институт.

В 1923/1924 учебном году А. П. Сапунов был принят преподавателем на кафедру истории Беларуси социально-исторического отделения Высшего педагогического института [85, л. 256]. Вначале ему было поручено читать курс лекций «История Западного края» и вести просеминарий по русской истории [319, л. 5 об.], а затем «Древности Витебщины» и «Белорусоведение» [319, л. 41].

В Государственном архиве Витебской области сохранилась программа, разработанная Алексеем Парфеновичем. Она включала следующие темы: «Что такое Беларусь и кто такие белорусы?» (2 лекции), «Краткая характеристика белоруса» (1 лекция), «Библиография Беларуси» (1 лекция), «Границы белорусского племени: статистика, язык и литература; история Западной России» (10 лекций), «Витебская губерния: границы (до 1917 г.) и пространство; статистика и этнография; горы, реки, озера, болота; леса, растительный мир, лечебные травы; минеральные воды; климат, почва, геологическая структура; земледелие, скотоводство, садоводство и огородничество; промышленность заводская и фабричная, кустарные промыслы, торговля. История Витебска: политическая и обще-

ственная жизнь; город и замки; религиозная жизнь; культурная жизнь; площади, улицы, мосты и другое. Уездные города Витебской губернии» (примечательно, что на изучение истории Витебска были отведены 16 из 40 часов), «Могилевская губерния» (2 лекции), «Смоленская губерния» (2 лекции), «Минская губерния» (2 лекции), «Виленская губерния» (2 лекции), «Гродненская губерния» (1 лекция), «Ковенская губерния» (1 лекция) [325, л. 9]. И снова ученый озвучивал мысль о самостоятельной судьбе Беларуси, национальных отличиях белорусского народа, богатстве его материальной и духовной культуры.

Таким образом, в конце XIX – первой четверти XX в. возрос интерес прогрессивной интеллигенции к истории, археологии и этнографии Беларуси. Значительный вклад в сохранение памятников духовной и материальной культуры белорусского народа вносили региональные научные центры: Витебский губернский статистический комитет, Витебский церковно-археологический музей и древлехранилище, Витебский центральный архив, Витебская ученая архивная комиссия, Общество краеведения.

Оказавшись в эпицентре научных, культурных, просветительских преобразований, А. П. Сапунов и В. К. Стукалич внесли весомый вклад в решение различных проблем в области науки, культуры и образования. Одним из главных направлений деятельности витебских историков стало участие в работе научных, образовательных и археографических учреждений Витебской губернии. А. П. Сапунов и В. К. Стукалич активно проявили себя в области изучения и популяризации исторического прошлого Беларуси, сохранения и систематизации архивных документов, памятников археологии, архитектуры, искусства, а также нематериального культурного богатства, составляющих национальное историческое наследие. Результатом многолетней плодотворной работы А. П. Сапунова и В. К. Стукалича явилось открытие в Витебске отделения Московского археологического института, а затем Высшего педагогического института [101].

Г Л А В А 3

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
А. П. САПУНОВА, В. К. СТУКАЛИЧА И Л. М. СОЛОНЕВИЧА**

**3.1 На стороне «Союза 17 октября»: А. П. Сапунов
и В. К. Стукалич в годы Первой российской революции
(1905–1907 гг.)**

Люди с активной жизненной позицией, А. П. Сапунов и В. К. Стукалич, не могли остаться в стороне от событий, происходивших в политической жизни страны и края в начале XX века.

В условиях оживления социально-классового противостояния и общественного подъема, вызванного началом первой революции в России, были образованы партии российских либералов и консерваторов. Из умеренных либеральных партий наиболее влиятельной являлась партия «Союз 17 октября». Организационно она была задумана как объединение всех партий центра. Причем партии, вступающие в Союз, сохраняли автономность, имели свои центральные органы, программу и местные организации [91, с. 90].

В воззваниях, вышедших на рубеже 1905–1906 гг., октябристы раскрывали свои главные цели: содействовать установлению в стране конституционно-монархического строя в соответствии с Манифестом 17 октября 1905 г., бороться легальными средствами и культурными методами как с ультраконсервативными силами, мечтающими о возвращении к «старому режиму, приведшему Россию на край гибели», так и с революционными организациями, действия которых препятствуют проведению правительственных реформ [218, л. 8].

В губернских центрах, уездных городах, местечках, селах и деревнях Беларуси отделы партии октябристов начали оформляться в конце 1905 – начале 1906 г. С целью привлечения большего числа лиц к членству в «Союзе 17 октября» со страниц «Витебских губернских ведомостей» к населению белорусских губерний обращались известные политические деятели А. И. Гучков, Д. Н. Шипов [291, с. 2; 292, с. 1].

Первое организационное собрание по вопросу создания Витебского отдела «Союза 17 октября» состоялось 16 декабря 1905 года. Как отмечал корреспондент газеты «Витебский листок», собрание было немногочисленным, на нем присутствовало около 100 человек «различных политических взглядов и убеждений» [293, с. 3]. Председателем собра-

ния закрытой баллотировкой был избран В. В. Богданович, белорусский общественный и церковный деятель, педагог и публицист, лидер национально-церковного движения Беларуси первой трети XX в., секретарем – учитель мужской гимназии А. А. Воскресенский [218, л. 42].

Собравшимся предложили сделать выбор в пользу членства в составе «Союза 17 октября» или создать собственную политическую партию. Большинство присутствующих высказались за первый вариант [218, л. 43]. На собрании был образован Витебский отдел партии октябристов, в состав комитета которого вошел А. П. Сапунов [218, л. 43].

Осенью 1905 г. октябристские организации были созданы и в других городах губернии. На рубеже 1905–1906 гг. общее количество членов «Союза 17 октября» по Витебской губернии составляло свыше 679 человек, причем наиболее крупным отделом был Витебский – 411 членов [214, л. 40]. Спустя год в нем числилось уже около 1000 человек [346, с. 37].

Социальный состав витебского отделения «Союза 17 октября» значительно отличался от состава отделов партии в Центральной России. Так, например, в его рядах практически не было помещиков. Это объясняется тем, что на севере Беларуси преобладали землевладельцы-католики, считавшие себя, как правило, поляками. Последним не нравилось отстаивание «Союзом 17 октября» унитарного устройства Российской империи [131, с. 122]. В. В. Богданович, характеризуя взаимоотношения с местным дворянством, сообщал в Центральный комитет партии в марте 1906 г.: «...Поляки не особенно охотно идут в Союз, так как по своим воззрениям они стоят левее Союза по крайней мере в вопросах, затрагивающих их национальные чувства (единство и неделимость России)» [214, л. 46 об.]. В связи с этим основу октябристской организации в губернии составили не помещики, а преподаватели духовной семинарии, учителя других учебных заведений города, чиновники и мещане православного вероисповедания. В январе 1906 г. комитет отдела предпринял попытку привлечь в свои ряды членов «Союза крестьян-арендаторов», который возник в 1905 году. Несмотря на то что его председатель отклонил предложение октябристов, арендаторы из числа старообрядцев отнеслись к программе «Союза 17 октября» сочувственно [214, л. 45]. Активная агитационно-пропагандистская работа велась октябристами и среди ремесленников [214, л. 46], однако безуспешно.

Анализ предвыборной речи А. П. Сапунова, кандидата в депутаты в I Государственную думу, а также программных документов витебского

отдела «Союза 17 октября» позволяет сделать вывод о том, что политические воззрения местных октябристов были более консервативными, а некоторые программные установки существенно отличались от требований Центрального комитета партии.

Центральное место в программе занимал вопрос о характере и структуре государственной власти. Октябристы ратовали за развитие и укрепление конституционной монархии с народным представительством, основанном на всеобщем избирательном праве, отмечали неотложность созыва Государственной думы. В то же время «Союз 17 октября» желал сохранения сильной царской власти, резюмируя, что император должен был оставаться «верховным вождем своего народа» [232, с. 344]. В одной из листовок Витебского отдела указывалось: «Нашему отечеству без царя невозможно. Царь имеет глубокое для России и русского народа значение – Русский царь покровитель всякого благого начинания, душа и совесть народа, носитель идей высшей справедливости, славы и могущества империи» [214, л. 34]. Именно монархия, возвышаясь над многочисленными интересами и целями различных классов, сословий, национальностей, партий, должна была, по мнению октябристов, стать «умиротворяющим началом в политической, национальной и социальной борьбе» [232, с. 327].

А. П. Сапунов неоднократно подчеркивал во время выступлений, что главной целью своей деятельности октябристы ставят проведение обещанных Манифестом 17 октября 1905 г. реформ: введение гражданских прав, свободы совести, слова, печати, собраний союзов; обеспечение свободы передвижения, выбора места жительства и рода занятий, свободы труда, промышленности и торговли, приобретение собственности и т.п. Гражданская свобода, по их мнению, предполагала неприкосновенность личности, жилища, переписки, собственности граждан.

В национальном вопросе члены Союза подчеркивали необходимость сохранения и усиления унитарного характера государства. Отвергая идею образования национальных автономий, А. П. Сапунов и витебские октябристы декларировали признание за отдельными национальностями «самого широкого права на удовлетворение и защиту их культурных нужд, в пределах, допустимых идеей государственности интересам других национальностей» [214, л. 35]. В то же время, учитывая многонациональный состав населения Витебской губернии, где все еще ощутимо было польское и еврейское влияние, они настаивали на усилении русского присутствия на окраинах. В одном из воззваний,

подготовленном А. П. Сапуновым, утверждалось, что финны, поляки и прочие национальности в коренной России занимают разные должности, а русские испытывают дискриминацию на окраинах, что противоречит основам русской государственности [214, л. 34 об.].

В социально-экономической сфере А. П. Сапунов предлагал закрепить надельную землю в частную собственность крестьян, уравнивать их в правах с другими категориями населения, а в случае необходимости допустить принудительное отчуждение части частновладельческих земель на условиях справедливого вознаграждения.

Первоочередной задачей в решении рабочего вопроса А. П. Сапунов считал пересмотр, усовершенствование и расширение законодательства о рабочих в соответствии с учетом региональных особенностей промышленного развития. С целью увеличения государственных доходов и одновременно доходов населения предполагалась организация доступного населению сельскохозяйственного, промышленного и торгового кредита, понижение косвенного налогообложения предметов первой необходимости, упорядочивание арендных отношений. Кроме того, значительное внимание, по мнению А. П. Сапунова, должно уделяться развитию сети железных, шоссейных, водяных и грунтовых дорог.

Заключительные разделы программы были посвящены вопросам народного образования, развития и укрепления начал местного самоуправления, проведения судебной и административной реформ [31, с. 171–177].

Таким образом, в качестве общественного и политического деятеля А. П. Сапунов активно выступал за укрепление государственной власти, ослабление польского влияния на белорусских землях, справедливое решение национального, аграрного и рабочего вопросов.

Позиционируя себя как правительственную партию, витебские октябристы, включая А. П. Сапунова, призывали сплотиться вокруг царского престола, стать на защиту «единой и неделимой России». «Смуты, забастовки и насилие нам не нужны. В ближайшее время предстоят выборы в Государственную думу. Нам нужно крепко подумать и позаботиться, чтобы внутренние смуты и волнения не отдалили ее созыва и чтобы к участию в ней были выбраны действительные, а не мнимые радетели о народном благе», – говорилось в воззвании Витебского отдела «Союза 17 октября» [214, л. 39].

В 1906 г. одним из активных деятелей губернского отдела партии октябристов, а с 1907 г. его председателем стал В. К. Стукалич [297,

л. 4]. До перевода в Витебск, находясь на службе в казенной палате в Гродно, Владимир Казимирович примкнул к Гродненскому отделу «Союза 17 октября». Данный выбор он объяснял тем, что, по его мнению, данная партия способна бороться с польским влиянием в губернии и отстаивать интересы русского населения [318, л. 7 об. – 8]. При этом историк сблизился с видными представителями западнорусизма, став одним из авторитетных деятелей в монархических кругах. В письме В. К. Стукаличу один из лидеров русских националистов А. И. Савенко писал: «Если Западная Русь начала собственным порывом русское национальное движение и возрождение, то вы историк этого движения. Ваше имя будет произноситься с благодарностью» [318, л. 59].

Избирательную кампанию в Государственную думу «Союз 17 октября» начал в марте 1906 года. На первом предвыборном собрании в Витебске присутствовали около 360–380 человек. На повестку дня был поставлен вопрос о выдвижении кандидатов в выборщики. В ходе обсуждения были определены основные требования к последним: обладать соответствующим имущественным цензом, являться выходцем из Витебской губернии, быть хорошо осведомленным о специфике развития региона в социальной, экономической, культурной и религиозной сферах, а также уметь представить интересы населения Витебской губернии в Государственной думе [68 с. 1]. А. П. Сапунов отвечал всем заявленным требованиям. В ходе голосования он набрал 195 голосов, заняв второе место среди кандидатов Витебского отдела «Союза 17 октября» [68, с. 2].

На втором предвыборном собрании, целью которого было окончательно наметить пятерых кандидатов в выборщики, присутствовало около 300 избирателей. Слово было предоставлено кандидатам от Союза, которых определили на первом предвыборном собрании. Каждый оратор представил слушателям программу, которой намерен был следовать в думской деятельности.

Простая и понятная речь Алексея Парфеновича, в которой он изложил перед многолюдной аудиторией свои взгляды по наиболее актуальным вопросам того времени (национальному, в том числе еврейскому, крестьянскому, рабочему и другим вопросам), была воспринята с пониманием.

Свое выступление А. П. Сапунов начал с национального вопроса. По мнению оратора, во главе его должно было быть поставлено положение – единая и неделимая Россия. «Русский человек везде, во всех

углах, во всех окраинах нашего отечества должен чувствовать себя дома, везде он должен пользоваться такими же правами и находиться в таком же положении, как и туземцы», – отмечал оратор. В качестве примера Алексей Парфенович привел Финляндию, отметив, что финны в России пользуются равными с русским населением правами, занимая даже самые высшие посты, приобретая землю в пределах государства, в то время как русский человек в Финляндии аналогичных прав не имеет [66, с. 1].

В целом пункты предвыборной речи А. П. Сапунова повторяли основные положения программы «Союза 17 октября». «Первая задача Государственной думы – решение аграрного вопроса», – отмечалось в воззвании Союза [214, л. 34 об.]. Именно с крестьянского вопроса, по мнению А. П. Сапунова, должна была начать свою созидательную деятельность Государственная дума. «Пора, давно пора вспомнить про свободный труд свободного народа, о чем возведено уже в великом акте 19 февраля 1861 года. Поменьше опеки, побольше доверия. Необходимо поставить наше крестьянство на твердую почву, необходимо, чтобы крестьяне перестали быть «черным и серым» народом, надо, чтобы они были просто народом без обидных и унижительных эпитетов», – основные тезисы выступления ученого по крестьянскому вопросу. В качестве первоочередных мероприятий оратор призывал к удовлетворению потребности крестьян в земле путем выделения им дополнительных наделов из государственных, удельных и частнособственнических земель. Улучшить положение крестьян А. П. Сапунов предлагал также через повышение их образовательного уровня и качества медицинского обслуживания. «Кто кормит нас, кормит всю интеллигенцию, тот, конечно, не должен голодать сам!», – заявлял он [223, с. 4]. Говоря о крестьянстве, оратор попутно коснулся вопроса о положении старообрядцев: «Россия для них должна стать любящей матерью, а не мачехой!» [223, с. 4]. По арендному вопросу докладчик считал действительно необходимым урегулирование отношений между собственниками и арендаторами. Рабочий вопрос А. П. Сапунов затронул лишь вскользь, призывая к улучшению быта рабочего, усовершенствованию фабричного законодательства, ограничению рабочего времени, улучшению условий труда до такой степени, чтобы и рабочий «чувствовал себя человеком» [223, с. 4].

Далее оратор перешел к еврейскому вопросу. Подробно изучив положение купечества, банкиров, крупных промышленников, вообще

еврейской буржуазии, он пришел к выводу, что оно «далеко не положение угнетенных, каким это рисуется в большинстве случаев» [223, с. 4]. Затем А. П. Сапунов нарисовал картину существования другой половины еврейства: его низших трудящихся слоев, ютящихся, как и бедное крестьянство, по жалким лачугам и живущих, подобно последним, впроголодь. О них, по мнению оратора, следует подумать. «И я не знаю, – говорил А. П. Сапунов, – почему бы этим беднякам, если они пожелают, не дать известного надела земли. Не следует лишь повторять печальных опытов, которые производились во времена Николая I, когда евреям давали в Малороссии десятки десятин земли, а те сдавали ее без выгоды потом в аренду: таких фиктивных “землевладельцев”, будь то евреи или русские, не следует разводиться» [223, с. 4]. Наконец, пресловутая черта оседлости, по глубокому убеждению оратора, не выдерживала решительно никакой критики. «Если евреи “плохи”, то зачем же налагать такое бремя на плечи бедного белоруса; если же они “хороши”, к чему тогда стеснения», – акцентировал внимание присутствующих докладчик [223, с. 4]. Еврейским вопросом оратор и закончил свою речь. Выдержки речи А. П. Сапунова были опубликованы на страницах газет «Витебский голос» и «Белая Русь».

Эмоциональное выступление А. П. Сапунова было воспринято с пониманием, и оратор получил наибольшее количество голосов. Собрание закончилось выбором пятерых кандидатов от витебского отдела «Союза 17 октября». Кандидатом в депутаты в I Государственную думу стал и А. П. Сапунов [65, с. 1]. Примечательно, что из общего числа 1350 голосов православных выборщиков А. П. Сапунов получил больше всех – 1122 голоса [66, с. 1]. Однако этого оказалось недостаточно против 3200 голосов, отданных за кандидатов от еврейского населения города Витебска. Определенный «успех» октябристов витебский губернатор объяснял лишь тем, что его кандидаты были известны избирателям с положительной стороны по своим личным качествам [165, л. 2].

Таким образом, провести своих кандидатов в Государственную думу первого созыва Витебскому отделу «Союза 17 октября» так и не удалось. Причину неудачи местных октябристов В. К. Стукалич объяснял смешанным национальным и поликонфессиональным составом населения губернии, призывая православное население к объединению во время следующей избирательной кампании [309, с. 4].

С началом избирательной кампании во II Государственную думу местные октябристы усилили свою деятельность.

Осенью 1906 г. октябристы активизировали работу по созданию особой русской окраинной партии, что позволило бы увеличить число представителей «русского» населения от Северо-Западного края. Обсудив вопросы, связанные с тактикой второй избирательной кампании в Государственную думу, деятели «Союза 17 октября» пришли к выводу о необходимости изменения избирательного законодательства путем введения национальных курий. Это, по их мнению, увеличило бы число русских выборщиков и повысило шансы «Союза 17 октября» на выдвижение в Государственную думу своих кандидатов. В Московское отделение Центрального комитета было направлено письмо с просьбой подготовить соответствующее ходатайство, направив его в Совет министров [214, л. 3–3 об.].

19 декабря 1906 г. в Витебске по инициативе местных октябристов состоялось общее собрание представителей русских организаций Витебской губернии, на котором было принято решение об образовании Русского губернского предвыборного комитета, в состав которого вошли в том числе А. П. Сапунов и В. К. Стукалич [192, с. 2].

Считая единственно правильными для Витебской губернии выборы, пропорциональные на основе исторически сложившихся этнических групп, комитет рассматривал борьбу с так называемым «польским влиянием» на Витебщине как одну из своих главных задач. «С великой радостью русские выборщики и русский комитет имеют, наконец, возможность категорически установить полное единение представителей русского населения. Отныне стало ясно всем, что русская группа Витебской губернии представляет хотя и молодую, но крепко сплоченную организацию, и что представителям остальных национальностей как при выборе в Думу, так и при разрешении всех местных вопросов надлежит, прежде всего, считаться с мнением представителей русского населения – хозяина русского населения», – сообщалось в «Витебских губернских ведомостях» [187, с. 2]. Отмечая, что духовная сущность каждого народа выражается в быте, языке, умственном складе, нравственных началах, вероисповедании, В. К. Стукалич подчеркивал, что по всем этим признакам коренная масса населения Западного края была, есть и остается русской, а следовательно, природным и законным хозяином в этой русской земле является русский народ [213, л. 40].

В. К. Стукалич рассматривал русский народ как триединый, частью его были белорусы. Соответственно, в своей предвыборной деятельности он ориентировался на интересы белорусского большинства губернии.

В соответствии с предвыборным планом для заведывания выборами по уездам были избраны особые уполномоченные. В. К. Стукалич стал уполномоченным по Полоцкому уезду [347, с. 2]. Уполномоченным было поручено объединиться со всеми представителями русских организаций и групп на местах и совместно с ними содействовать консолидации русских избирателей с целью провести в губернские выборы представители русского населения.

В январе 1907 г. А. П. Сапунов на страницах «Народного листка» – воскресного приложения к «Витебским губернским ведомостям» – опубликовал агитационный листок № 1, в котором советовал народу выбирать в Думу «честных людей, из своей среды» [289, с. 194–195]. Кроме агитационных фраз, листок содержал сведения о гражданских законах.

На собрании 14 января 1907 г. кандидатом в выборщики от русского населения края стал А. П. Сапунов, набравший 359 голосов [244, с. 1]. На губернских выборах, благодаря поддержке местных властей, победу получили кандидаты от правых партий. В итоге А. П. Сапунов депутатом II Государственной думы так и не стал.

В 1907 г. Витебский отдел «Союза 17 октября» возглавил В. К. Стукалич [297, л. 4]. В то же время он руководил и русским предвыборным комитетом. На очередном заседании комитета был поднят вопрос об изменении избирательного закона для местностей с «разноплеменным» населением. «Избирательный закон 11 декабря 1905 г. – опасение, что русское население окраин окажется почти без представителей, не только там, где оно в меньшинстве, но и где в большинстве», – отмечалось в протоколе соединенного заседания русского предвыборного комитета и русских выборщиков [318, л. 31]. Данное утверждение было небезосновательным, так как почти во всех губерниях польские помещики (по переписи 1897 г.) занимали преобладающее положение в среде частного землевладения. Исключение составляли Киевская и Могилевская губернии. Соотношение польского и русского дворянства по губерниям было следующим: в Киевской – 34 % составляли поляки, русские – 34 %; в Могилевской – 33 % и 63 % соответственно; в Ковенской – 75 % и 20 %; в Виленской – 73 % и 24 %; в Гродненской – 53 % и 43 %; в Подольской – 53 % и 47 %; в Волынской – 50 % и 44 %; в Минской – 49 % и 42 %; в Витебской – 44 % и 41 % [171, с. 3].

Стремясь, чтобы в Государственной думе были максимально отражены интересы и права большей части населения губернии, 19 августа 1907 г. В. К. Стукалич представил докладную записку на имя предсе-

дателя Совета министров П. А. Столыпина. В ней он ходатайствовал о выделении русского (белорусского) населения Витебской губернии в особую курию и о предоставлении ей права избирать из своей среды самостоятельно четырех депутатов в Государственную думу в соответствии с численностью русского (белорусского) населения губернии. Кроме того, в ней говорилось о необходимости пополнения состава Государственного совета за счет одного члена из числа русского (белорусского) населения каждой губернии Северо-Западного края [318, л. 40 об.]. Последнее предложение Владимир Казимирович обосновывал следующим образом: «Ввиду решительного преобладания евреев в городских куриях, ввиду национальной солидарности и сплоченности польской, латышской и еврейской групп, меньшей экономической обеспеченности, большей пассивности и разрозненности русских избирателей, в результате выборов может получиться такое явление, что губерния с 70 % русского населения может в Государственной думе совершенно не иметь своего представителя или получить представителя не от большинства коренного русского населения, а от меньшинства, угодного полякам и евреям...» [318, л. 40 об.–41].

И такие предположения являлись небезосновательными. В белорусских губерниях, где землевладельцы в значительном большинстве были поляками, несмотря на преобладание белорусских крестьян, преимущество было отдано землевладельцам. По тем же причинам «12 миллионов русского населения всего Северо-Западного края могли оказаться совершенно без представителей в Государственной думе», – отмечалось в «Окраинах России» [178, л. 10]. Данный вопрос не был оставлен правительством без внимания.

Отношение витебских октябристов и их единомышленников к другим вопросам общественно-политической и социально-экономической жизни иллюстрируют пункты декларации, принятой общим собранием представителей местных организаций, а также членов Центрального комитета. Основные принципы сводились к следующему: борьба с революцией, упрочнение конституции, решение земельного вопроса, полная свобода для устройства съездов, собраний и пропаганды своих взглядов. Одной из первых реформ, подлежащих проведению через Государственную думу, должно было стать создание «обеспечивающего и свободу граждан, и спокойствие страны, основанного на законе порядка управления». Отношение к другим партиям октябристы определяли следующими положениями: «Отдавая всегда преимущество русским

государственным интересам, “Союз 17 октября” заявляет, что он не смешивает их с угнетением других национальностей, входящих в состав Российского государства. Девизом настоящей национальной политики Союз признает слияние, а не поглощение» [83, с. 1–2].

Во многом благодаря деятельности В. К. Стукалича, агитационной работе, развернувшейся на страницах печатных изданий Витебска, депутатом в высший законодательный орган Российской империи от Витебской отдела «Союза 17 октября» в III Государственную думу был избран А. П. Сапунов [193, с. 1].

Таким образом, начатая В. К. Стукаличем кампания по защите интересов «русского» населения края принесла результаты. После роспуска II Государственной думы 3 июня 1907 г. император Николай II изменил правила выборов, что позволило А. П. Сапунову стать депутатом III Государственной думы и поднять вопросы, касающиеся политического, социально-экономического, культурно-просветительского и религиозного развития белорусского народа.

3.2 Защита А. П. Сапуновым и В. К. Стукаличем интересов белорусского народа в Государственной думе и органах местного управления в 1907 – феврале 1917 г.

III Государственная дума работала с ноября 1907 по июнь 1912 г. Большинство депутатских мест в ней принадлежало октябристам. В Думе действовало около тридцати комиссий, выборы состава которых проходили на общем собрании после предварительного согласования кандидатур во фракциях. К числу основных законопроектов, принятых депутатами III Государственной думы, относятся закон о крестьянской частной собственности на землю, страховании рабочих, введении местного самоуправления в западных регионах империи и др.

А. П. Сапунов являлся депутатом от фракции октябристов, входил в земельную комиссию и комиссию о чиншевом праве [281; 340; 341].

В Санкт-Петербург А. П. Сапунов приехал в конце октября 1907 г. Стараясь не пропускать ни одного думского заседания, за исключением периодов обострения своей хронической болезни, историк целиком посвятил себя политической деятельности [147, л. 14, 16, 22].

К новой работе А. П. Сапунов приступил с чувством огромной ответственности. На трибуну всеобщего собрания Думы Алексей Парфенович поднимался всего шесть раз. Объясняя причины своих несчастных

выступлений, А. П. Сапунов писал в редакцию «Витебских губернских ведомостей» следующее: «Наскучив слушать бесконечные, никому положительно ненужные, субъективные речи, часто совершенно не относящиеся к обсуждаемой теме, некоторые из думских ораторов самоотверженно отказываются от произнесения своих речей. Чтобы напрасно и без пользы не утомлять членов думы, говорить должны только известные и признанные ораторы и по два-три от фракции не больше. Остальные могут и обязаны выступать лишь тогда, когда в распоряжении имеется достаточный материал, запас фактических данных и разработанные тезисы» [304, с. 2].

Первую речь А. П. Сапунов произнес на заседании 17 января 1908 г., на котором историк выступал от лица 35 членов Государственной думы, ходатайствовавших о неотложном рассмотрении законопроекта «Об упразднении в Белоруссии остатков чиншевого владения и чиншевого права и выродившегося из него городского и местечкового домового арендного владения» [193, с. 4]. Свое выступление витебский депутат сопроводил небольшим экскурсом в прошлое по данному вопросу. Докладчик отметил, что чиншевое право в Беларуси и Западном крае – общепризнанный юридический институт, законодательно закрепленный Статутом Великого Княжества Литовского, а после присоединения к Российской империи признанный русскими законами. Однако с течением времени, с развитием инфраструктуры городов и местечек, интересы вотчинника и чиншевика нередко становились враждебными. Вотчинники стали стремиться перевести чиншевиков на отношения более или менее краткосрочной аренды. В огромном количестве случаев договоры носили устный характер. Спорность и неопределенность чиншевых правоотношений, по мнению докладчика, еще более увеличилась в силу крайней скудности письменных доказательств чиншевого права; искусственного создания письменных доказательств, относящихся к моменту установления этого права; неравенства житейской и процессуальной борьбы между вотчинниками и чиншевиками. Общие суждения о тяжелом положении арендаторов-чиншевиков и бывших чиншевиков оратор подкрепил законодательными актами по данному вопросу, конкретными примерами из дел, которые рассматривались в Витебском окружном суде [272, с. 12–14], а также мнениями ученых, изучавших чиншевый вопрос [272, с. 4–6]. Депутатом предлагалась полная отмена чиншевого права. Арендуемые чиншевиками земли должны были выкупаться государством у владельцев и предоставляться в собственность арендаторам,

которые в течение 30 лет были обязаны возместить затраченные на выкуп денежные средства [105, с. 96].

На заседании Думы 2 апреля 1908 г. А. П. Сапунов еще раз разъяснил высказанную ранее позицию по чиншевому вопросу, подчеркнув, что «арендные отношения в Белоруссии иного порядка, что они существенно отличаются от арендных отношений в иных местностях» [272, с. 28]. Обратив внимание на то, что центральные власти обыкновенно имеют склонность подводить все под один уровень, устанавливая одинаковые нормы, докладчик призвал относиться к местным властям с большим доверием [272, с. 31].

Тема, поднятая А. П. Сапуновым, вызвала оживленную дискуссию, и для принятия окончательного решения была создана специальная комиссия, в состав которой вошел и Алексей Парфенович [295, л. 9].

Несмотря на то что переданный на рассмотрение комиссии законопроект имел местное значение, касаясь лишь Беларуси, по мнению председателя комиссии, представителя русской национальной фракции г. Е. Червинского, вопрос затрагивал интересы многих регионов империи. Решено было приступить к поэтапному рассмотрению законопроекта с целью выработать основное положение, которое в будущем будет регулировать отношения между собственниками земли и непосредственными их владельцами по долгосрочным арендам и иным договорам [93; 96; 97; 151].

В очередной раз вопрос о вечночиншевом владении в городах и местечках белорусских губерний был поднят на заседании 20 февраля 1910 г. Рассматривая сущность института чиншевого владения, некоторые члены комиссии выступали за его сохранение, руководствуясь тем историческим значением, которое оно имело в истории Западного края; другие считали необходимым либо полностью, либо частично прекратить дальнейшее существование рассматриваемого института.

Первым за полную отмену чиншевого права на всей территории Беларуси выступил А. П. Сапунов. Выкуп земель докладчик предложил производить «на тех же основаниях и началах, тем же самым путем, способами и средствами, какими он был произведен правительством в Привислинском крае в 1864–1870 гг., по закону 19 февраля 1864 г., 28 октября 1866 г. и 30 мая 1870 г., с некоторыми изменениями и приспособлениями сообразно с местными белорусскими особенностями и изменившимися с 60-х гг. XIX в. условиями землевладения в Белоруссии и земельными ценами, на предмет определения их выкупной сто-

имости» [97, л. 14]. Находящиеся в арендном владении у чиншевиков, городских и местечковых землевладельцев-арендаторов земли подлежало выкупить за государственный счет у их собственников – казенных, церковных, монастырских и общественных учреждений и частных лиц, с предоставлением выкупленных земель в собственность чиншевиков и арендаторов и возвращением затраченных на выкуп земель денежных средств в течение 30 лет. Для приобретения денежных средств на операцию выкупа земель правительством предполагалось выпустить внутренний 4%-ный заем на сумму до 100 миллионов рублей с погашением их в течение 30 лет [78, с. 3]. Обращаясь к условиям установления выкупа, комиссия предлагала разграничить его для городов и местечек с учетом различий в имущественном положении населения и производить через кредитные либо казенные установления [151, л. 15–15 об.]. После длительных прений на рассмотрение Думы было решено выдвинуть обозначенный выше законопроект [78, с. 3; 105, с. 94 – 95].

Внесенный в III Государственную думу 4 декабря 1907 г. депутатами-октябристами законопроект по упразднению чиншевого права получил одобрение общего собрания депутатов только 4 июня 1911 г., но из-за негативной позиции Государственного совета законом так и не стал.

Последующие выступления А. П. Сапунова касались разных вопросов, но по существу затрагивали тему белорусской народности. Следует отметить, что октябристы белорусов отдельным народом не считали, полагая, что последние являются частью русского суперэтноса. Такое мнение долгое время разделял и А. П. Сапунов. Однако в работах начала XX в., вопреки распространенному мнению современников о забитости, угнетенности, рабской психологии белорусов, Алексей Парфенович говорил о наличии у белорусского народа своей истории, особенностей в общественной и культурной жизни [272, с. 20].

Своим мнением о белорусском народе Алексей Парфенович поделился на заседании Думы 30 мая 1909 года. Главной темой очередного заседания стала законодательная правка, призванная изменить закон о выборах в девяти губерниях Западного края, в которых не было земского самоуправления. В соответствии с законом выборы проводились губернским съездом землевладельцев, которые имели необходимый земельный ценз. А так как крупными землевладельцами на территории Беларуси были преимущественно польские помещики, то все девять депутатов Государственного совета оказывались поляками, притом что польское население в этих губерниях было незначительным. О спра-

ведливости, своевременности и законности решения поднятого вопроса говорили не только В. К. Стукалич, депутаты Северо-Западного края, но и председатель Совета министров П. А. Столыпин.

В своем выступлении А. П. Сапунов, избегая сложных статистических вычислений, подошел к вопросу с иной стороны. Обращаясь к членам Государственной думы, Алексей Парфенович старался развенчать убеждение о том, что поляки-католики являлись основной и стародавней народностью Северо-Западного края и всегда хорошо относились к белорусам, как, например, утверждал И. О. Корвин-Милевский, польский общественно-политический деятель, публицист, чье авторитетное мнение разделяли некоторые депутаты [272, с. 38]. Отмечая, что поляков как основной народности в Западном крае нет вовсе, да и не было никогда, А. П. Сапунов заявлял, что не более трех веков тому назад «все население Белоруссии было сплошь белорусским, сплошь православным» [272, с. 34]. Причисление к полякам белорусов-католиков историк считал недопустимым, а преподавание закона Божьего римско-католического исповедания в учебных заведениях Западного края на польском языке – целенаправленной полонизацией белорусов-католиков [272, с. 34–35]. Выступая против безосновательных претензий поляков на «исконно русский край», историк призывал к взаимному справедливому отношению к правам славянской нации. Желая полякам достигнуть широких прав в этнографической Польше, оратор выразил надежду, что в ближайшем будущем о нуждах белорусского народа будут говорить не господа, «сплотившиеся в польское коло и представляющие свои сословные и племенные интересы», а истинные хозяева Западного края, каковыми, по мнению историка, являются православные белорусы [272, с. 38]. Слова А. П. Сапунова: «Все, даже самые незначительные народности стремятся к самоопределению; и за ними все признают право на это. Только одна народность, народность белорусская, не смеет и думать про это» [272, с. 37] – стали своего рода манифестом в защиту самоопределения белорусов и прозвучали как призыв к выходу из состояния угнетенности и порабощения. Из обозначенного выше следует, что А. П. Сапунов понимал опасность полонизации белорусского населения, которая исходила со стороны Польши.

Продолжением данной темы явилось выступление витебского депутата 11 мая 1910 г. в защиту законопроекта, внесенного в Государственную думу Министром внутренних дел «О применении Положения о земских учреждениях 12 июня 1890 г. к губерниям Витебской,

Волынской, Киевской, Минской, Могилевской и Подольской». Говоря о культурном влиянии Польши на Беларусь, докладчик привел историческую справку о двухвековой просветительской деятельности поляков. А. П. Сапунов доказал, что для образования детей купцов и мещан не было сделано ничего; об образовании детей крестьян речи даже не шло. Историк представил сведения о том, что количество учащихся из данных социальных слоев в открытых в Полоцке, Витебске и Двинске школах было незначительным и преимущественно образование в этих школах получали дети шляхты [272, с. 43–44]. «Польский» характер школы носили и при императоре Александре I.

А. П. Сапунов выступал против увеличения доли польского участия в жизни земств. Главным тезисом его выступления явилось высказывание, что в члены училищных советов от земства и городов земством и городским общественным управлением могут быть избираемы только «лица русского происхождения» [272, с. 48]. 11 марта 1911 г. одобренный Государственной думой законопроект о введении земств в шести Западных губерниях Государственным советом был отклонен. В ответ на это указами Николая II от того же числа занятия Государственной думы и Государственного совета были прерваны в порядке ст. 99 Основных законов на три дня, а с 14 марта 1911 г. в Собрании узаконений и распоряжений правительства появился именной указ императора об издании, согласно особому журналу совета министров, в порядке ст. 87 Основных законов, закона о введении выборного земства в некоторых губерниях Северо-Западного и Юго-Западного края, в том числе в Витебской, Могилевской и Минской [78, с. 141–147].

Напряженная работа в Думе негативно отразилась на состоянии здоровья А. П. Сапунова. Базедова болезнь не давала возможности витебскому ученому участвовать во всех заседаниях. Он часто подавал заявления о внеочередном отпуске по причине плохого самочувствия [147, л. 7–12, 17–18, 21].

9 июня 1912 г. Алексей Парфенович вернулся в город Витебск. О своей деятельности в Думе историк писал: «Четыре года я работал в Государственной думе. Два вопроса особенно интересовали меня: чиншевый или арендный и введение земства в Западном крае. Я не оратор, однако пришлось выступать раз шесть. К довольствию моему и моих выборщиков, оба выше обозначенных вопроса Государственная дума провела успешно и до конца, и именно так, как хотели этого мои выборщики и я. Правда, Государственный совет значительно изменил эти законопро-

екты, и изменил, с нашей точки зрения, не в лучшую сторону. Однако и в нынешнем виде они, безусловно, полезные» [333, с. 134–135].

Несмотря на успешные выборы в III Государственную думу, после революции число сторонников «Союза 17 октября» значительно сократилось. Этому способствовала преимущественно думская тактика Союза. В течение нескольких лет не созывались съезды партии, которые по уставу должны были проходить ежегодно.

С целью оживления деятельности местных отделов в Витебской губернии Центрального комитета «Союза 17 октября» в 1909 г. А. П. Сапунов предложил депутатам III Государственной думы их патронирование. Патроном Витебского отдела стал А. П. Сапунов [297, л. 64]. Данная мера позволила продлить существование организации октябристов в Витебске. Известно, что в 1910 г. Витебский отдел «Союза 17 октября» продолжал работать и его председателем оставался В. К. Стукалич [318, л. 59].

Тем не менее численность октябристов продолжала неуклонно сокращаться, и к моменту избирательной кампании в IV Государственную думу «Союз 17 октября» не представлял уже значимой политической силы. А в отчете Особого отдела Департамента полиции руководству Министерства внутренних дел о положении дел в Витебской губернии осенью 1912 г. говорилось, что октябристы, игравшие при предыдущих выборах видную роль и имевшие значительное число сторонников, теперь представляют собой несущественную по численности партию [190, с. 122–123].

В этих сложившихся условиях октябристы пошли на союз с другими монархическими партиями и организациями, приняв участие в создании Витебского губернского русского предвыборного комитета.

В 1912 г. В. К. Стукалич предпринял попытку пройти в качестве депутата от Витебской губернии в IV Государственную думу, однако безуспешно [222, л. 1, 9–9 об., 11; 224, л. 4 об.].

В 1913 г. в Санкт-Петербурге состоялось последнее всероссийское совещание «Союза 17 октября». А. П. Сапунов и В. К. Стукалич представляли на нем Витебскую губернию. После совещания единая думская фракция «Союза 17 октября» раскололась на группы, а в 1914–1915 гг. структуры «Союза 17 октября» вне думы полностью распались [131, с. 198–199].

Таким образом, являясь активными членами Витебского отделения «Союза 17 октября», разделяя общие положения западнорусской доктрины, А. П. Сапунов и В. К. Стукалич имели собственное видение

истории и перспектив развития белорусского народа. На предвыборных собраниях, партийных заседаниях, с трибуны высшего законодательного органа Российской империи А. П. Сапунов и В. К. Стукалич одними из первых заявили о наличии у белорусского народа своей истории, особенностей общественной и культурной жизни, смогли обратить внимание на насущные проблемы социально-экономического, культурного, религиозного характера как на территории Витебской губернии, так и Российской империи в целом [100; 102].

3.3 Л. М. Солоневич и «Белорусское общество» (1908–1911 гг.)

В начале XX в. Вильно был крупным городом Российской империи, центром генерал-губернаторства, культурной столицей земель, входивших ранее в состав Великого Княжества Литовского. В нем пересекались интересы польского, белорусского и литовского национальных движений. В городе жило многочисленное еврейское население, он считался одним из важнейших еврейских культурных и образовательных центров в «черте оседлости». Особенности межнациональных отношений, поликонфессиональный состав населения, политическая активность национальных партий и организаций, историческое прошлое Вильно серьезно влияли на общественно-политическую ситуацию в городе.

Из общероссийских партий, ориентировавшихся на православное население, наиболее влиятельным был Союз русского народа, из региональных в годы первой российской революции – «Северо-Западное Русское Вече», а в 1908–1915 гг. – «Белорусское общество». Местные политические объединения в основном были умеренно консервативными, их поддерживали чиновники, православное духовенство, часть представителей интеллигенции и служащих, образованных крестьян православного вероисповедания. В национальном плане почти все они разделяли позиции западнорусизма, исходя из представлений о триединстве русского народа (великорусы, белорусы, малорусы), необходимости отстаивания «русских» интересов среди польского, еврейского и литовского населения. По другой линии пошло развитие «Белорусского общества», которое политически в конце оказалось ближе российским конституционным демократам, а его деятельность в национальном плане во многом позволяет рассматривать данную организацию как со-

ставную часть либерального направления в белорусском национальном движении начала XX века.

Политическая платформа «Белорусского общества» была утверждена 21 декабря 1908 г. и опубликована 9 февраля следующего года в пробном номере газеты «Белорусская жизнь». Редакторами номера были Л. М. Солоневич и П. В. Коронкевич, издателем – чиновник контроля Полесских железных дорог А. С. Кудерский. Главными органами «Белорусского общества» были общее собрание и Правление. Председателем последнего стал Л. М. Солоневич, его заместителем – П. В. Коронкевич, секретарем – П. И. Кореневский. Все трое на тот момент работали в управлении Полесских железных дорог в Вильно.

Платформа «Белорусского общества» основывалась на утверждении, что, кроме интересов общих со всем русским народом, у белорусов имелись еще и свои особые интересы. Их наличие обуславливалось особенностями географического положения Беларуси, культурным влиянием соседних народов, своеобразием этнографического состава населения, социальных и религиозных отношений, особым законодательным статусом края. В одной из передовых статей «Белорусской жизни» редакция следующим образом определяла свое отношение к белорусам: «Поднять тот народ, из среды которого мы вышли, оживить его национальное самосознание, расшевелить его дремлющие умственные силы, вдохнуть в него веру в себя, в свое право на первородство, указать ему пути для выхода из того тяжело-экономического положения, в которое он поставлен исключительными историческими и этнографическими условиями края...» [45, с. 2].

Характеризуя состояние белорусского народа во второй половине XIX в., Л. М. Солоневич и П. В. Коронкевич в программной статье «К белорусской интеллигенции» констатировали, что после польского владычества и гнета у белорусов уже не было «ни своих образованных классов общества, ни своего литературного языка, ни своей науки, ни своей культуры», из социальных групп остались лишь «поп да хлоп». Только при помощи народных училищ, учительских семинарий и институтов вновь начала формироваться национальная интеллигенция [112, с. 1]. Свою задачу редакторы «Белорусской жизни» как раз и видели в том, чтобы сплотить воедино «слабые еще интеллигентные силы, какими располагает белорусская народность» для поиска путей улучшения положения народных масс.

«Белорусское общество» утверждало единство белорусов православных и католиков: «Так как белорусы в настоящее время благода-

ря своей принадлежности к двум вероисповеданиям – православному и католическому – представляются разрозненными и не объединены сознанием общности своих интересов, то ближайшая задача общества должна заключаться в том, чтобы объединить всех представителей этой народности без различия сословия, звания и вероисповедания...» [221, с. 3]. Поставленную задачу предполагалось решать на основе уважения к свободе совести всех белорусов вне зависимости от конфессии.

В сознание народных масс «Белорусское общество» пыталась внести мысль о том, что вероисповедание не может служить почвой для национального самоопределения. Особенно резко на страницах «Белорусской жизни» критиковалось мнение, связывавшее католицизм с принадлежностью к польской нации. «Белорусское население могло допускать отождествление католицизма и польщизны только по своему неведению, и только по этой причине оно могло полонизироваться при помощи костела», – писалось в одной из передовых статей [46, с. 1].

«Белорусское общество» считало белорусов неотъемлемой частью русского народа: без единения с великороссами в рамках Российского государства, их ждало полное историческое забвение и утрата самоидентификации. Все различия между великороссами и белорусами, по мнению Л. М. Солоневича, П. В. Коронкевича и их сторонников, были различиями внутри одной нации. Поэтому лидеры «Белорусского общества» для выражения своих воззрений прибегали к уже устоявшимся понятиям: постулировали наличие трех «племен» – белорусского, великорусского и украинского, – которые должны были войти в единый союз на основе «гражданской свободы». В частности, Л. М. Солоневич писал: «...Белорусское племя в огромной своей массе – это составная и нераздельная часть русского народа... белорусы, вместе с великороссами и малороссами, составляют один народ, и что народ этот, несмотря на некоторую незначительную разницу в этнографических особенностях составляющих его племен, живет одною жизнью, стремится к одним и тем же национальным целям и, несомненно, пойдет вперед одним и тем же историческим путем» [285, с. 2].

В то же время идеологи «Белорусского общества» считали, что свои интересы на политической арене белорусы должны отстаивать сами. Авторы статьи «К белорусской интеллигенции» риторически вопрошали: «...Будем ли мы белорусы на разных славянских съездах, в Государственном совете и в Государственной думе говорить сами за себя, от своего имени или же от нашего имени будут долго еще говорить

великорусские чиновники, каковы Замысловский, Тычинин и Павлович, духовные отцы вроде священника Веракрина и ксендза Мациевича или же польские магнаты вроде Монтвилла и Потоцкого» (все перечисленные – депутаты III Государственной думы. – *Д. Л.*) [112, с. 1].

Платформа организации признавала существование особого белорусского языка, но в государственной и культурной жизни допускала использование преимущественно русского языка. Данное положение обосновывалось следующим образом: «Так как белорусская интеллигенция, как православная, так и католическая, до сего времени получала образование исключительно на русском языке, который (язык) является для всех наиболее общим, и так как белорусский язык из-за исторических условий был задержан в нормальном своем развитии на несколько столетий и поэтому слабо подготовлен к восприятию богатых плодов современной общечеловеческой цивилизации, “Общество” считает, что наиболее соответствующим для культуры развития белорусской народности может быть только язык российский...» [221, с. 3]. Таким образом, место белорусского языка по праву должен был занять русский язык как более соответствующий объективным условиям развития страны в начале XX в.

Большинство православных белорусов, по мнению редакции «Белорусской жизни», бесповоротно признало превосходство русского языка. Белорусы-католики в этом отношении находились на полудороге [191, с. 1]. Для их полного воссоединения с русской нацией необходимо было провести располячивание католической церкви в Беларуси. «Нет сомнения, что располячивание белорусского костела совершится не без затруднений и не без препятствий, т. к. поляки не откажутся от упорного сопротивления», – полагали руководители «Белорусского общества» [46, с. 1]. Однако они считали, что римская курия, ради сохранения своей паствы, не будет противиться этому процессу. По мысли издателей «Белорусской жизни», опасность представлял не католицизм сам по себе, а польскоязычная церковная иерархия, отождествлявшая его с «польщицкой».

Наиболее легкий способ располячивания костела «Белорусское общество» видело в замене лиц, занимавших высшие посты в местной католической иерархии, неполяками. «Пусть на местах епископов в нашем крае будут французы, немцы, испанцы, итальянцы, литовцы, одним словом, лица какой угодно национальности, но ни в коем случае не поляки», – писала «Белорусская жизнь» [48, с. 1]. Для ослабления

польского влияния она допускала введение в католическое богослужение белорусского языка. В одной из редакторских статей отмечалось: «...Допущение в белорусских костелах проповедей и дополнительного богослужения на белорусском наречии решительно ничем русской нации не грозит» [55, с. 1]. Напротив, в этом руководители «Белорусского общества» усматривали наиболее быстрый путь подрыва польского влияния на белорусов-католиков. Поскольку из белорусского «наречия» особый язык никоим образом выработаться не может, то и бояться его как основы для сепаратизма белорусов, доказывали Л. М. Солоневич и П. В. Коронкевич, не было никаких оснований.

В ряде статей в «Белорусской жизни» давалась характеристика социальной структуры белорусского народа. «Национальные силы нашего края слагаются из следующих элементов: духовенства, простонародья, поместного класса частью дворянского, частью недворянского, чиновничества и интеллигенции, стоящей вне этих групп», – писалось в передовой статье в апреле 1911 года [50, с. 1]. Там же констатировалось полное отсутствие у белорусов торгово-промышленного класса. Это объяснялось, с одной стороны, преобладанием в городах еврейского населения, сосредоточившего в своих руках торговлю и промыслы, а с другой – сильной миграцией из белорусской деревни в крупные города центральной России. «Все, что в Белоруссии вышло из лаптей и обулось в сапоги, вынуждено было уходить из деревни и искать себе места в городах. А так как наши города слишком плотно заняты евреями, то в силу необходимости пришлось искать таких мест, где теснота давила меньше, где можно было устроиться легче», – утверждала редакция «Белорусской жизни» [57, с. 1].

Рассуждая, какой социальной группе должна принадлежать руководящая роль в белорусском движении, Л. М. Солоневич и П. В. Коронкевич весьма скептически смотрели на помещиков. «Русский поместный класс в нашем крае – это еще явление довольно новое, неоформившееся, неокрепшее и далеко не самоопределившееся», – полагали они [50, с. 1]. Редакторы газеты утверждали, что насадить в Северо-Западном крае крупное русское землевладение, несмотря на старания властей, не удалось, и даже те помещики, которые приобрели имения, как правило, предпочитают государственную службу, перепоручая управление своим хозяйством посторонним лицам, часто полякам. Мелкое же землевладение, по мнению идеологов «Белорусского общества», формировалось исключительно из крестьянской массы, которая в силу своего низкого

культурного уровня не могла претендовать на доминирование в национальном движении [57, с. 1]. В то же время Л. М. Солоневич и П. В. Коронкевич считали, что из-за неразвитости русского помещичьего землевладения «...у белорусского крестьянина нет классовой вражды и, естественно, что с его стороны не будет препятствий для объединения всех русских сил края на национальной почве» [47, с. 1].

Связующим звеном между различными социальными группами, по мнению «Белорусского общества», могла в будущем стать интеллигенция. Правда, ее настоящее положение оценивалось критически. «Более культурные интеллигентные слои белорусского населения по-прежнему остаются отрезанными от земли, и впереди мы не видим никаких мероприятий (со стороны правительства. – *Д. Л.*) к тому, чтобы их удержать в деревне, прикрепить к земле, заинтересовать их местной жизнью», – писала «Белорусская жизнь». Пока интеллигенция отрезана от народа, в Беларуси, по мнению редакции, как и сто лет тому назад, оставались «хлоп да поп» [57, с. 1].

Для сближения интеллигенции с народом «Белорусское общество» поддерживало мероприятия по сбору фольклорных произведений, попытки создания литературы на белорусском языке. Последний рассматривался Л. М. Солоневичем, П. В. Коронкевичем и их сторонниками как диалект общего для всех восточных славян русского языка. В «Белорусской жизни» прямо заявлялось: «Нет основания признавать наш говор самостоятельным языком, как не признаются самостоятельными говоры новгородские, поволжские...». Для общественной жизни белорусский язык из-за его архаичности признавался непригодным. В то же время лидеры «Белорусского общества» настаивали на изучении простонародной речи. «Сохранить наш говор для истории – значит собрать наши песни, сказания, поговорки и загадки, очистить их от полонизмов и других барбаризмов и издать отдельными сборниками», – писала «Белорусская жизнь» [58, с. 1]. А. И. Цвикевич отмечал: «Насколько можно понять, авторы программы «Общества» [имеется в виду «Белорусское общество». – *Д. Л.*] не выступали против попыток местных людей создавать на белорусском языке «народную литературу». Ни у «Крестьянина», ни у «Окраин России» мы подобного «допущения» не встречали» [335, с. 332].

В соответствии со своими идеями «Белорусское общество» требовало предоставления Белоруссии административно-хозяйственной автономии, а не национальной.

Большое внимание его идеологи уделяли польскому вопросу в Беларуси. Они осуждали русских помещиков, установивших дружественные связи с поляками. «Говоря о полонизации местного русского дворянства, мы имеем в виду не ту полонизацию, которая идет через костел и ксендзов и действует на темные массы, а ту полонизацию, которая идет через салоны польских магнатов, через знакомства и родственные связи с польскими семьями и т. п.», – пояснялось со страниц «Белорусской жизни» [47, с. 1]. Русские помещики призывались к отказу от использования польских слуг, к сближению с белорусским крестьянством. В итоге улучшение положения народных масс связывалось с радикальным решением польского вопроса.

Политическое лицо «Белорусского общества» в сфере социально-политических и экономических отношений определяло сочетание идей консервативного монархизма и либерализма. У либералов «Белорусское общество» позаимствовало требования: в области прав человека – ликвидации имущественного ценза при выборах, всеобщего избирательного права; в области местного самоуправления – введения выборного земства; в области финансовой – прогрессивно-подоходного налога; в области экономической – поднятия аграрного сектора, его интенсификации и земельного кредита [221, с. 3].

Для экономического и культурного развития крестьян, по мнению Л. М. Солоневича и П. В. Коронкевича, необходимо было ввести в Беларуси выборные земства. В 1909 г. «Белорусским обществом» был разработан собственный проект земской реформы, представленный в Совет министров. В основу земских выборов авторы проекта положили принципы всеобщности и распределения избирателей по куриям в соответствии с имущественным цензом: крупных землевладельцев, мелких землевладельцев и крестьян. При этом предполагалось, что по сравнению с нормами 1864 и 1890 гг. избирательный ценз для крупных землевладельцев должен быть понижен в два раза, а крестьянам, имевшим, помимо общинной земли, собственную, предоставлено право голосовать по всем трем куриям в соответствии с размерами их владений [342, с. 1]. В целом проект отвечал интересам зажиточных слоев белорусской деревни.

Однако правительство П. А. Столыпина решило вместо имущественного ценза при распределении избирателей по куриям применить национальный принцип, чтобы закрепить русское (православное) большинство в составе управ и среди вольнонаемных служащих,

а также определить ряд должностей, которые могли бы заниматься исключительно русскими (православными). Первоначально правительственный проект «Белорусское общество» восприняло в штыки. Так, Л. М. Солоневич считал, что система выборов, основанная на национальных куриях, имеет существенные недостатки. «Первенство в подобных случаях всегда достается наиболее непримиримым националистам», – отмечал лидер «Белорусского общества». – «Из поляков пройдут заядлые полонизаторы, из русских – крайние шовинисты-русификаторы». В результате, делал вывод Солоневич, национальная рознь в крае еще более обострится. По его мнению, земство, поддавшись узконациональным тенденциям, повлияет и на начальную школу, т. к. «слишком низок уровень образования в белорусском населении» [212, с. 112].

Тем не менее, в марте 1911 г. выборные земские учреждения в соответствии с проектом П. А. Столыпина были введены в Витебской, Минской и Могилевской губерниях. «Белорусское общество» протестовало против решения царского правительства не создавать выборные земства в Гродненской губернии. «В Западном крае, наконец, вводится долгожданное земство. Но по какому-то странному стечению обстоятельств, Гродненская губерния выделена из этого края и лишена опять на долгие годы тех благ, которые следует ожидать от земства. В Петербурге, да и в центре России, считают эту губернию не то польской, не то литовской», – писалось в открытом письме депутатам III Государственной думы от имени крестьян Гродненской губернии в передовице «Белорусской жизни» [197, с. 1]. Редакция газеты доказывала, что называть Гродненскую губернию литовской можно только в историческом смысле, как часть бывшего ВКЛ, население же ее в основном белорусское, большей частью православное. Члены «Белорусского общества» доказывали столичным властям благонадежность местных жителей, ссылаясь в том числе и на историю края: «В Гродненской губернии нет ни одного города, местечка, села, которые не хранили бы какого-нибудь памятника глубокой старины, крепко связывающего этот край с коренной Россией. В пределах Гродненской губернии живет вся “Черная Русь”. Крестьянское население, несмотря на близость к Польше, несмотря на столь недавний гнет “панщины”, как нигде предано всему русскому» [197, с. 1]. Письмо заканчивалось просьбой к депутатам Думы распространить закон о выборном земстве и на Гродненскую губернию. Характерно, что при этом лидеры

«Белорусского общества» не требовали введения земств в многонациональной Виленской губернии.

Л. М. Солоневич и П. В. Коронкевич на страницах «Белорусской жизни» отдавали дань уважения П. А. Столыпину, благодаря решительным действиям которого законопроект об образовании выборных земств в западных губерниях Российской империи стал законом. Поменяли свое отношение руководители «Белорусского общества» и к разделению избирателей на национальные курии, прежде всего потому, что введение последних вызывало нападки на премьера со стороны польских шовинистов и части русских правых. «Нет сомнения, что если бы на месте Столыпина в данный момент был человек, в котором политик преобладал над гражданином, то он пожертвовал бы западно-русским земством с его пониженным цензом и национальными куриями ради своего престижа», – считали редакторы «Белорусской жизни» [54, с. 1]. Они высоко оценивали значение создания выборного земства и введения национальных курий, считая это сильным ударом по польским позициям в крае. «Мы думаем, что национальные курии, как бы на них ни нападали, сыграют прекрасную роль в смысле объединения и сплочения разрозненных элементов, и, что важнее всего, так это то, что они вынудят наших дворян-помещиков подойти ближе к народу, к народным массам и в них искать точку опоры для более широкой общественной и политической жизни и деятельности на национальных началах», – утверждали идеологи «Белорусского общества» [50, с. 1]. Они прогнозировали кардинальное изменение общественной жизни в недалеком будущем, победу русского национализма над польским в Северо-Западном крае. «То, что в данный момент завоевано русской национальной политикой, то уже останется за нею навсегда», – делала вывод редакция «Белорусской жизни» [54, с. 1].

С другой стороны, Л. М. Солоневич и П. В. Коронкевич рассчитывали и в будущем на поддержку царского правительства. По их мнению, только с помощью государственной политики можно было укрепить экономические и культурные позиции русского (белорусского) населения в крае. «Местные общественные организации, местные русские культурные силы, как бы они самоотверженно и усиленно не работали, могут сделать только одно – поднять несколько самосознание и подготовить население к восприятию тех реформ, какие будут предприняты правительством и законодательными учреждениями», – писала «Белорусская жизнь» [57, с. 1]. Все мероприятия по развитию экономики и

культурно-образовательной сферы должны были проводиться за государственные средства.

Большое внимание лидеры «Белорусского общества» уделяли подготовительной работе по выборам земских учреждений. Они видели слабость национальных белорусских сил и поставили вопрос о развитии «культурного земского элемента» из местного населения, привязанного к краю и хорошо его знающего. В этом отношении большое значение придавалось народным учителям и чиновникам-белорусам.

Особо заботливое отношение руководители «Белорусского общества» считали необходимым проявлять к белорусским крестьянам католического вероисповедания. «Если в таком общественном деле, как земство, мы толкнем белорусов-католиков в лагерь польский, не приняв их в свою русскую среду, то этим мы сделаем полякам ценный сюрприз, дав полную возможность полонизации идти вперед быстрыми шагами», – полагали Л. М. Солоневич и П. В. Коронкевич [191, с. 1]. Защищая свою точку зрения, «Белорусская жизнь» не стеснялась вступать в полемику с другими органами печати западнорусов. В частности, резкой критике подверглась газета «Минское слово», редакция которой главным критерием определения национальности выбрала религию: все католики записывались в поляки, все православные – в русские. «Белорусское общество» признавало сильное влияние польской культуры на католическое население края. Более того, Л. М. Солоневич, П. В. Коронкевич и их соратники считали, что у каждого народа есть свои больные раны и что для белорусского народа такой раной являются белорусы-католики, которые, утратив православную веру, попали под влияние поляков [51, с. 1]. Но в то же время со страниц «Белорусской жизни» доказывалась ошибочность позиции «Минского слова». «Белорусы-католики всецело себя поляками не признали, и есть большая надежда на то, что они в недалеком будущем признают себя тем, кем они должны быть, а именно: белорусами, т. е. русским племенем по крови и духу», – утверждалось в статье постоянного автора газеты П. Остринца [191, с. 1].

Для ослабления польского влияния «Белорусское общество» настаивало на проведении аграрных реформ. В своей публицистике («Рассказы», «Через 50 лет (С натуры)») П. В. Коронкевич рисовал крайне бедственное состояние белорусского крестьянства, считая, что с 1861 г. благосостояние последнего фактически не изменилось. Главными при-

чинами нищеты крестьян автор считал малоземелье и неграмотность [127, с. 18, 32]. Меры, предпринимавшиеся царским правительством, он рассматривал как недостаточные. По мнению П. В. Коронкевича, попытки переселить часть сельского населения в Сибирь были обречены на провал из-за малого плодородия сибирских земель и сурового климата. Мало толку было и от Крестьянского банка, т.к., покупая у него землю, крестьяне сами себя закабалили [127, с. 30–31]. С другой стороны, со страниц «Белорусской жизни» раздавалась резкая критика в адрес Крестьянского банка, который, выдавая ссуды для покупки земли крестьянам, в то же время отказывал в этом народным учителям. Л. М. Солоневич и П. В. Коронкевич, наоборот, считали, что преимущественным правом получения кредитов на приобретение земли должны пользоваться интеллигентные слои белорусского общества. «Когда, наконец, будет усвоена мысль, что культурных хозяев можно создать скорее и проще путем привлечения к земле уже культурных людей, чем выработкой их из некультурной массы, и что в нашем крае это единственный путь для создания культурного русского земского элемента, и что только этим путем можно прочно и надежно обеспечить здесь интересы нации, интересы государства», – писалось в передовой статье «Белорусской жизни» [58, с. 1]. Ее редакторы ратовали за открытие белорусского бессловного земельного банка, который бы выдавал учителям и чиновникам, выходцам из крестьянского сословия, льготные кредиты для приобретения ими земли в сельской местности, чтобы те могли принять участие в земских выборах и способствовать развитию гражданского самосознания у крестьян. Для чиновников предлагалось даже пенсию заменить выдачей земельных участков [49, с. 1].

Для улучшения положения крестьян П. В. Коронкевич предлагал увеличить их земельный фонд за счет государственных, удельных, церковных, части помещичьих земель. Надельная земля должна была стать частной собственностью крестьян. Идеолог «Белорусского общества» поддерживал меры правительства П. А. Столыпина, направленные на организацию хуторских хозяйств.

Рассматривая способы борьбы крестьян за свои права, П. В. Коронкевич критиковал призывы революционных партий к восстанию, считая, что власти найдут средства, чтобы подавить бунт. По его мнению, лучшим способом для крестьян обозначить свои требования и добиться их удовлетворения было направлять своих представителей в Государственную думу [127, с. 36]. Звучали в пропаганде лидера «Бе-

лорусского общества» и мотивы христианской добродетели. В своих рассказах для крестьян П. В. Коронкевич утверждал: чтобы хорошо и богато жить – надо упорно трудиться и жить по христианским заповедям [126].

Особое значение лидеры «Белорусского общества» придавали реформам в сфере народного образования. П. В. Коронкевич считал, что из-за неграмотности большинство белорусов не имеет возможности более-менее прилично устроиться в жизни [127, с. 31]. Оценивая состояние школьного дела в Беларуси, Л. М. Солоневич писал: «Возникшая после освобождения [крестьян. – Д. Л.] сельская школа приноровлена преимущественно к политическим и общеобразовательным целям и не могла дать крестьянам тех практических знаний, которые так необходимы в сельском хозяйстве» [287, с. 95]. Низкий же уровень сельскохозяйственной культуры приводил к бедности населения. Поэтому идеологи «Белорусского общества» полагали, что начальные школы (народные училища) должны быть приближены к жизни, к реальным потребностям крестьян, давать детям практические навыки. «Жизнь выдвигает новые требования, новые задачи, жизнь требует людей, вооруженных практическими, реальными знаниями, и школа должна дать этих людей», – наставляла редакция «Белорусской жизни» [44, с. 1]. Предполагалось расширить и сеть средних специальных учебных заведений, которые давали подготовку по ведению сельского хозяйства, занятию ремеслами, организации промышленных предприятий и т. п. Городские училища, по замыслу руководителей «Белорусского общества», необходимо было преобразовать в ремесленные или сельскохозяйственные. «...Они создали бы кадры молодых людей, подготовленных к какому-нибудь практическому делу, и весьма возможно, что часть их направилась бы в деревню, где они могли бы поднять сельскохозяйственную культуру и научить нашу деревню обрабатывать землю более усовершенствованными способами», – писала «Белорусская жизнь» [44, с. 1]. Ее редакторы предлагали также перенести часть городских учебных заведений в сельскую местность, чтобы сделать среднее и профессиональное образование доступней для основной массы белорусов. «...Если крестьянам не дадут достаточно земли и надлежащего образования, то толку не будет», – считал П. В. Коронкевич [127, с. 32]. В уставе «Белорусского общества» содержалось обещание оказывать содействие молодым белорусам и в получении высшего образования.

Заботу Л. М. Солоневича и П. В. Коронкевича вызывал и низкий уровень оплаты труда учителей. Редакторы «Белорусской жизни» неоднократно поднимали этот вопрос на страницах газеты, рассматривали различные варианты конкретной помощи педагогам. В случае закрытия «Белорусского общества» все его имущество, согласно уставу, должно было перейти в распоряжение организаций взаимопомощи народных учителей Виленского учебного округа.

На политической арене «Белорусское общество» примыкало к партии октябристов. В 1909 г. ЦК «Союза 17 октября» предложил Правлению общества оформить взаимоотношения путем принятия политической платформы октябристов с сохранением полной автономии по белорусским вопросам. 20 сентября общее собрание «Белорусского общества» приняло это предложение и избрало трех делегатов на октябристский съезд [342, с. 1]. На съезде, состоявшемся в октябре того же года, Л. М. Солоневич охарактеризовал царивший, по его мнению, в западных губерниях антагонизм между белорусами, поляками и евреями и подчеркнул, что только от «Союза 17 октября» население края ждет защиты своих интересов. Он указал, что в задачу октябристов должны войти заботы о поддержке национальных, религиозных и экономических интересов белорусов, т. к. правительственных мероприятий «уже недостаточно». Лишь развитие культуры, с точки зрения Солоневича, могло пробудить национальное самосознание в миллионах белорусского населения [212, с. 112].

Характерно, что Департамент полиции МВД рассматривал «Белорусское общество» как часть белорусского национального лагеря. Организации типа «Крестьянина», по мнению полицейских аналитиков, относились к русскому лагерю в Вильно, в белорусскую же «партию» включались и «Белорусское общество», и «Наша Ніва» в качестве ее левого крыла. К приверженцам белорусской «партии» относилась «ту-тэйшая» интеллигенция, мелкое чиновничество, сельские учителя, фельдшера, многие волостные писари. «Наружно партия признается национальной (ввиду враждебных отношений к полякам и евреям), но по коренным убеждениям она не может быть признана правую, по своим убеждениям это кадеты и трудовики... Партия эта пользуется сочувствием крестьян и по существу имеет характер сепаратистский», – такую обобщенную характеристику давали в МВД и «Белорусскому обществу» и «Нашей Ніве» [136, с. 222–223]. В отличие от «Крестьянина» к «Белорусскому обществу» предпринимались меры репрессивного

характера. Так, определением Виленской судебной палаты от 28 апреля 1910 г. было постановлено уничтожить программный номер «Белорусской жизни» [168, л. 80], чтобы воспрепятствовать ее распространению среди белорусского населения.

Для пропаганды своих программных положений «Белорусское общество» смогло наладить с 1 января 1911 г. ежедневное издание «Белорусской жизни». Необходимость регулярного выпуска газеты объяснялась со стороны редакции тем, что, по ее мнению, в Беларуси, за исключением «Крестьянина», не было народных периодических изданий. «Крестьянин» же оценивался весьма негативно: «... Единственный журнальчик, который мог бы сослужить свою службу, ведется до того бездарно и бесталанно, что не может выдержать никакого сравнения с прекрасно поставленными польскими народными изданиями...» [53, с. 1]. К последним причислялась и «Наша Ніва». Л. М. Солоневич и П. В. Коронкевич негативно оценивали деятельность редакции этой газеты, считая ее направленной на отрыв белорусов от России. В одной из редакторских статей отмечалось: «Каков путь, указываемый белорусам “Нашай Нівай”, и куда он ведет? В костел и в польщизну». Далее редакторы «Белорусской жизни» делали вывод: «Ее задача [«Нашай Нівы». – *Д. Л.*] отрезать белорусов от русской культуры, от единого и общего русского отечества» [52, с. 1]. Полемика с «Нашай Нівай» стала одним из приоритетных направлений деятельности «Белорусского общества».

Кроме выпуска газеты, Л. М. Солоневич и П. В. Коронкевич пытались организовывать лекции, музыкальные и театральные постановки. В частности, белорусский вечер в Вильно был устроен 23 января 1911 г. Программа вечера состояла из трех номеров: пьесы на белорусском «наречии» Касьяна Веселого «Ни разумом понял, а сердцем» (на языке своей деревни), декламации белорусских рассказов и исполнения белорусских песен крестьянским хором из местечка Острино Лидского уезда [77, с. 3].

Весной 1911 г. «Белорусское общество» выступило с инициативой создания Виленского белорусского общественного собрания. «Предполагалось создать нечто идеальное, близкое белорусу, как его родная семья, организацию – где каждый белорус-горожанин нашел бы все для него родное: и близкого человека, и все краевые газеты, и интересную книгу, и разумное и полезное развлечение, и идейную работу на пользу обездоленной белорусской деревни», – вспоминал позднее П. В. Ко-

ронкевич [342, с. 1]. Руководители общества «Крестьянин» протестовали против планов создания Белорусского общественного собрания под предлогом недопущения распыления русских сил [в Вильно уже существовало Русское общественное собрание. – Д. Л.]. Тем не менее Л. М. Солоневичу и П. В. Коронкевичу удалось добиться согласия виленского губернатора на создание новой организации.

В уставе Виленского белорусского общественного собрания, утвержденном 26 мая 1911 г., было записано: «Собрание имеет целью предоставлять своим членам возможность разумного отдыха, общедоступных и полезных развлечений, а также содействовать национально-культурному объединению белорусов, великороссов и малороссов, без различия вероисповедания» [322, с. 1]. Для достижения указанных целей собранию было предоставлено право устраивать семейные, литературные, музыкальные вечера, театральные представления, лекции, иметь библиотеку-читальню, открывать учебные заведения и др. Управлял делами организации Совет старейшин из 18 человек. Председателем Совета был избран преподаватель Виленской женской гимназии В. П. Любарский, его заместителем – П. В. Коронкевич. Планировалось, что средства Белорусского общественного собрания будут слагаться из членских взносов (по 5 руб. в год), но из-за малочисленности членов (к 1914 г. в организацию записалось всего около 200 человек) денег не хватало. Для пополнения кассы собрания стали устраиваться азартные игры, хотя некоторые члены «Белорусского общества», в частности известный краевед О. В. Щербицкий, против этого возражали. В итоге годовой доход собрания достиг 26-38 тысяч руб. [43, с. 6]. Из этих денег делались отчисления на издательскую деятельность «Белорусского общества» (1300 руб.), пожертвования Виленскому обществу скорой медицинской помощи, глазной лечебнице, дамскому комитету Красного Креста, церковно-приходским общинам [43, с. 17–18]. Во время Балканских войн 1912–1913 гг. делались пожертвования и в пользу славянских народов [43, с. 17].

Но уже летом 1911 г. в «Белорусском обществе» наметился раскол. К этому времени стало ясно, что в выборные земства, благодаря поддержке царского правительства, пройдут в основном русские помещики, а не крестьяне. Л. М. Солоневича это вполне устраивало. На первых порах он допускал доминирование в земствах русских землевладельцев. «Не пристрастие к поместному сословию заставляет нас радоваться преобладанию в наших западных земствах русских помещиков, – пи-

сал он на страницах “Белорусской жизни”, – а твердая уверенность, что это единственный путь к подготовке земского элемента из народа... Под руководством русского помещика-земца открывается широкий простор и для деятельности в земствах нашей, демократически настроенной белорусской интеллигенции, которая, мы твердо в этом уверены, была бы отрезана от народа, если бы земства нашего края очутились в руках инородцев, хотя бы и самого прогрессивного направления...» [221]. Позиция Л. М. Солоневича, однако, не нашла понимания со стороны П. В. Коронкевича, которого поддержало большинство членов организации. В итоге Лукьян Михайлович предпочел выйти из «Белорусского общества» и снова сблизиться с «Крестьянином».

9 августа 1911 г. вышел последний номер «Белорусской жизни», а спустя два дня Л. М. Солоневич начал издавать собственную газету – «Северо-Западную жизнь», которую иногда ошибочно также считают органом «Белорусского общества». На самом же деле последнее почти на год осталось без своей газеты. Впоследствии Л. М. Солоневич полностью отошел от дел «Белорусского общества» и вступил во Всероссийский национальный союз, активным членом которого он оставался и после возвращения в Гродно, а затем и переезда в Минск.

Газета «Северо-Западная жизнь» издавалась в 1911–1915 гг. Л. М. Солоневич, как ее редактор, по-прежнему свою цель видел в защите интересов белорусского населения как самого «слабого в культурном и экономическом отношении» среди народностей края. При этом он оставался убежденным монархистом, сторонником того курса, который ассоциировался с именем П. А. Столыпина. Лукьян Михайлович не видел будущего для белорусов вне сильной и неделимой России, полагая, что только целенаправленная государственная поддержка приведет к культурному и экономическому подъему белорусский народ. С этих позиций редактор «Северо-Западной жизни» часто вступал в полемику как с леволиберальной белорусской газетой «Наша Ніва», в том числе и с одним из ее редакторов И. Д. Луцевичем (будущим классиком белорусской литературы Я. Купалой), так и с более умеренной газетой «Белорусский вестник», которую в 1912–1913 гг. издавало «Белорусское общество» во главе с бывшим соратником Л. М. Солоневича – П. В. Коронкевичем [168]. Защищая интересы белорусских крестьян, Лукьян Михайлович, как и ранее, не стеснялся критиковать чиновников, за что попадал под удары со стороны местных властей. Так, в ноябре 1913 г. он был приговорен к двум месяцам тюремного заключения за «опозорение

в печати» деятельности полицейского исправника Симановича. Всего же Л. М. Солоневич привлекался к судебной ответственности по подобным поводам более десяти раз [154].

На страницах «Северо-Западной жизни» начал свою журналистскую деятельность и старший сын Лукьяна Михайловича – Иван Солоневич. В 1912 г. при редакции газеты Л. М. Солоневич совместно с братом Семеном и сыном Иваном основали «Белорусскую историческую библиотеку», предоставив местным белорусам возможность ознакомиться с литературой о прошлом родного края [338].

В 1915 г. условия Первой мировой войны и превращение Минска в прифронтовой город заставили Л. М. Солоневича остановить свою издательскую работу. В следующем году он со второй женой и младшими детьми переезжает на Кубань в Екатеринодар. Там его застали события 1917 г. и гражданская война, связанные с ними голод и разруха. Старшие сыновья от первого брака уже были самостоятельными. Они участвовали в «белом» движении. Всеволода Солоневича, служившего в войсках П. Н. Врангеля, не стало в 1920 году. В том же году от тифа умирает Надежда Александровна Солоневич [284]. Спасаясь от голода и эпидемий, Лукьян Михайлович с младшими детьми переезжает в станицу Лабинскую, где обосновался его брат Степан. Чуть позже он с семьей пешком через перевалы Кавказа перешел в Сочи, где проживал некоторое время. В дальнейшем семья Солоневичей еще много раз переезжала, жила в Гудауте, Поти, Сухуме и, наконец, в Ялте [284].

Л. М. Солоневич не сидел без дела. Один воспитывая детей, он увлекся научными разработками И. И. Мечникова, посвященными исследованию молочнокислых бактерий. В голодные годы Лукьян Михайлович в домашних условиях смог наладить изготовление молочных продуктов, чем, возможно, спас свою семью от смерти.

После бегства старших сыновей, Ивана и Бориса, принимавших активное участие в гражданской войне на стороне противников большевиков и преследовавшихся советской властью, в 1934 г. за границу, Л. М. Солоневич, как отец «врагов народа», был арестован вместе с младшим сыном Евгением и дочерью Зинаидой. Вначале они полгода находились в тюрьме Симферополя, затем их выслали на 5 лет в Красноярский край в село Балахта. Летом 1936 г. Солоневичей перевели в Северо-Енисейский район, где Лукьян Михайлович, несмотря на преклонный возраст, работал мастером эфирного производства в

Енисейзолотопродснабе в поселке Соврудник. Немного позже в Восточную Сибирь была сослана и Софья Солоневич [284]. 11 февраля 1938 г. Л. М. Солоневич был арестован второй раз и обвинен в контрреволюционной деятельности, проведении антисоветской агитации и поддержке связей с сыновьями, находившимися за границей. Днем ранее был арестован и Евгений Солоневич. Постановлением тройки УНКВД Красноярского края от 7 мая 1938 г. Солоневичи были приговорены к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 25 мая того же года в Енисейске [18].

Л. М. Солоневич был реабилитирован постановлением Президиума Красноярского краевого суда 22 сентября 1956 г., а Е. Л. Солоневич – 22 марта 1958 года [18].

3.4 Белорусское национальное движение в 1917 г.: региональные аспекты

В феврале-марте 1917 г. в России произошла революция, свергнувшая царское правительство. На территории Минской, Могилевской и Витебской губерний формируются белорусские политические партии и организации. Их программные установки и деятельность отличались региональной спецификой, вызванной особенностями социального и национально-конфессионального состава, предшествующими традициями общественной жизни, окружающей политической средой и другими факторами.

Минская губерния была самой обширной и превосходила по численности населения другие губернии с преобладанием белорусов. Но с 1915 г. по ее территории проходил Западный фронт, штаб которого располагался в Минске. Западные уезды были заняты немецкими войсками. Губерния была преимущественно аграрной, как, впрочем, и соседние земли. Наиболее крупными населенными пунктами, помимо Минска, в котором перед войной проживало около ста тысяч человек, были Бобруйск, Пинск, Борисов и Слуцк. Сельское население было преимущественно белорусским православным, но в экономической, политической и культурной жизни важную роль играло дворянство римско-католического вероисповедания. В городах, как и в целом на западе империи, преобладало еврейское население. После размещения в Минске военных, санитарных и иных учреждений, связанных с Западным фронтом, в городе появилось множество приезжих из других регионов

России. С другой стороны, там же останавливались беженцы, в т. ч. в город перебрались многие деятели белорусского национального движения. После захвата германской армией Вильно Минск – крупнейший населенный пункт на территории белорусских земель, – естественно, стал рассматриваться как их центр. Поэтому именно в Минске, раньше чем в других городах, в марте 1917 г. начинается формирование белорусских национальных организаций, которые поспешили обозначить перед Временным правительством наличие «белорусского вопроса».

В Минске на съезде белорусских общественных деятелей в марте 1917 г. был образован Белорусский национальный комитет, реорганизованный в лето 1917 г. в Центральную раду, а в октябре того же года – в Великую Белорусскую раду. Основу национальной платформы данных организаций составила программа Белорусской социалистической громады (БСГ), формально восстановленной в марте 1917 г., а также программы сотрудничавших с ней партий белорусских народных социалистов, автономистов и др. Лидеры громады ратовали за установление в России демократической федеративной республики, территориальной и персональной автономии для всех национальностей; отстаивали законодательное признание белорусского языка, его использование в образовании, суде, государственных и общественных структурах; добивались от Временного правительства полного самоуправления Беларуси, передачи власти в руки Краевой рады, которая должна была сформироваться на основе всеобщих выборов; выступали за наделение рады правом местного законодательства [232, с. 149, 151]. По сути, Беларусь должна была получить национально-территориальную автономию с собственным законодательным органом и правительством.

Позиция БСГ была близка и либеральным силам, которые начали консолидацию вокруг партии Христианско-демократического объединения (позднее – Белорусская христианская демократия), о создании которой было объявлено в мае 1917 года. Данная организация стремилась к усилению позиций католической церкви и духовенства в общественной и культурной жизни. Белорусский народ рассматривался как «безклассовый», поэтому на первый план ставилась задача предоставления Беларуси национально-территориальной автономии [71, с. 325]. Тенденции к самостоятельному решению местных проблем были характерны и для образованного в июне 1917 г. Союза земельных собственников Минской губернии, в котором ведущие позиции заняли помещики римско-католического вероисповедания во главе с Э. Войниловичем.

Одним из активных деятелей союза был и Р. Скирмунт, инициатор создания Краевой партии Литвы и Беларуси, действовавшей до революции [136, с. 259, 261].

Таким образом, и демократическое, и умеренно-либеральное направления белорусского движения в Минске сходились на идее передачи власти местным представительным органам, наделенным весьма широкими полномочиями. Но на востоке Беларуси планка требований не была первоначально столь высокой.

Могилевская губерния оказалась в центре системы управления действующей армии России. В Могилеве с августа 1915 г. располагалась Ставка Верховного главнокомандующего. В городе было размещено много приезжих военных и гражданских чиновников, которые обслуживали деятельность Ставки. Специфика социально-экономической ситуации, значительно меньшая доля католиков среди населения, традиции политической жизни, в которой ведущую роль играли общероссийские партии, оказали влияние на развитие белорусского национального движения на территории губернии, которое в целом находилось под влиянием идей западнорусизма, но было демократическим по своему составу и политическим программам составлявших его организаций.

Консолидация белорусской интеллигенции и служилого элемента раньше всего началась в Могилеве. В середине марта 1917 г. на квартире присяжного поверенного И. О. Реута состоялось организационное собрание местной белорусской интеллигенции. Было решено, прежде создания собственной организации, ознакомиться с решениями белорусского съезда в Минске, намеченного на конец марта. На него были делегированы от православных – преподаватель реального училища М. С. Кахонович, от католиков – ксендз Д. Лапошко. На съезде наиболее заметной фигурой был М. С. Кахонович, возглавивший этнографическую комиссию, занимавшуюся определением границ Беларуси. Он также был включен в состав Белорусского национального комитета и делегации для переговоров с Временным правительством. По возвращении в Могилев 31 марта М. С. Кахонович выступил с отчетом на собрании белорусов (собралось около 40 человек), которое приняло информацию о решениях белорусского съезда в Минске к сведению [6, с. 20]. 15 апреля 1917 г. завершилось оформление Могилевского белорусского комитета. В его управу вошли И. О. Реут, и. о. директора народных училищ Д. И. Довгяло, студент М. К. Кожемяко, член окружного

суда И. И. Романович, инспектор высших начальных училищ И. А. Сербов, ксендз Д. Лапошко, М. С. Кахонович и др. По преимуществу это были люди либерального и народнического мировоззрения. Председателем организации был избран И. О. Реут, но и М. С. Кахонович играл весьма заметную роль. Общая численность членов комитета составила несколько сот человек [6, с. 20, 21].

Могилевский белорусский комитет поставил себе задачей объединить все белорусское население Могилевской губернии в целях оказания поддержки Временному правительству в борьбе с Германией и ее союзниками, преобразования России в демократическую республику, организации выборов в Учредительное собрание и разработки вопросов, подлежащих разрешению Учредительного собрания в согласии с национальными стремлениями белорусского народа, а также содействия экономическому и культурному развитию Беларуси [137, с. 133–136].

Белорусский комитет действовал, однако, в довольно сложных условиях. Будучи преимущественно либеральной по своей сути организацией, он не нашел взаимопонимания с местными кадетами, которые считали белорусское движение искусственным. Правда, М. С. Кахонович вступил в Российскую радикально-демократическую партию, признававшую право белорусов на самоопределение [153]. Слева Белорусскому комитету приходилось выдерживать натиск со стороны социалистических партий, особенно эсеров. На выборах в городскую думу 13 августа 1917 г. представители белорусского комитета завоевали всего шесть мест из 64-х, уступив и кадетам, и блоку социалистов [243, с. 206–207]. Являясь интеллигентской организацией, белорусский комитет активнее действовал в учительской среде. В 1917 г. в Могилеве состоялось совещание преподавателей средних учебных заведений западных губерний Российской империи. Под влиянием комитета, и особенно М. С. Кахоновича, совещание постановило допустить белорусский язык в преподавание в начальной школе и ввести его в качестве необязательного предмета, наряду с историей, этнографией и географией Беларуси, в учебный план средней школы [6, с. 35].

По своей платформе и тактике к могилевской организации белорусов был близок Белорусский народный комитет в Орше, созданный в июле 1917 г. военным чиновником Н. Ю. Левковичем, преподавательницей женской учительской семинарии М. А. Васильевой, военным контролером В. М. Романовичем и др. Филиалы организации возникли в Копыле, Горках, Толочине. Комитет поставил своей целью добивать-

ся участия белорусов в органах местного самоуправления, в выборах и работе Учредительного собрания. Предполагалось преобразование России в федеративное государство, в котором Беларусь получила бы автономию и собственный представительный орган – Белорусский народный совет, избранный путем всеобщего голосования. Социально-экономическая часть программы оршанского комитета была близка российским социалистическим партиям: национализация земли, 8-часовой рабочий день, бесплатное образование и медицинская помощь и т. п. Отношение к белорусскому языку было вполне в духе западнорусизма: он признавался весьма архаичным и только после научной обработки, по желанию населения, допускалось его внедрение в школу [242, с. 104–105].

В мае-июне 1917 г. Гомеле под руководством П. В. Коронкевича, эвакуировавшегося из Вильно бывшего лидера «Белорусского общества», создается Союз белорусской демократии. Программа союза представляла собой, по сути, модернизированный вариант платформы «Белорусского общества». Положительно характеризовалось ВКЛ, в рамках которого оформилась белорусская народность, и, наоборот, крайне негативная оценка давалась Речи Посполитой, с которой связывались полонизация элиты, религиозный и национальный гнет. «Продолжительный период застоя культуры белорусской сделал то, что белорусы в конце концов утратили свое национальное самосознание и начали определять себя термином “тутэйшый”», – утверждал П. В. Коронкевич [126, с. 5]. Возрождение белорусов связывалось с русской культурой и языком. «Те белорусы, которые ставят своей целью отделение Белоруссии от России, указывая на самостоятельность своей культуры и языка, образчиком которого служат такие произведения, как “Тарас на Парнасе” и “Панское игрище”, не могут быть серьезными тормозами в единении свободной Белоруссии со свободной Великой Россией», – писал П. В. Коронкевич, указывая на белорусские организации, консолидировавшиеся вокруг БНК. Задача белорусской интеллигенции, считал он, заключается в работе по объединению белорусов, великорусов и малорусов в одну «несокрушимую народность русскую». А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев и другие русские писатели рассматривались как культурные деятели, общие для всех восточных славян [126, с. 7].

В сфере государственного управления Союз белорусской демократии отстаивал целостность территории Беларуси с Вильно (как главным

ее культурным центром), добивался самоуправления края в рамках России. В области народного просвещения предполагалось расширить сеть начальных и средних школ, открыть университет, ввести бесплатное обучение, но только на русском языке. Для поднятия авторитета союза его лидеры сумели заручиться поддержкой академика Е. Ф. Карского. Видный ученый одобрил программу союза, указав лишь на необходимость применения белорусского языка в начальной школе, изучения его в средних и высших учебных заведениях Беларуси. Положительно оценивал Карский и развитие литературы на народном языке. П. В. Коронкевич прислушался к советам академика, отредактировал программу, указав, что союз «не препятствует допущению в начальной школе обращения к народному языку и не возбраняет литературы на этом языке» [126, с. 11–12].

Наибольшее значение белорусские организации придавали выборам в Учредительное собрание. Сознавая малочисленность Союза белорусской демократии, его лидеры решили блокироваться с другими организациями: оршанским Белорусским народным комитетом, могилевским Белорусским национальным комитетом, московской Белорусской народной громадой. В избирательный список белорусских организаций Могилевской губернии вошло 15 кандидатов, 4 из них представляли СБД (П. В. Коронкевич, Д. Г. Гулевич, В. А. Михаленок, К. М. Загоровский), 5 – могилевский комитет (М. С. Кахонович, Д. И. Довгялло, П. А. Сченсновский, Е. С. Олехнович, А. К. Ляхтанович), 3 – оршанский комитет (Н. Ю. Левкович, В. М. Романович, Г. А. Ермашкевич), 2 – Москву (А. И. Цвикевич, Ф. Ф. Турук) [26]. Результаты выборов оказались неудачными для белорусских организаций, победу одержали общероссийские партии (эсеры, большевики и др.).

После установления советской власти в конце 1917 г. деятельность Союза белорусской демократии прекращается. Могилевский и оршанский комитеты эволюционируют влево, в сторону сближения с БСГ. В конечном счете М. С. Кахонович и его сторонники в 1918 г. поддержали идею создания Белорусской народной республики, с которой была связана их последующая деятельность.

Витебская губерния отличалась многонациональным составом населения, т. к. в западных уездах преобладало латышское население. Кроме того, важную роль также играли старообрядцы, выступавшие еще со времен революции 1905–1907 гг. как консервативная сила, ориентировавшаяся на поддержку центральных властей. В политической

жизни губернии доминировали монархические партии и организации: Всероссийский Дубровинский Союз русского народа, Отечественный патриотический союз (его единственный отдел на территории Беларуси располагался именно в Витебске), Всероссийский национальный союз. Одним из крупнейших на западе империи был Витебский отдел «Союза 17 октября», в состав руководства которого в разное время входили известные общественные деятели, ученые, краеведы: В. В. Богданович, А. П. Сапунов, В. К. Стукалич и др. Политические традиции предшествующего периода повлияли на белорусское движение в 1917 г., которое в наибольшей степени оказалось подвержено влиянию идей западнорусизма и было более консервативным по сравнению с Минской и Могилевской губерниями.

Бывшие руководители Витебского отдела «Союза 17 октября» в апреле-мае 1917 г. создали Белорусский народный союз (БНС). Рассматривая в качестве поля деятельности, прежде всего, Витебскую губернию, БНС не исключал возможности образования в будущем общеполитической организации на своих программных принципах. Будущее Беларуси виделось его лидерам в широком областном самоуправлении при тесном единении с Россией. В программе союза отмечалось: «Вся Белоруссия, благодаря своему историческому прошлому и культурно-экономическим особенностям настоящего, представляет в бытовом отношении вполне самостоятельную национальную территориальную величину, а потому Союз считает, что она может достигнуть своего процветания лишь при условии выделения ее в самостоятельную административно-хозяйственную единицу, с предоставлением ей прав широкого провинциального самоуправления, которое должно находиться по преимуществу в руках самих же белорусов». Свой девиз в вопросах управления БНС раскрывал следующим образом: «Белорусы – хозяева Белоруссии» [136, с. 264, 265]. В то же время руководители союза считали возможным допустить в руководящие органы автономии представителей других народов на пропорциональной основе. Государственным языком Беларуси должен был остаться русский. Белорусскому отводилось значение «подсобного» языка, на котором в школах должна была преподаваться местная история. В «большой политике» БНС ориентировался на Временное правительство и призывал к продолжению войны с Германией и ее союзниками до победного конца [136, с. 266].

В исторической литературе часто Белорусский народный союз определяется как помещичья организация, относившаяся к консерва-

тивному лагерю. Однако, исходя из социального состава союза, анализа его программы, более аргументированной следует признать точку зрения тех авторов, которые полагают, что БНС отражал интересы, прежде всего, мелкобуржуазных слоев населения: мещан, зажиточных крестьян, православного духовенства, части интеллигенции [242, с. 97].

Белорусский народный союз сосредоточил свои усилия на отстаивании, прежде всего, интересов православной части населения и особенно православной церкви. 25–26 июня 1917 г. БНС организовал в Витебске съезд представителей белорусских общественных организаций, главным образом, «западнорусской» направленности. Присутствовали делегаты петроградского Западно-Русского общества, гомельского Союза белорусской демократии, могилевского Белорусского комитета, московской Белорусской народной громады, православного духовенства и старообрядцев. Съезд принял декларацию в духе программы БНС, потребовав областного самоуправления для Белоруссии, осудив принцип национально-территориальной автономии как «сепаратистский» [136, с. 266]. Тем самым делегаты поддержали идею сохранения единства России, недопущения ее превращения в федерацию национальных республик. Витебск, по сути, в это время превратился в консервативную альтернативу демократическому Минску.

Недовольная правым уклоном, БНС покинула ученическая молодежь, основавшая в противовес союзу Витебскую организацию Белорусской социалистической громады. В июле 1917 г. последняя приняла резолюцию об отношении к БНС, в которой он характеризовался как реакционная организация: «Ввиду того, что организаторами и руководителями этого союза являются бывшие земские начальники и бывшие члены разных существовавших до революции черносотенных и узконационалистических организаций... считать Белорусский народный союз организацией не демократической, не народной, а наоборот – организацией, стремящейся проводить цели, совершенно не отвечающие интересам и целям широких слоев трудового народа». Витебский отдел БСГ постановил вести бескомпромиссную борьбу с БНС, раскрывать его «контрреволюционную сущность» и деятельность [136, с. 267].

На выборах в Учредительное собрание БНС выступал в блоке с союзом православных и единоверческих приходов Витебской губернии. Получив сравнительно неплохой результат в губернском центре, общие выборы БНС и его союзники проиграли. Руководство Белорусского народного союза отрицательно отнеслось к установлению советской власти

и попыталось наладить взаимодействие с другими белорусскими организациями. В декабре 1917 г. представители БНС принимали участие в Первом всебелорусском съезде в Минске [136, с. 269]. Тем самым наиболее консервативная часть представителей белорусской элиты фактически признала Минск в качестве центра белорусского национального движения. Однако в условиях укрепления советской власти в Витебске, который, в отличие от Минска и Могилева, не был занят немецкими войсками, к весне 1918 г., когда было объявлено о создании Белорусской народной республики, деятельность БНС фактически прекратилась.

Таким образом, белорусские организации, центры которых располагались в Минске, выступали за национально-территориальную автономию Беларуси в составе демократической России. Белорусские комитеты и союз Могилевской губернии находились под влиянием идеологии западнорусизма, но постепенно эволюционировали влево и сближались с Белорусской социалистической громадой. В Витебской губернии действовала наиболее консервативная организация – Белорусский народный союз, отстаивавшая идею областной автономии Беларуси, конфликтуя с БСГ. Только на Первом всебелорусском съезде все белорусские организации поддержали идею предоставления Беларуси национально-территориальной автономии в составе Российской демократической республики. После же оккупации основной части Беларуси германскими войсками в 1918 г. у национально-демократической элиты возобладала идея создания независимого от России национального государства.

3.5 Участие А. П. Сапунова и В. К. Стукалича в политической жизни Беларуси после свержения самодержавия

Революционные события 1917 г. А. П. Сапунов встретил в городе Витебске. В прошлом октябрист и «верноподданнический монархист» Алексей Парфенович, в отличие от большинства своих прежних соратников, предпочел отойти от политики, сосредоточив все силы на педагогической и культурно-просветительской деятельности.

В 1913 г. В. К. Стукалич заявил о своем выходе из Русского предвыборного комитета и «Союза 17 октября», вернулся на государственную службу, посвятив досуг литературному творчеству [318, л. 5]. Однако в условиях оживившейся после свержения царского режима общественно-политической жизни он снова вернулся к активной политической де-

тельности. В конце апреля – начале мая 1917 г. при участии В. К. Стукалича в Витебске был образован временный комитет из тринадцати человек по созданию Белорусского народного союза [318, с. 132], имевшего целью «объединить всех белорусов Витебской губернии на широких демократических основаниях в целях наилучшего достижения культурного процветания родной губернии, а равно и всей Белоруссии, а также защиты ее политических интересов» [318, л. 78].

3 мая 1917 г. в здании окружного суда Витебска состоялось собрание представителей белорусского населения. На собрании, кроме бывших октябристов, присутствовали белорусы-военные, проходившие службу в местных гарнизонах, учащаяся молодежь. В. К. Стукалич акцентировал внимание на необходимости местным белорусам (без различия вероисповедания, классовой принадлежности, материального состояния и партийных взглядов) сплотиться в тесный союз для решительной защиты своих политических и культурно-экономических интересов. На собрании также были затронуты вопросы, касающиеся автономии Беларуси, языка преподавания в школах, развития кооперативного движения. В конечном счете собрание постановило считать Белорусский народный союз в городе Витебске открывшимся и возложить на Временный комитет выработку проекта устава союза. Было решено устроить литературно-музыкальный вечер в городском театре и уличный сбор пожертвований. Кроме того, планировалось образование уездных и волостных отделов, а в местечках и селах – белорусских кружков [318, л. 78]. Собрание закончилось избранием председателя союза. Им стал Ф. И. Григорович, активный участник церковной жизни Витебска. В. К. Стукаличу досталась роль «идеолога» Белорусского народного союза.

Второе собрание, посвященное образованию Белорусского народного союза в городе Витебске, состоялось 11 мая 1917 г. Главной темой для обсуждения стал вопрос государственного строительства. По предложению В. К. Стукалича было решено, что в интересах самоопределения белорусы имеют право требовать, чтобы «управление жизнью и хозяйством их родины было в белорусских руках» [226, с. 4]. Но добиваться национальной независимости или автономии при этом не планировалось. Будущее страны В. К. Стукалич видел в «выделении Беларуси в самостоятельную хозяйственную единицу, с предоставлением ей прав широкого провинциального самоуправления» [318, л. 80 об.].

Не исключая возможности образования в будущем общеполитической организации на программных принципах Белорусского народного

союза, В. К. Стукалич стремился как можно шире охватить социально-экономические интересы различных категорий населения. В первую очередь он ставил целью поддержку «землевладельца-белоруса», «белоруса-рабочего», городских и поселковых домовладельцев, чиншеви-ков-арендаторов, арендаторов-застройщиков и всех остальных демократических слоев белорусского населения [318, л. 78]. В области аграрных отношений В. К. Стукалич выступал за проведение радикальной земельной реформы. Союз высказывался за передачу в государственный фонд монастырских, удельных, церковных и помещичьих земель. Предусматривалась дополнительная прирезка земли малоземельным крестьянам и предоставление участков безземельным сельским жителям. Размеры земельных участков должны были определяться местными земельными комитетами. В качестве оптимальной формы землепользования при этом он считал мелкое хуторское владение на правах собственности, не подлежащее дальнейшему дроблению [318, л. 78 об.–79]. Удельные, монастырские и церковные земли должны были передаваться в государственный земельный фонд безвозмездно, помещичьи земли предполагалось отчуждать, не нарушая интересов их владельцев, за выкуп. Лесные площади и водные ресурсы должны были находиться в государственной собственности [318, л. 79 об.].

В. К. Стукалич также выступал за создание потребительских, закупочных и других кооперативов, направленных на углубление агрономических знаний, предоставление дешевого земельного кредита, развитие земледельческой культуры и кустарного производства [318, л. 79 об.].

Улучшение «духовно-нравственного состояния» белорусского народа В. К. Стукалич видел во введении всеобщего бесплатного начального и среднего образования, создании просветительских обществ, библиотек, читален, народного театра и подобных учреждений, открытии Белорусского университета и ряда других высших учебных заведений, упрочении религиозно-церковной жизни народа. Одной из задач он ставил поддержку интеллигенции, в особенности народных учителей, сельского духовенства, служащих в общественных и правительственных учреждениях [318, л. 79 об.–80].

В. К. Стукалич предлагал меры для улучшения материального и правового положения рабочих. В программе подчеркивалось, что сельскохозяйственные рабочие в силу специфики выполняемых работ не могут претендовать на сокращение рабочего дня. Служащие и чиновники могли рассчитывать на повышение заработной платы [318, л. 80].

Анализ содержания программы показывает, что В. К. Стукалич рассматривал Белорусский народный союз как либеральную организацию, опирающуюся на поддержку широких слоев населения, включая мещан, зажиточных крестьян, православное духовенство, часть интеллигенции. Именно благодаря усилиям белорусской интеллигенции 31 мая и 1 июля 1917 г. в Витебске был произведен сбор денежных пожертвований на культурно-просветительские цели Союза [25, с. 2].

В вопросе местного управления В. К. Стукалич выступал за выделение белорусских земель в самостоятельную хозяйственную единицу с предоставлением ей прав широкого провинциального самоуправления [318, л. 80 об.]. Вместе с тем он не отрицал права остальных населяющих белорусскую территорию народностей на участие в управлении по принципу пропорционального представительства для каждой народности.

Летом 1917 г. Белорусский народный союз принял участие в выборах Витебской городской думы. В списке кандидатов числилась 51 фамилия членов союза и сочувствующих, в том числе В. К. Стукалича [318, л. 71]. Но ни один кандидат из бывших октябристов в орган местного самоуправления так и не прошел.

В силу специфики своего социального состава и тактики Белорусский народный союз так и не смог стать заметным игроком на политической арене губернии. Общие собрания организации становились все более немногочисленными. Как отмечалось выше, в июле 1917 г. ряды Союза покинула ученическая молодежь, основавшая в противовес Белорусскому народному союзу Витебскую организацию Белорусской социалистической громады. Неоднократно попытки выйти из Союза предпринимал и сам В. К. Стукалич, что было обусловлено разногласиями, в частности, из-за платформы Белорусского народного союза на выборах в Учредительное собрание [318, л. 5].

Осенью 1917 г. Белорусский народный союз участвовал в кампании по выборам в Учредительное собрание, но уже не самостоятельно, а в блоке с Союзом православных и единоверческих приходов Полоцкой епархии. В объединенный список кандидатов В. К. Стукалич не вошел [234, л. 18; 246, с. 2].

С этого момента Владимир Казимирович, по примеру прошлых лет, «все свои силы и внимание посвятил государственной службе, изыскивая все способы и меры к увеличению источников доходов казны» [213, л. 17].

В условиях становления советской власти в ноябре 1918 г., в обстановке нарастания «красного террора» В. К. Стукалич был арестован. На основании ордера губернской Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией на его квартире был произведен обыск. Содержание изъятых документов и литературы из личного архива историка было расценено как провокационное. Обвиненный в стремлении к «отторжению от Российской Советской Республики всей Белоруссии» постановлением от 6 декабря 1918 г. В. К. Стукалич был приговорен к расстрелу. Предпринимая попытки добиться освобождения, губернский отдел Всероссийского союза служащих казенных палат направил в Всероссийскую чрезвычайную комиссию отзыв, в котором В. К. Стукалич характеризовался как «безукоризненно нравственный и отличный незаменимый работник по своей специальности», который «не выступал против советской власти и вообще никакой политической агитацией в стенах Казенной палаты не занимался» [318, л. 77]. Об освобождении В. К. Стукалича ходатайствовали представители комитета бедноты Верховской волости Витебского уезда и вышестоящее начальство, наркомат финансов Западной области [318, л. 76]. 18 ноября 1918 г. В. К. Стукалич также подготовил записку на имя председателя Витебской губернской чрезвычайной комиссии, в которой отрицал свою причастность к борьбе с властью. 9 декабря 1918 г. в Москве приговор был пересмотрен, а В. К. Стукалич помилован. Однако «добрая» весть из Москвы запоздала. 7 декабря 1918 г. В. К. Стукалич был расстрелян [213, л. 4, 22].

В 1998 г. Владимиру Казимировичу было возвращено доброе имя¹.

Судьба А. П. Сапунова оказалась менее трагичной. После распада Витебского отдела «Союза 17 октября» Алексей Парфенович посвятил себя преподавательской и культурно-просветительской деятельности. Умер историк 2 октября 1924 года. Постановлением Совета народных комиссаров БССР все рукописи, книги, картины, предметы древности и художественные полотна были объявлены национальным достоянием и переданы в Минск в Институт Белорусской культуры. 15 октября 1924 г. в Минске состоялось заседание историко-археологической секции Ин-белкульта, посвященное памяти профессора Алексея Парфеновича. С докладом «А. П. Сапунов и его научная деятельность» на заседании выступил В. И. Пичета. В своем выступлении докладчик остановился

¹ Постановление Верховного Совета БССР от 6 июня 1991 г. «О порядке реабилитации жертв политических репрессий 20–80-х гг. в Республике Беларусь» (с учетом внесенных изменений и дополнений по состоянию на 3 декабря 1993 г.).

на наиболее значимых трудах историка и отметил, что в каждой работе Алексея Парфеновича много фактов из исторической жизни Беларуси, о которых никто не знал. Определенную «тенденциозность» трудов историка он объяснял тяжелыми условиями работы, созданными «великодержавной цензурой», а также отсутствием средств на издательскую деятельность. «В лице А. П. Сапунова Беларусь лишилась не только знатока края, но и исследователя, который создал эпоху в историографии Беларуси», – закончил свое выступление В. И. Пичета [333, с. 209].

Таким образом, А. П. Сапунов и В. К. Стукалич сыграли заметную роль в деятельности Витебского отдела «Союза 17 октября» и его преемника Белорусского народного союза, которые являлись проводниками умеренно либеральных взглядов в общественно-политической жизни Полоцко-Витебского края. А. П. Сапунов и В. К. Стукалич одними из первых предприняли попытки опровергнуть мнение о неисторичности белорусского народа, заявив о наличии у него своей истории, особенностей в общественной и культурной жизни. Высказанная историками точка зрения по национальному вопросу, несомненно, способствовала консолидации белорусов в борьбе за самоопределение и в дальнейшем явилась предпосылкой для возникновения белорусской государственности [102].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенный в исследовании историографический анализ научного и публицистического наследия А. П. Сапунова и В. К. Стукалича свидетельствует о значимом вкладе ученых в развитие исторического знания о прошлом белорусского народа. Качественное образование, полученное в Санкт-Петербургском университете, личное знакомство с прогрессивно мыслящими представителями российской интеллигенции второй половины XIX – начала XX в. (М. И. Сухомлиновым, О. Ф. Миллером, И. И. Срезневским и др.) позволили витебским историкам всесторонне проявить свои исследовательские и организаторские способности в научной и общественно-политической жизни страны и региона. В непростой политической, социально-экономической и культурной ситуации (ужесточение в регионе мероприятий правительственного контроля после подавления восстания 1863–1864 гг., становление белорусской нации в условиях противостояния полонизации и русификации, изменения в различных сферах жизнедеятельности общества) А. П. Сапунов и В. К. Стукалич сумели занять прочные позиции в сфере отечественной истории, языкознания и этнографии. Учеными был пройден сложный научный и творческий путь, в рамках которого их взгляды претерпели изменения от идей западнорусизма до убеждений, характерных для белорусского национального возрождения. Проведенный анализ трудов А. П. Сапунова и В. К. Стукалича доказывает, что учеными акцентировалось внимание на специфике общественной и культурной жизни белорусского народа, генезисе белорусского самосознания, сохранении культурно-исторического наследия Беларуси.

Разделяя основные теоретические положения западнорусизма (об историческом, культурном и религиозном родстве русского и белорусского народов и необходимости его сохранения), А. П. Сапунов и В. К. Стукалич, опираясь на архивные, археологические и этнографические материалы, пытались опровергнуть устоявшуюся в российской историографии концепцию о неисторичности белорусского народа, об отсутствии в его историческом прошлом и настоящем значимых достижений. Для более убедительного доказательства точки зрения о самостоятельном развитии белорусского народа, наличии у него собственной истории, особенностей в общественной и культурной жизни Алексей Парфенович и Владимир Казимирович, помимо результатов самостоятельных исследований, опирались также на научное, духовное и культурное наследие своих предшественников и современников: Д. И. Довгялло, М. В. Довнар-Запольского, К. А. Говорского, М. Ф. Кустинского, Н. Я. Никифоровского, Е. Р. Романова, А. М. Сементовского, П. В. Шейна. Благодаря глубоким и содержательным научным трудам А. П. Сапунова и В. К. Стукалича отечественная историография расширила границы изучения проблемы генезиса и развития белорусской государственности, определения контуров географических границ Беларуси, формирования специфики белорусского языка, особенностей урбанизационных процессов.

А. П. Сапунов и В. К. Стукалич осуществили весомую работу по пробуждению национального самосознания белорусов, формированию белорусской национальной идеи, активизации интереса местной интеллигенции к изучению исторического прошлого родного края. В сложный для исторической науки период, когда новые идеи воспринимались сторонниками академических традиций крайне негативно, ученые пытались выявлять, систематизировать и интегрировать разного рода подходы и источники данные, воссоздавая целостную картину исторического развития белорусского народа. Вследствие плодотворной научной и публицистической деятельности А. П. Сапунова и В. К. Стукалича белорусоведение стало одним из актуальных направлений историко-этнографических исследований в последующий период.

Государственную службу, научную и публицистическую деятельность А. П. Сапунов и В. К. Стукалич совмещали с общественной и культурно-просветительской работой, направленной на популяризацию знаний о Беларуси, самостоятельном развитии белорусского народа, самобытных чертах материальной и духовной культуры белорусов. Будучи почетными и действительными членами губернских, а также общегосударственных научных и просветительских обществ и учреждений, А. П. Сапунов и В. К. Стукалич не только включились в создание и функционирование Витебского губернского статического комитета, Витебской ученой архивной комиссии, Витебского церковно-археологического общества, Общества краеведения, но и смогли благодаря данным учреждениям наладить эффективную научную, общественную и культурную работу по изучению белорусских земель. На заседаниях и образовательных экскурсиях А. П. Сапунов и В. К. Стукалич выступали с тематическими лекциями, посвященными выдающимся личностям и общественным событиям региона и страны. В преддверии 100-й годовщины событий 1812 г. в Витебске А. П. Сапунов и В. К. Стукалич вошли в состав комиссии по подготовке проекта надписи на памятнике героям Отечественной войны, который был установлен в 1912 г. В 1913 г. по решению Витебской ученой архивной комиссии А. П. Сапунов был включен в состав делегации по вручению императору Николаю II поздравлений и собственных трудов в связи с празднованием 300-летия дома Романовых. Историки активно боролись за открытие университета в городе Витебске, выступая с обоснованием целесообразности данного мероприятия с экономической и культурно-просветительской позиций. А. П. Сапуновым и В. К. Стукаличем была проделана значительная работа по сбору, изучению и сохранению древних рукописей, систематизации архивных материалов, реставрации предметов старины и народного творчества. Большое внимание А. П. Сапунов и В. К. Стукалич уделяли подготовке и изданию авторских научно-исследовательских трудов по различной тематике. Библиографический список работ А. П. Сапунова насчитывает свыше 90 изданий, а библиотека ученого составила 575 единиц хранения, среди которых имеются как его собственные сочинения, так и издания других историков. Со-

хранившиеся публикации В. К. Стукалича включают лишь единичные книги и рукописи историка, так как основная часть трудов была конфискована во время его ареста в 1918 г., а оставшаяся часть библиотеки была продана вдовой, оказавшейся в тяжелых жизненных обстоятельствах.

Общественно-политическая деятельность А. П. Сапунова и В. К. Стукалича в период с 1905 по февраль 1917 г. была тесно связана с организационным оформлением Витебского отдела «Союза 17 октября», выработкой его программных установок, участием в избирательных кампаниях в Государственную думу I–III созывов. Возглавляя Витебский отдел «Союза 17 октября» и являясь руководителем Русского предвыборного комитета, В. К. Стукалич неоднократно поднимал вопрос об изменении избирательного закона для регионов с многонациональным составом жителей. Стремясь, чтобы в Государственной думе были максимально представлены различные категории населения Витебской губернии, в августе 1907 г. Владимир Казимирович представил докладную записку на имя председателя Совета Министров П. А. Столыпина, в которой ходатайствовал о выделении «русского населения» губернии в особую курию, а также о предоставлении «русским» права избирать из своей среды четырех депутатов в Государственную думу в соответствии с численностью «русского» (белорусского православного) населения губернии. Кроме того, В. К. Стукалич выступил с предложением о пополнении состава Государственного совета одним «русским» депутатом от каждой белорусской губернии. Благодаря его активной деятельности предвыборная кампания 1907 г. для Витебского отдела «Союза 17 октября» прошла успешно и в III Государственной думе из шести депутатов от Витебской губернии трое были октябристами, в том числе и А. П. Сапунов. Последний активно проявил себя в думской деятельности, уделив приоритетное внимание проблеме улучшения материального положения трудового народа, ликвидации пережитков чиншевого права в Беларуси, изменению избирательного законодательства. А. П. Сапуновым был внесен вклад в разработку законопроекта об изменении порядка выборов членов Государственного совета от девяти губерний Западного края, что дополнило российское законодательство. Широкой общественности депутатом была высказана точка зрения по национальному вопросу, в которой подчеркивалась самостоятельная история белорусского народа, самобытность его духовной и материальной культуры. Рассматривая белорусов как часть триединого русского народа, тем не менее А. П. Сапунов выступал за упрочнение и развитие национального самосознания белорусов, позитивно оценивал перспективы развития белорусских губерний в рамках Российского государства. Выдвинутая В. К. Стукаличем идея областного самоуправления для Беларуси, по мнению ряда исследователей, явилась важнейшей предпосылкой становления белорусской государственности в последующий период.

После Февральской революции 1917 г. А. П. Сапунов прекратил политическую деятельность, посвятив себя педагогической и научно-исследова-

тельской работе, в частности археографии и краеведению. До самой смерти в 1924 г. ученый читал курс «Древности Северо-Западного края» в Витебском отделении Московского археологического института, а также преподавал историю Беларуси и курс белорусоведения в Витебском институте народного образования. С 1918 г. он являлся заведующим секцией демографии в губернском статистическом бюро, а с 1919 г. возглавлял Витебский губернский архив. Одновременно А. П. Сапунов работал архивариусом Витебского губернского архивного фонда. В 1924 г. принимал участие в создании общества краеведения в Витебске. В. К. Стукалич, напротив, в мае 1917 г. вернулся в политику и вошел в состав Белорусского народного союза, который своей главной целью ставил решение аграрного вопроса, улучшение материального и правового положения рабочих, совершенствование духовно-нравственного состояния белорусского общества, укрепление религиозно-церковных устоев в жизни народа. Однако на практике Союз превратился в организацию, ориентированную на интересы исключительно православной церкви, что привело к дистанцированию, а позже и выходу В. К. Стукалича из его состава. После Октябрьской революции 1917 г. В. К. Стукалич окончательно прекратил общественно-политическую деятельность. Он работал в должности начальника отделения Витебской казенной палаты до ноября 1918 г., когда в условиях становления советской власти и нарастания «красного террора» был арестован губернской Всероссийской чрезвычайной комиссией. Несмотря на отсутствие официального обвинения, 7 декабря 1918 г. В. К. Стукалич был расстрелян. Реабилитирован в 1998 г.

Лукьян Михайлович Солоневич – выдающийся представитель либерального направления в западнорусизме. Выходец из семьи небогатого сельского священника, благодаря своим способностям, упорству и трудолюбию, он смог заявить о себе как об одном из лучших исследователей Гродненского края. Его научная и журналистская деятельность были замечены П. А. Столыпиным, открывшим перед Солоневичем возможности строительства административной карьеры. Но для Лукьяна Михайловича важнее были интересы простого белорусского народа (крестьян, духовенства, народных учителей и др.), на защиту интересов которого он направил свою активность, став во главе «Белорусского общества» в Вильно. Последнее даже Департаментом полиции МВД рассматривалось как умеренно либеральная часть белорусского национального лагеря, противоположная его радикальной части в лице редакции газеты «Наша Ніва» и ее сторонников. Деятельность «Белорусского общества» можно рассматривать как важную составную часть либерального направления в белорусском национальном движении начала XX в. Помимо активной общественно-политической, издательской и публицистической деятельности («Гродненские губернские ведомости», «Белорусская жизнь», «Северо-Западная жизнь»), Л. М. Солоневич посвятил себя воспитанию детей, оказал влияние на формирование их мировоззрения, политических взглядов. Его сыновья Иван и Борис стали известными писателями, публицистами и общественными деятелями.

Общественная, литературная и журналистская деятельность Лукьяна Михайловича Солоневича была направлена на защиту белорусского народа, будущее развитие которого он не мыслил вне России. Для него белорусы были частью триединого государствообразующего русского народа наряду с великорусами и украинцами. Экономическому, культурному и общественному подъему белорусов мешало сохранение польского землевладения, сильных позиций поляков в органах городского самоуправления, общественных организациях, использование католической церкви для полонизации белорусов-католиков. Решение «польского вопроса» для Л. М. Солоневича было главным условием дальнейшего развития белорусского народа. В ряде своих публикаций он проанализировал историю белорусско-польских отношений, раскрыл причины их ухудшения после революции 1905–1907 гг., показал главные направления польского национального движения, направленные на осуществление одной цели – сохранения преобладающего положения поляков в белорусско-литовских губерниях. Л. М. Солоневич предложил комплекс мер против окатоличивания и ополячивания населения Беларуси, включавший ослабление позиций костела, интеграцию православных белорусов и белорусов-католиков, реформирование системы образования с учетом интересов белорусского крестьянства, проведение городской реформы и введение выборных земств, принимая во внимание белорусскую специфику, подготовку земских кадров из числа белорусов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 1893 / под ред. гр. Уваровой, С. С. Слуцкого. – М. : Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1895. – Т. 1. – 65 с.
2. Edelman, R. The Election to the Third Duma: The Roots of the National Party. The Politics of Rural Russia, 1905–1914 / R. Edelman ; ed. by L. Haimson. – London, 1979.
3. Pinchuk, Ben-Cio The Oktobrists in the Third Duma 1907–1912 / Ben-Cio Pinchuk. – University of Washington Press, 1974.
4. Аврех, А. Я. Раскол фракции октябристов в IV Думе / А. Я. Аврех // История СССР. – 1978. – № 4. – С. 115–127.
5. Аврех, А. Я. Распад третьеиюньской системы / А. Я. Аврех. – М. : Наука, 1985. – 260 с.
6. Агееў, А. Р. Фарміраванне і дзейнасць Магілёўскага Беларускага Камітэта (1917 – 1918 гг.) / А. Р. Агееў, І. А. Пушкін. – Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2017. – 292 с.
7. Акимов, С. В. Государственной думе / С. Акимов // Крестьянин. – 1909. – № 2. – С. 21–44.
8. Акуневіч, В. У. К. Стукаліч як прадстаўнік «заходнерускай» плыні ў грамадскай думцы Беларусі канца XIX – пачатку XX стагоддзяў / В. Акуневіч // Беларуска-рускае культурнае ўзаемадзеянне канца XIX – пачатку XX стагоддзяў : материалы науч. конф., посвященной 150-летию со дня рождения Е. И. Репина и 100-летию пребывания художника в Беларуси. – Витебск, 1995. – С. 45–49.
9. Алексеев, Л. В. А. П. Сапунов (1852–1924) / Л. В. Алексеев // Археология и краеведение Беларуси в XVI – 30-е гг. XX в. / под ред. Б. А. Рыбакова. – Минск : Беларусь. наука, 1996. – С. 140–143.
10. Алфавит, язык и национальная идентичность в Российской империи // Ab Imperio. – 2005. – № 2. – С. 123–367.
11. Антошин, А. В. Партия правового порядка / А. В. Антошин // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века. Энциклопедия. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 350–351.
12. Аронов, Д. В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906–1917 гг.) / Д. В. Аронов. – М. : Юрист, 2005. – 410 с.
13. Арсеньев, В. С. Личный состав Витебской ученой архивной комиссии к 31 мая 1910 года / В. С. Арсеньев. – Витебск : Тип. насл. М. Б. Неймана, 1910. – 204 с.
14. Архив еврейской истории / Международный исследовательский центр российского и восточноевропейского еврейства; [под ред. О. В. Будницкого]. – М. : РОССПЭН, 2005. – Т. 2. – 464 с.
15. Архив Полоцкой духовной консистории // Древности. Тр. Археографической комиссии Императорского Московского археографического общества. – Т. II, Вып. 1. – М., 1900.

16. Архив Полоцкой духовной консистории // Древности. Тр. Археографической комиссии Императорского Московского археографического общества. – Т. 1. – М., 1899.
17. Архив Полоцкой духовной консистории // Древности. Тр. Археографической комиссии Императорского Московского археографического общества. – Т. II, Вып. 2. – М., 1902.
18. Архивная справка о Солоневиче Л.М. // Красноярское общество «Мемориал» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/People/Solonevich.htm>. – Дата доступа: 14.07.2021.
19. Бабин, В. Г. Государственная образовательная политика в Западных губерниях во второй половине XIX – начале XX в. / В. Г. Бабин // Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.) : материалы науч.-теоретич. конф., Санкт-Петербург, 8–10 дек. 2003 г. – СПб., 2004. – С. 198–201.
20. Балашова, Н. А. Российский либерализм начала XX века / Н. А. Балашова. – М. : Мысль, 1981. – 234 с.
21. Балловая книга // НИАБ. – Ф. 2554. Оп. 1. Д. 212.
22. Барабаш, Ю. Я. Сиамские близнецы: Западноруссизм и малороссийство в национальном самосознании белоруса и украинца / Ю. Я. Барабаш // Русь – Литва – Беларусь: проблемы национального самосознания в историографии и культурологии. – М., 1997. – С. 37–55.
23. Бардах, Ю. Штудыі з гісторыі Вялікага Княства Літоўскага / Ю. Бардах / пер. М. Раманоўскага і А. Істоміна; прадм. г. Сагановіча. – Мн., 2002. – 459 с. – (Бібліятэка часопіса «Беларускі гістарычны агляда»).
24. Белорусская речь. Исторические судьбы белорусского языка // ВОКМ. – Кн. поступл. осн. фонда музея 7294 (2) / 9. – (Рукопись).
25. Белорусский сбор // Витеб. листок. – 1917. – 2 июня.
26. Белорусский список (№ 8) // Горецкий вестник. – 1917. – 3 ноября.
27. Бендзін, А. Ю. «Нацыянальнае адраджэнне» ў вышэйшай школе Беларусі (канец 20-х – пачатак 30-х гадоў) / А. Ю. Бендзін // Нацыянальная самасвядомасць і выхаванне моладзі : зб. навук. пр. – Мінск : Нац. ін-т адукацыі, 1996. – С. 25–36.
28. Библиография Беларуси // ВОКМ. – Кн. поступл. осн. фонда музея 7294 (1) / 3. – (Рукопись).
29. Библиотека Литовской Академии наук. – Фонд 21. Д. 2231.
30. Бондаренко, К. М. «Союз 17 октября» и его сторонники в Беларуси (1905–1917 гг.) / К. М. Бондаренко, Д. С. Лавринович // Проблемы славяноведения : сб. науч. ст. и материалов. – Брянск, 2001. – Вып. 3. – С. 183–192.
31. Бондаренко, К. М. Русские и белорусские монархисты в начале XX века : моногр. / К. М. Бондаренко, Д. С. Лавринович. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2003. – 212 с.
32. Букчин, С. «Вы давно уже ищите правду...». Ф. М. Достоевский и гимназист Владимир Стукалич. Повесть в письмах и комментариях / С. Букчин // Звезда. – 2007. – № 6. – С. 189–218.

33. Бусько, В. Краевед, этнограф, археолог, а также налоговый инспектор: (о неизвестном наследии Стукалича, 1856–1918) / В. Бусько // Финансы, учет, аудит. – 2005. – № 5. – С. 79–80.

34. В Белоруссии // Витеб. листок. – 1916. – 5 дек.

35. В обществе «Крестьянин» // Крестьянин. – 1907. – 3 дек.

36. В Санкт-Петербургский ЦК «Союза 17 октября» // ГАРФ. – Ф. 115. Оп. 1. Д. 63.

37. В ученой архивной комиссии // Витеб. губерн. вед. – 1911. – 25 янв.

38. В ученой архивной комиссии // Витеб. губерн. вед. – 1911. – 5 янв.

39. В. К. Стукалич. Письма Александру Николаевичу Пыпину 1888–1904 гг. // Российская национальная библиотека. – Ф. рукописей. – Ф. 621. – Д. 869.

40. Василевский, А. А. Выборы в IV Государственную думу в Белоруссии / А. А. Василевский // Проблемы социально-экономического развития БССР : сб. науч. тр. / Мин. гос. пед. ин т. – Минск, 1976. – С. 68–74.

41. Василевский, Д. Витебщина в трудах А. П. Сапунова / Д. Василевский // Витеб. рабочий (Заря Запада). – 1925. – 4 янв.

42. Веневич, В. К. Мысли об исторических судьбах еврейства / В. К. Стукалич // Рус. курьер. – 1887. – 9 сент.

43. Виленское белорусское общественное собрание. Отчет дохода и расхода за 1912 – 1913 год. – Вильно : Тип. «Промень», 1913. – 28 с.

44. Вильна, 1 апреля // Белорусская жизнь. – 1911. – 1 апр.

45. Вильна, 1 января // Белорусская жизнь. – 1911. – 1 янв.

46. Вильна, 11 февраля // Белорусская жизнь. – 1911. – 11 февр.

47. Вильна, 17 марта // Белорусская жизнь. – 1911. – 17 март.

48. Вильна, 18 июня // Белорусская жизнь. – 1911. – 18 июн.

49. Вильна, 18 февраля // Белорусская жизнь. – 1911. – 18 февр.

50. Вильна, 24 апреля // Белорусская жизнь. – 1911. – 24 апр.

51. Вильна, 26 апреля // Белорусская жизнь. – 1911. – 26 апр.

52. Вильна, 27 января // Белорусская жизнь. – 1911. – 27 янв.

53. Вильна, 28 января // Белорусская жизнь. – 1911. – 28 янв.

54. Вильна, 3 апреля // Белорусская жизнь. – 1911. – 3 апр.

55. Вильна, 3 июня // Белорусская жизнь. – 1911. – 3 июн.

56. Вильна, 31 июля // Белорусская жизнь. – 1911. – 31 июл.

57. Вильна, 5 апреля // Белорусская жизнь. – 1911. – 5 апр.

58. Вильна, 6 апреля // Белорусская жизнь. – 1911. – 6 апр.

59. Вильна, 9 сентября // Белорусский вестник. – 1912. – 9 сент.

60. Витебская губерния // ВОКМ. – Кн. поступл. осн. фонда музея 7294 (2) / 3. – (Рукопись).

61. Витебская губерния // ВОКМ. – Кн. поступл. осн. фонда музея 7294 (2) / 7. – (Рукопись).

62. Витебская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1802–1917) / Т. Е. Леонтьева [и др.] ; сост.: Т. Е. Леонтьева, Д. Л. Яцкевич ; ред. А. К. Голубович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелНИИДАД, 2009. – 524 с.

63. Віцебшчына / пад кір. і рэд. М. І. Каспяровіча. – [Б. м. : б. и.], 1925. – Т. 1. – 218 с.

64. Воронин, И. П. Гражданин империи. Очерк жизни и творчества Ивана Лукьяновича Солоневича / И. П. Воронин / Под ред. М. Б. Смолина. – М. : ФИВ, 2013. – 495 с.
65. Выборы в Государственную думу от Витебской губернии // Витеб. голос. – 1906. – 10 марта.
66. Выборы в Государственную думу от Витебской губернии // Витеб. голос. – 1906. – 18 марта.
67. Выборы в Государственную думу от Витебской губернии // Витеб. голос. – 1906. – 19 марта.
68. Выборы в Государственную думу от Витебской губернии // Витеб. губерн. вед. – 1906. – 7 марта.
69. Выборы в Государственную думу от Витебской губернии // Витеб. губерн. вед. – 1907. – 13 сент.
70. Выборы в Государственную думу по Витебской губернии // Витеб. голос. – 1906. – 18 марта.
71. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. : у 2 кн. – Мн. : Беларуская навука, 2011. – Кн. 1 / А. А. Каваленя [і інш.]; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – 584 с.
72. Газин, Д. Р. Знаменитое не может исчезнуть / Д. Р. Газин // Витьбичи. – 1997. – 15 мая.
73. Газин, Д. Р. Неизвестные страницы об известном краеведе / Д. Р. Газин // Віцеб. рабочы. – 1998. – 16 чэрв.
74. ГАРФ. – Фонд 102. Оп. 265. Д. 564.
75. ГАРФ. – Фонд 115. Оп. 1. Д. 63.
76. ГАРФ. – Фонд 1719. Оп. 1. Д. 3.
77. Голуб. Белорусский вечер / Голуб // Белорусская жизнь. – 1911. – 28 января. – С. 3.
78. Государственная дума России : энцикл. : в 2 т. / ред.: В. В. Шелохаев [и др.]. – М. : РОССПЭН, 2006. – Т. 1 : Государственная дума Российской империи. 1906–1917. – 768 с.
79. Государственный архив Витебской области. – Фонд 967. Оп. 2. Д. 1.
80. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд 102. Оп. 265. Д. 564.
81. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд 115. Оп. 1. Д. 63.
82. Границы белорусского племени // ВОКМ. – Кн. поступл. осн. фонда музея 7294 (1) / 5. – (Рукопись).
83. Декларация октябристов // Витеб. губерн. вед. – 1907. – 21 сент.
84. Дело вопросов, поставленных на голосование земельной комиссии (1908–1909) // РГИА. – Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3395.
85. Дело об укомплектовании профессорско-преподавательского состава и служащих Витебского педагогического института (заявления, письма переписка 2 января – 31 декабря 1923 года) // ГАВО. – Ф. 204. Оп. 1. Д. 182.

86. Депутаты в Государственную Думу от Витебской губернии // Витеб. губ. вестн. – 1907. – 15 окт.

87. Довнар-Запольский, М. В. Из истории общественных течений в России / М. В. Довнар-Запольский. – Киев : [б. и.], 1905. – 372 с.

88. Доклад ЦК «Союза 17 октября» об отпадении некоторых отделов на западных окраинах (1906 г.) // РГИА. – Ф. 869. Оп. 1. Д. 1299.

89. Доклады Городского старосты собранию городских уполномоченных // НАРБ. – Ф. 622. Оп. 3. Д. 12.

90. Доклады управы городской думе Витебского отделения Московского археологического института, о сооружении памятника павшим героям 1812 г., о выдаче пособия Витебской Алексеевской женской гимназии, о ремонте помещения, об отдаче в аренду земельных участков и прочее // НИАБ. – Ф. 2496. Оп. 1. Д. 4363.

91. Думова, Н. Г. История политических партий России / Н. Г. Думова, Н. Д. Ерофеев, С. В. Тютюкин. – М. : Высш. шк., 1994. – 447 с.

92. Журнал заседаний педагогического совета // НИАБ. – Ф. 2554. Оп. 1. Д. 207.

93. Журнал комиссии о чиншевом праве. Сессия 4 (30 октября 1910 – 15 февраля 1911) // РГИА. – Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3454.

94. Журналы заседаний Витебской ученой архивной комиссии // НИАБ. – Ф. 2771. Оп. 1. Д. 152.

95. Журналы заседаний Дриссенской городской думы и чрезвычайного собрания городских уполномоченных по вопросам городского хозяйства // НАРБ. – Ф. 622. Оп. 3. Д. 29.

96. Журналы комиссии о чиншевом праве (5 ноября 1909 – 7 мая 1910) // РГИА. – Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3453.

97. Журналы комиссии об упразднении чиншевого права (7 марта 1908 – 20 мая 1909) // РГИА. – Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3450.

98. Забаўскі, М. М. Беларускае таварыства / М. М. Забаўскі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі / рэд. калегія: М. В. Біч і інш. – Мн. : БелЭн, 1993. – Т. 1. – С. 359.

99. Заблоцкая, М. В. Взгляды А. П. Сапунова и В. К. Стукалича на историю Беларуси с древнейших времен до начала XIX века / М. В. Заблоцкая // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. Сер. А, Гуманіт. навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2011. – № 2. – С. 25–31.

100. Заблоцкая, М. В. Идеи «западнорусизма» в политической и культурно-национальной жизни Беларуси в конце XIX – начале XX века (на материалах работ А. П. Сапунова и В. К. Стукалича) / М. В. Заблоцкая // Русский сборник: исследования по истории России / ред.-сост.: О. Р. Айрапетов [и др.]. – М. : ИД «Регнум», 2012. – Т. XII. – С. 157–177.

101. Заблоцкая, М. В. Культурно-просветительская и общественная деятельность витебских краеведов А. П. Сапунова и В. К. Стукалича (вторая половина XIX – начало XX веков) / М. В. Заблоцкая // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманит. науки. – 2011. – № 1. – С. 40–45.

102. Заблоцкая, М. В. Участие витебских историков В. К. Стукалича и А. П. Сапунова в политической жизни Полоцко-Витебского края (вторая половина

XIX – начало XX веков) / М. В. Заблочкая // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2011. – № 1. – С. 21–28.

103. Заблочкая, М. В. Эволюция исторических взглядов А. П. Сапунова и В. К. Стукалича (на примере историко-этнографических исследований начала XX века) / М. В. Заблочкая // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманит. науки. – 2023. – № 1. – С. 51–54.

104. Законопроект об упразднении в Белоруссии последних остатков чиншевого права и выродившегося из него городского и местечкового домового арендного владения // Витеб. губерн. вед. – 1907. – 31 июля.

105. Законотворчество думских фракций. 1906 – 1917 гг.: документы и материалы / под ред. П. А. Пожигайло. – М. : РОССПЭН, 2006. – 768 с.

106. Заседание Витебского губернского комитета по делам земского хозяйства 8 января 1907 г. по вопросу об открытии университета в Витебске // Витеб. губерн. вед. – 1907. – 14 янв.

107. Заседание ученой архивной комиссии // Витеб. губерн. вед. – 1912. – 8 марта.

108. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске, и изд. под ред. Созонова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003509738/. – Дата доступа: 22.04.2023.

109. История Беларуси // ВОКМ. – Кн. поступл. осн. фонда музея 7294 (2) / 13. – (Рукопись).

110. История Беларуси // ВОКМ. – Кн. поступл. осн. фонда музея 7294 (2) / 14. – (Рукопись).

111. История Витебска // ВОКМ. – Кн. поступл. осн. фонда музея 7294 (1) / 7. – (Рукопись).

112. К белорусской интеллигенции // «Белорусская жизнь». – 1909. – 9 февр.

113. К открытию в Витебске отделения Московского археологического института // Витеб. губерн. вед. – 1911. – 29 июня.

114. К открытию в Витебске отделения Московского археологического института // Витеб. губерн. вед. – 1911. – 29 июля.

115. Караў, Д. У. Беларуская гістарыяграфія і гістарычны менталітэт беларусаў у канцы XVIII – 50-я гады XIX ст. / Д. У. Караў // Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі. Стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця : у IV ч. / пад рэд. І. П. Крэня, І. А. Змітровіча, У. Навіцкага. – Гродна : ГрДУ, 2003. – Ч. II. – С. 9–14.

116. Караў, Д. У. Пачаткі беларускага крыніцазнаўства (другая палова XIX ст.) / Д. У. Караў // Спадчына. – 1994. – № 5. – С. 9–18.

117. Карев, Д. В. Белорусская и украинская историография конца XVIII – начала 20-х гг. XX в. в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев / Д. В. Карев. – Вильнюс : Европ. гуманит. ун-т, 2007. – 312 с.

118. Карев, Д. В. Западнорусизм и его представители в белорусской историографии пореформенного периода (к проблеме влияния политики на истори-

ческую идеологию) / Д. В. Карев // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1, Гісторыя, філасофія, паліталогія і сацыялогія, псіхалогія, правазнаўства, філалогія. – 2009. – № 23. – С. 91–102.

119. Карев, Д. В. Россия в исторической мысли и историографической традиции Беларуси конца XIX – начала XXI вв. / Д. В. Карев // Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы : материалы Межгос. науч. конф., Брянск, 5–8 июля 2010 г., приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде / Ф. «Русский мир» ; Брянск. гос. ун-т имени И. Г. Петровского. – Брянск : РИО Брянск. гос. ун-та, 2010. – С. 161–166.

120. Каспяровіч, М. І. Краязнаўства / М. І. Каспяровіч. – Мінск : Беларус. дзярж. выд-ва, 1929. – 160 с.

121. Каханюўскі, А. Г. Уніфікацыя і русіфікацыя як накірункі ўрадавай палітыкі на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / А. Г. Каханюўскі // Рос-сийские и славянские исследования : науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Янов-ский (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2011. – Вып. 6. – С. 20–26.

122. Каханюўскі, Г. А. Сапуноў Аляксей Парфенавіч / Г. А. Каханюўскі // Энциклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі : у 5 т. / рэдкал.: І. П. Шамякін [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1986. – Т. 4. – С. 644.

123. Каханюўскі, Г. А. Сапуноў Аляксей Парфенавіч / Г. А. Каханюўскі // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыкл. / рэдкал.: В. В. Гетаў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1993. – С. 556–557.

124. Киселев, А. А. Проблемы белорусского литературного языка и западно-русизм в начале XX века / А. А. Киселев // Славянскі свет: мінулае і сучаснае : ма-тэрыялы рэсп. навук. канф., Мінск, 26 сак. 2004 г. / рэдкал.: А. П. Жытко [і інш.]. – Мінск : БДПУ, 2004. – Ч. 1. – С. 158–163.

125. Копии стенографических отчетов Государственной думы (1907–1908 гг.) // Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). – Ф. 60-П. Оп. 3. Д. 75.

126. Коронкевич, П. В. Белорусы (Исторический очерк с обзором деятельности «Союза Белорусской Демократии», этнографической картой белорусского племени и отзывом Академика и Профессора Е. Ф. Карского о программе Союза) / П. В. Коронкевич. – Гомель : Тип. Захарина и Марголина, 1917. – 20 с.

127. Коронкевич, П. В. Через 50 лет (С натуры) / П. В. Коронкевич. – Гродно : Губ. тип., 1907. – 40 с.

128. Крутиков, А. А. Концепции истории Белоруссии. III. «Русский мир», «литвинизм» и «Белорусская цивилизация». Ч. 1 [Электронный ресурс] / А. А. Кру-тиков. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/history/koncepcii_istorii_belorussii_iii_russkij_mir_litvinizm_i_belorusskaja_civilizacija_chast_1_2021-05-13.htm. – Дата доступа: 12.12.2021.

129. Кто такие белорусы // ВОКМ. – Кн. поступл. осн. фонда музея 7294 (1) / 4. – (Рукопись).

130. Лавринович, Д. С. Деятельность «Союза 17 октября» в Витебской губернии (1905–1915 гг.) / Д. С. Лавринович // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер., А. Гуманит. науки. – 2007. – С. 43–49.

131. Лавринович, Д. С. Деятельность Конституционно-демократической партии и «Союза 17 октября» в Беларуси (1905–1918) : моногр. / Д. С. Лавринович. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2009. – 335 с.
132. Лавринович, Д. С. Октябрысты в 1917–1918 гг.: к истории витебского Белорусского народного союза / Д. С. Лавринович // Российские и славянские исследования : науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Янковский (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2009. – Вып. 4. – С. 130–136.
133. Лавринович, Д. С. Октябрысты в Беларуси в межреволюционный период (1907–1917 гг.) / Д. С. Лавринович // Открыть миру душу белоруса... : Міжнар. навук.-практ. канф., Гомель, 25–26 кастр. 2005 г. [прысвечаная 150-годдзю з дня нараджэння Е. Р. Раманава] : зб. матэрыялаў / ГДУ імя Ф. Скарыны ; адк. рэд. А. Р. Яшчанка. – Гомель, 2005. – С. 214–218.
134. Лавринович, Д. С. Октябрысты и их союзники в Беларуси (1905–1913 гг.) / Д. С. Лавринович // Славянский мир в социокультурном измерении / отв. ред. И. В. Крючков. – Ставрополь, 2005. – Вып. 2. – С. 177–190.
135. Лавринович, Д. С. Политический портрет В. К. Стукалича – председателя Витебского отдела «Союза 17 октября» / Д. С. Лавринович // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. – 2009. – № 1. – С. 21–25.
136. Лавринович, Д. С. Деятельность общероссийских либеральных партий на территории Беларуси (1905 – 1918 гг.) / Д. С. Лавринович. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. – 328 с. : ил.
137. Лавринович, Д. С. История либерального движения в Беларуси начала XX века: учебно-методический комплекс / Д. С. Лавринович. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2011. – 144 с.
138. Лаўрынович, Д. С. Акцябрысты ў Беларусі (1905–1913 гг.) / Д. С. Лаўрынович // Беларус. гіст. час. – 2008. – № 2. – С. 11–17.
139. Лекция А. П. Сапунова // Витеб. вестн. – 1913. – 12 мая.
140. Лекция А. П. Сапунова // Витеб. вестн. – 1913. – 17 февр.
141. Лекция А. П. Сапунова // Витеб. вестн. – 1913. – 2 марта.
142. Лекция А. П. Сапунова // Витеб. вестн. – 1913. – 31 марта.
143. Лекция А. П. Сапунова // Витеб. вестн. – 1913. – 5 февр.
144. Лекция А. П. Сапунова // Витеб. вестн. 1913. – 25 февр.
145. Лисов, А. Г. Сапуновские места Витебска и окрестностей / А. Г. Лисов, А. М. Подлипский. – Витебск : Витеб. обл. тип, 2004. – 47 с.
146. Литвинский, А. В. Западноруссизм в российской историографии второй половины XIX – начала XX в. : дис. ... канд. ист. наук : 00.07.09 / А. В. Литвинский. – Гродно, 2001. – 130 л.
147. Личное дело Сапунова Алексея Парфеновича от Витебской губернии (15 октября 1907 – 22 мая 1912) // РГИА. – Ф. 1278. Оп. 9. Д. 703.
148. Літвінскі, А. Беларускі народ у творах гісторыкаў заходнерусістаў / А. Літвінскі // Беларуская нацыянальная ідэя : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Гродна, 18–19 крас. 1999 г. – Мінск : Беларус. выдавец. тав-ва «Хата», 2000. – С. 84–90.

149. Маракоў, Л. Стукаліч Уладзімір Казіміравіч / Л. Маракоў // Рэпрэсаваныя літаратары, навукоўцы, работнікі асветы, грамадскія і палітычныя дзеячы Беларусі 1794–1991 : энцыкл. давед. : у 3 т. – Мінск, 2003. – Т. 2 : Лавіцкі – Ятаўт. – С. 244–245.

150. Материалы I, II и III всероссийских съездов «Союза 17 октября» (1906–1909 гг.) // Российский государственный исторический архив (далее РГИА). – Ф. 869. Оп. 1. Д. 1286.

151. Материалы Комиссии чиншевого права (16 февраля 1908 – 25 мая 1910) // РГИА. – Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3451.

152. Материалы о политических партиях и группировках // НАРБ. – Ф. 60-П. Оп. 3. Д. 766.

153. Местная жизнь // Могилевская жизнь. – 1917. – 6 авг.

154. Метелица К. Протеже Столыпина. Жизнь Лукьяна Солоневича // Вместе с Россией. Сайт общественных организаций российских соотечественников в Республике Беларусь [Электронный ресурс] – 2021. – Режим доступа: // http://ross-bel.ru/analitika-portala-vmeste-s-rossiey/news_post/kirill-metelitsa-protezhestolypina-zhizn-lukyana-solonevicha. – Дата доступа: 14.07.2021.

155. Московские ведомости. – 1908. – 10 апр.

156. Московские ведомости. – 1908. – 18 июл.

157. Московские ведомости. – 1908. – 20 мая.

158. Московские ведомости. – 1908. – 24 апр.

159. Московские ведомости. – 1908. – 26 июл.

160. Московские ведомости. – 1908. – 3 мая.

161. Московские ведомости. – 1908. – 5 окт.

162. Московские ведомости. – 1908. – 6 июн.

163. Московские ведомости. – 1908. – 8 июн.

164. Наряд отношениям об охране памятников 1812 г., образовании комиссии для выработки программы празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны, об открытии особой комиссии для разработки и уничтожения старых архивных дел // НИАБ. – Ф. 2771. Оп. 1. Д. 165.

165. Наряд по секретной переписке по Витебской губернии (1906) // ГАРФ. – Ф. 102. Оп. 236. Д. 828. Ч. 1.

166. Наряд по секретной переписке по Гродненской губернии (1906) // ГАРФ. – Ф. 102. Оп. 236. Д. 828. Ч. 2.

167. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Фонд 2. Оп. 37. Д. 1455.

168. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 295. Оп. 1. Д. 7966.

169. Никандров, Н. Иван Солоневич: народный монархист / Н. Никандров / под ред. В. Г. Манягина. – М. : Алгоритм, 2007. – 672 с.

170. Никонович, Ф. И. Из дневника члена государственной думы от Витебской губернии протоирея о. Федора Никоновича / Ф. И. Никонович. – Витебск : [б. и.], 1912. – 272 с.

171. Новый избирательный закон в Западном крае // Витеб. губерн. вед. – 1907. – 5 июля.
172. Нужды школы Северо-Западного края // Белая Русь. – 1906. – 18 мая.
173. О запросах Председателю Совета Министров по поводу издания в порядке ст. 87 Основного Закона, Указа 14 марта 1911 г. о применении Положения о Губернских и Уездных Земских Учреждениях 12 июня 1890 г. к губерниям Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской и Подольской (15 марта 1911 – 27 апреля 1911) // РГИА. – Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2607.
174. О передаче архива в ведомство Министерства народного просвещения, о ремонте архива и переплете Антоновых книг // НИАБ. – Ф. 2790. Оп. 1. Д. 79.
175. О подготовке празднования 300-летия дома Романовых // НИАБ. – Ф. 2496. Оп. 1. Д. 1691.
176. О присвоении некоторым лицам звания почетного гражданина городов (1911) // РГИА. – Ф. 1288. Оп. 5. Д. 1 б.
177. О производстве выборов по городским, земским и другим учреждениям по г. Витебску и уезду // НАРБ. – Ф. 622. Оп. 3. Д. 77.
178. О разрешении выборов от русского населения на окраинах отдельных представителей в Государственную думу (1906 г.) // РГИА. – Ф. 1327. Оп. 2. Д. 36.
179. О разрешении съезда представителей русского населения 9 западнорусских губерний // РГИА. – Ф. 1284. Оп. 187. Д. 135.
180. О составлении списков избирателей по выборам в III Государственную думу // НИАБ. – Ф. 2496. Оп. 1. Д. 1817.
181. Об организации центральных статистических учреждений // ГАВО. – Ф. 204. Оп. 1. Д. 2.
182. Об открытии в Витебске отделения Московского археологического института // НИАБ. – Ф. 2771. Оп. 1. Д. 160.
183. Об открытии в г. Витебске отделения Московского археологического института // НИАБ. – Ф. 2496. Оп. 1. Д. 4364.
184. Об открытии памятника павшим героям и о введении стипендии в г. Витебске в честь 100-летия юбилея Отечественной войны 1812 г. // Национальный исторический архив Беларуси (далее НИАБ). – Ф. 2496. Оп. 1. Д. 1689.
185. Об утверждении проекта устава Витебского союза мира (1905) // РГИА. – Ф. 1284. Оп. 187. Д. 208.
186. Обзор предвыборной кампании в Северо-Западном крае // Витеб. губерн. вед. – 1907. – 3 авг.
187. Общая хроника // Витеб. губерн. вед. – 1907. – 8 февр.
188. Общества и союзы // Свободное слово. – 1917. – 7 мая.
189. Общие задачи русских депутатов Западного края в Государственной думе // Витеб. губерн. вед. – 1907. – 5 апр.
190. Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции (совместное российско-белорусское исследование) : в 3 ч. / под общ. ред. Э. М. Энтина. – Гомель : Белорус. Агентство науч.-техн. и деловой информации, 1993. – Ч. 1 : Политические партии России. – 184 с.

191. Остринец, П. Сюрприз «Минского слова» полякам / П. Остринец // Белорусская жизнь. – 1911. – 21 апр.
192. От комитета Витебского отделения «Союза 17 октября» // Витеб. губерн. вед. – 1906. – 21 дек.
193. От наших депутатов // Витеб. губерн. вед. – 1907. – 5 дек.
194. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. – Фонд 40. Оп. 26. Д. 24.
195. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. – Фонд 1072. Том 3.
196. Открытие Витебского епархиального церковного историко-археологического общества // Витеб. вестн. – 1916. – 28 сент.
197. Открытое письмо членам Государственной думы // Белорусская жизнь. – 1911. – 22 март.
198. Отчет по IX Археологическому съезду в г. Вильно. Графини П. С. Уваровой // Древности. Тр. Императорского Московского археологического общества. – М., 1900. – Т. 17.
199. Отчеты о работе заведующего отделом А. П. Сапунова и помощника архивариуса Е. Ф. Шаровского за январь – июнь 1920 года // ГАВО. – Ф. 289. Оп. 1. Д. 17.
200. Отчеты, доклады, справки, сведения и другие материалы к первому заседанию губернского совета по делам статистики о структуре, времени организации и работе секций губстатбюро, статистических организаций при отделах губисполкома и учреждениях губернии. Списки и удостоверения членов губернского совета по делам статистики. 1 ноября 1918 – 28 декабря 1918 // ГАВО. – Ф. 476. Оп. 1. Д. 5.
201. Очерки современной литературы // Рус. курьер. – 1886. – 15 нояб.
202. Очерки современной литературы // Рус. курьер. – 1886. – 15 янв.
203. Очерки современной литературы // Рус. курьер. – 1886. – 5 апр.
204. Очерки современной литературы // Рус. курьер. – 1886. – 15 апр.
205. Очерки современной литературы // Рус. курьер. – 1887. – 2 февр.
206. Очерки современной литературы // Рус. курьер. – 1887. – 4 февр.
207. Падліпскі, А. М. Віцебскія сябры Глеба Успенскага (У. К. Стукаліч і М. У. Рамезаў) / А. М. Падліпскі // Віцеб. рабочы. – 1974. – 7 снеж.
208. Падліпскі, А. М. Летапісец Віцебшчыны : (пра літаратуразнаўцу і гісторыка У. К. Стукаліча) / А. М. Падліпскі // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1978. – № 1. – С. 26–27.
209. Падліпскі, А. М. Летапісец Віцебшчыны / А. М. Падліпскі ; пер. з рус. мовы А. Ф. Чарнадцавай. – Мінск : Польша, 1993. – 92 с.
210. Падліпскі, А. М. Сапуноў Аляксей Парфенавіч / А. М. Падліпскі // Энцыклапедыя прыроды Беларусі : у 5 т. / рэдкал.: І. П. Шамякін [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1985. – Т. 4. – С. 450.
211. Падліпскі, А. М. Сапуноў Аляксей Парфенавіч / А. М. Падліпскі // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. / рэдкал.: П. У. Броўка [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1973. – Т. 9. – С. 359.

212. Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК : в 2 т. – М. : РОССПЭН, 1996 – 2000. – Т. 2 : Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. 1907 – 1915 гг. – 2000. – 512 с.
213. Переписка Витебской ученой архивной комиссии с разными учреждениями по вопросам ее деятельности // НИАБ. – Ф. 2771. Оп. 1. Д. 167.
214. Переписка Петербургского ЦК «Союз 17 октября» с Витебским отделом союза // ГАРФ. – Ф. 115. Оп. 1. Д. 59.
215. Переписка Петербургского ЦК «Союз 17 октября» с Двинским отделом союза // ГАРФ. – Ф. 115. Оп. 1. Д. 64.
216. Переписка с Виленским округом об ассигновании денег на содержание архива и прочее // НИАБ. – Ф. 2790. Оп. 1. Д. 132.
217. Переписка с главным управлением архивным делом о согласовании штатов, анкеты служащих губернско-архивного управления 9 мая – 31 декабря 1919 года // ГАВО. – Ф. 289. Оп. 1. Д. 13.
218. Переписка ЦК «Союза 17 октября» с местными организациями по вопросам выборов в IV Государственную думу // ГАРФ. – Ф. 115. Оп. 1. Д. 53.
219. Перцев, В. Н. История Белорусской ССР / В. Н. Перцев (общ. ред.) [и др.]. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1954. – Т. 1. – 502 с.
220. Письма Стукалича Владимира Казимировича к Достоевскому Федору Михайловичу // Российская государственная библиотека. Отд. рукописей. – Ф. 93 / II. Д. 32.
221. Платформа «Белорусского О-ва» // «Белорусская жизнь». – 1909. – 9 февр.
222. По жалобе Владимира Казимировича Стукалича на постановление Витебской уездной по выборам в Государственную думу комиссии от 20 августа 1912 г. о внесении его в избирательные списки по Витебскому уезду // НИАБ. – Ф. 2558. Оп. 1. Д. 162.
223. По краю // Белая Русь. – 1906. – 15 марта.
224. По протесту Витебского губернатора на постановление Витебской уездной по выборам в Государственную думу комиссии от 20 августа 1912 г. о внесении в избирательные списки по г. Витебску и его уезду Стукалича, Афанасьева и др., всех в количестве 29 человек // НИАБ. – Ф. 2558. Оп. 1. Д. 133.
225. По циркуляру МВД от 17 августа с.г. № 420 о предоставлении сведений о союзах, зарегистрированных в порядке Временного правительства (1910–1911) // РГИА. – Ф. 1284. Оп. 187. Д. 121.
226. Полонский, Г. Вокруг Белорусского союза / Г. Полонский // Витеб. листок. – 1917. – 26 мая.
227. Полоцкие епархиальные вед. – 1893. – 1 июня.
228. Постановление коллегии уполномоченных по Витебской губернии, Витебского губернского архивного управления о разделении управления на секции и отделы, командировании для обследования волостных и церковных архивов А. П. Сапунова 11 мая – 25 декабря 1919 года // ГАВО. – Ф. 289. Оп. 1. Д. 2.
229. Постановления Невельской городской думы в 1917 г. // НАРБ. – Ф. 622. Оп. 3. Д. 24.

230. Постановления собрания городских уполномоченных по г. Люцину // НАРБ. – Ф. 622. Оп. 3. Д. 20.

231. Предписание епископа Полоцкого и Витебского настоятелям церкви о сдаче в Витебский церковно-археологический музей предметов церковной старины, записка действительного члена комитета Романова Е. Р. с ходатайством об открытии в г. Могилеве епархиального церковного музея, список предметов церковной старины, подлежащих хранению в музее, и прочее // НИАБ. – Ф. 2502. Оп. 1. Д. 797.

232. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX в. / сост.: В. В. Кривенький, Н. Н. Тарасова ; отв. ред. В. В. Шелохаев. – М. : РОССПЭН, 1995. – 464 с.

233. Проект программы комиссии Союза 17 октября // Витеб. голос. – 1906. – 15 апр.

234. Протокол к заседанию Витебской окружной комиссии по кандидатскому списку № 6 – Витебского белорусского народного союза и Союза православных и единоверческих приходов в Полоцкой епархии // НАРБ. – Ф. 623. Оп. 1. Д. 40.

235. Протоколы заседаний губернской комиссии по охране памятников старины и искусства. Смета расходов, отчеты, доклады, сведения о работе Витебской губернской комиссии по охране памятников старины и искусства за 1921 год. 25 января – 19 декабря 1921 года // ГАВО. – Ф. 1947. Оп. 1. Д. 5.

236. Протоколы заседания бюро, общих собраний членов, устав и планы работы окружного общества краеведения // ГАВО. – Ф. 170. Оп. 1. Д. 13.

237. Протоколы общих собраний научных сотрудников, представителей студенчества, профессорско-преподавательского состава, заседаний педагогического совета 1 курса, Витебского пединститута за январь – июнь 1924 года (подлинники и копии 30 января – 5 июня 1924 года) // ГАВО. – Ф. 204. Оп. 1. Д. 199.

238. Птицын, В. О деятельности витебских депутатов в Государственной думе / В. Птицын // Крестьянин. – 1907. – № 49. – С. 779–780.

239. Разные дела «Союза 17 октября» в связи с предвыборными кампаниями // ГАРФ. – Ф. 115. Оп. 1. Д. 55.

240. Реестр обществ и союзов // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Ф. 103. Гродненское губернское по делам об обществах и союзах присутствие. Оп. 1. Д. 3.

241. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества / под ред. В. П. Семенова. – СПб. : А. Ф. Девриен, 1905. – Т. 9 : Верхнее Поднепровье и Белоруссия: [Смоленская, Могилевская, Витебская и Минская губернии]. – 620 с.

242. Рудовіч, С. Час выбару: праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе / С. Рудовіч. – Мінск : Тэхналогія, 2001. – 201 с.

243. Рудовіч, С. У пошуках нацыянальнай ідэнтычнасці: беларуская патрыятычная арганізацыя ў Магілёве ў 1917 – 1918 гг. / С. Рудовіч // Мінулая і сучасная гісторыя Магілёва: зборнік навуковых прац / уклад. І. А. Пушкін. – Магілёў, 2001. – С. 203 – 209.

244. Русский губернский предвыборный комитет // Витеб. губерн. вед. – 1907. – 17 янв.

245. Русский предвыборный комитет // Витеб. голос. – 1907. – 17 янв.
246. С.Р.Д. и Белорусский союз // Витеб. листок. – 1917. – 12 авг.
247. Самбук, С. И. Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX в. / С. И. Самбук. – Минск : Наука и техника, 1976. – 212 с.
248. Сапунов, А. П. Белоруссия и белорусы / А. П. Сапунов. – Витебск : Губерн. тип., 1910. – 21 с.
249. Сапунов, А. П. Витебская старина: документы и материалы : в 5 т. / А. П. Сапунов. – Витебск, 1883–1888.
250. Сапунов, А. П. Витебский Успенский собор в связи с событиями из религиозной жизни витеблян / А. П. Сапунов. – Витебск : Губерн. тип., 1894. – 19 с.
251. Сапунов, А. П. Граф Михаил Николаевич Муравьев-Виленский / А. П. Сапунов // Витеб. губерн. вед. – 1896. – 2 февр.
252. Сапунов, А. П. Двинские и Борисовы камни / А. П. Сапунов. – Витебск : Витеб. губерн. стат. комитет, 1890. – 32 с.
253. Сапунов, А. П. Заметка о коллегии и академии иезуитов в Полоцке / А. П. Сапунов. – Полоцк : Данько, 1997. – 30 с.
254. Сапунов, А. П. Значение царствования императрицы Екатерины II для Западного края вообще и Витебской губернии в частности: (речь, чит. преп. Витеб. мужской гимназии А. П. Сапуновым в общем собрании учащихся в гимназии / А. П. Сапунов. – Витебск : [б. и.], 1896. – 9 с.
255. Сапунов, А. П. Инфлянты / А. П. Сапунов. – Витебск : Витеб. губерн. тип., 1886. – 38 с.
256. Сапунов, А. П. Историческая записка 75-летия Витебской гимназии [1808–1883] / сост. и изд. А. П. Сапунов. – Витебск : Тип. Губерн. правления, 1884. – 167 с. : 6 л. ил., табл.
257. Сапунов, А. П. Исторические отношения Руси Белой и Великой / А. П. Сапунов // Памятная книжка Витебской губернии на 1898 год. Отд. изд. – Витебск, 1898.
258. Сапунов, А. П. Исторический очерк 50-летия Витебского губернского статистического комитета / А. П. Сапунов. – Витебск : [б. и.], 1913. – 37 с.
259. Сапунов, А. П. Исторический очерк Витебской Белоруссии / А. П. Сапунов. – Витебск : Губерн. тип., 1906. – 37 с.
260. Сапунов, А. П. К 300-летию дома Романовых / А. П. Сапунов // Витеб. вестн. – 1913. – 13 февр.
261. Сапунов, А. П. К 300-летию дома Романовых / А. П. Сапунов // Витеб. вестн. – 1913. – 26 февр.
262. Сапунов, А. П. К 300-летию дома Романовых / А. П. Сапунов // Витеб. вестн. – 1913. – 27 февр.
263. Сапунов, А. П. К статье «Белоруссия и белорусы» / А. П. Сапунов // Витеб. губерн. вед. – 1907. – 9 февр.
264. Сапунов, А. П. Кто такие белорусы? / А. П. Сапунов // Изв. Витеб. Губисполкома и Губкома Р.К.П. – 1924. – 23 февр.

265. Сапунов, А. П. Очерк исторических судеб православия и русской народности в Белоруссии вообще и пределах Полоцкой епархии в частности / А. П. Сапунов. – Витебск : Губерн. тип., 1910. – 29 с.
266. Сапунов, А. П. Памятники времен древнейших и новейших в Витебской губернии / А. П. Сапунов // Памятная книжка Витебской губернии на 1903 год. – Витебск, 1903.
267. Сапунов, А. П. Полоцк, Витебск и Минск в 20-х годах прошлого века / А. П. Сапунов. – Витебск : Губерн. тип., 1901. – 28 с.
268. Сапунов, А. П. Полоцкий Софийский собор / А. П. Сапунов. – Витебск, 1888. – 20 с.
269. Сапунов, А. П. Полоцкий Спасо-Евфросиниевский девичий монастырь / А. П. Сапунов. – Витебск : [б. и.], 1888. – 22 с.
270. Сапунов, А. П. Разбор сочинения Фр. фон Кейслера «Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в XIII в. / А. П. Сапунов // Изв. Император. Акад. наук. – СПб., 1898. – 54 с.
271. Сапунов, А. П. Река Западная Двина. Историко-географический обзор / А. П. Сапунов. – Витебск : [б. и.], 1893. – 512 с.
272. Сапунов, А. П. Речи в Государственной думе 3-го созыва / А. П. Сапунов. – СПб. : Тип. «Сел. Вестника», 1912. – 48 с.
273. Сапунов, А. П. Столетие воссоединения Руси Белой с Великою / А. П. Сапунов // Витеб. губерн. вед. – 1893. – 4 февр.
274. Сапунов, А. П. Торжество православия / А. П. Сапунов. – Витебск : Тип. губерн. правл., 1889. – 24 с.
275. Сапунов, А. П. Очерк исторических судеб православия и русской народности в Белоруссии вообще и пределах Полоцкой епархии в частности / А. П. Сапунов. – Витебск : Губерн. тип., 1910. – 29 с.
276. Сапуноў А. П. Кароткая характарыстыка беларуса [Урыўкі з лекцыі прафесара А. П. Сапунова ў Віцебскім педагагічным інстытуце ў 1923–1924 гг.] / А. П. Сапуноў // Віцеб. рабочы. – 1991. – 14 сак.
277. Сахаров С. Торжественное заседание Витебской ученой архивной комиссии, посвященное памяти П. А. Столыпина // Витеб. губерн. вед. – 1911. – 28 сент.
278. Сахаров, С. Заседание Витебской ученой архивной комиссии // Витеб. губерн. вед. – 1911. – 6 дек.
279. Сахаров, С. Заседание Витебской ученой архивной комиссии // Витеб. губерн. вед. – 1911. – 10 дек.
280. Сведения о ходе выборов по губерниям и кандидатах (1912 г.) IV Государственной думы // ГАРФ. – Ф. 115. Оп. 1. Д. 54.
281. Сведения о членах Государственной думы третьего созыва // РГИА. – Ф. 1327. Оп. 2. Д. 164 б.
282. Сведения, анкеты и списки преподавателей Витебского практического института народного образования на 1922–1923 учебный год // ГАВО. – Ф. 204. Оп. 1. Д. 135.

283. Сільнова, Л. Д. Надпісы на кнігах Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі, звязаныя з імем Аляксея Сапунова / Л. Д. Сільнова // *Архіўная спадчына Віцебшчыны як крыніца вывучэння гісторыі краю : матэрыялы архіўных чытанняў, прысвечаныя 150-годдзю з дня нараджэння А. П. Сапунова, Віцебск, 6–7 чэрв. 2002 г. / склад.: В. У. Скалабан [і інш.]. – Мінск : БелНДДАС, 2002. – С. 107–108.*
284. Солоневич, В. Судьба Солоневичей / В. Солоневич // *Наша страна. – 2000. – 23 декабря. – С. 3 [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: // <http://bespredelbel.narod.ru/vlad.htm>. – Дата доступа: 14.07.2021.*
285. Солоневич, Л. Наше национальное самоопределение и наша позиция в польско-русском вопросе / Л. Солоневич // *Белорусская жизнь. – 1909. – 9 февраля. – С. 2–3.*
286. Солоневич, Л. Новая роль польской женщины в Белоруссии и Литве / Л. Солоневич. – Вильно: Тип. «Русский почин», 1910. – 30 с.
287. Солоневич, Л. М. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет ее существования, 1802 – 1902 / Л. М. Солоневич. – Гродно, 1901. – 106 с.
288. Сообщения губернаторов на запрос МВД о политических партиях, их организации, численности и идеологии // РГИА. – Ф. 1284. Оп. 187. Д. 157.
289. Сороко, С. М. Витебские губернские вед. / С. М. Сороко. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2004. – 219 с.
290. Союз 17 октября // Витеб. Губерн. вед. – 1905. – 23 нояб.
291. Союз 17 октября // Витеб. губерн. вед. – 1905. – 25 нояб.
292. Союз 17 октября // Витеб. губерн. вед. – 1905. – 4 дек.
293. Союз и партия // Витеб. голос. – 1905. – 29 дек.
294. Союз русского народа и Белорусский народный союз // Витеб. листок. – 1917. – 12 авг.
295. Списки членов различных комиссий фракции «Союза 17 октября» в Государственной Думе // ГАРФ. – Ф. 115. – Оп. 1. Д. 22.
296. Список Витебского Белорусского народного союза и Союза православных и единоверческих приходов Полоцкой епархии // Витеб. губерн. вед. – 1917. – 8 нояб.
297. Список отделений, местных организаций «Союза 17 октября» (1906–1912 гг.) // Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). – Ф. 115. Оп. 1. Д. 6.
298. Список членов Витебской ученой архивной комиссии // НИАБ. – Ф. 2771. – Оп.1. – Д. 153.
299. Статистические сведения о Витебской губернии (1914–1915) // НАРБ. – Ф. 60-П. Оп. 3. Д. 88.
300. Стенографические отчеты. Заседание 115 Стенографические отчеты. Заседание 115 // РГИА. – Ф. 1278. Оп. 4. Д. 221.
301. Стенографические отчеты. Заседание 12 // РГИА. – Ф. 1278. Оп. 4. Д. 20.
302. Стенографические отчеты. Заседание 13 // РГИА. – Ф. 1278. Оп. 4. Д. 21.
303. Стукалич, В. К. Ближайшая задача белорусов / В. К. Стукалич // Витеб. губерн. вед. – 1908. – 5 окт. – С. 3.

304. Стукалич, В. К. Вторая беседа с А. П. Сапуновым / В. К. Стукалич // Витеб. губерн. вед. – 1907. – 6 дек.
305. Стукалич, В. К. К вопросу об устройстве университета в Витебске / В. К. Стукалич. – Витебск : [б. и.], 1903. – 12 с.
306. Стукалич, В. К. Краткая заметка о белорусском наречии / В. К. Стукалич. – Витебск : Тип. Г. А. Малкина, 1898. – 21 с.
307. Стукалич, В. К. Н. Я. Никифоровский. Странички из недавней старины города Витебска / В. К. Стукалич. – Витебск : Губерн. тип., 1900. – 23 с.
308. Стукалич, В. К. Очерки и рассказы из жизни белорусской деревни А. Р. Пщелко. Вып. 1, изд. 2 / В. К. Стукалич // Витеб. губерн. вед. – 1907. – 26 янв.
309. Стукалич, В. К. Письма в редакцию / В. К. Стукалич // Витеб. голос. – 1906. – 7 нояб.
310. Стукалич, В. К. Фельетон «Западный край» / В. К. Стукалич // Рус. курьер. – 1886. – 21 мая.
311. Стукалич, В. К. (1858–1918) А. П. Сапунов. К предстоящему 25-летию его ученой и литературной деятельности / В. К. Стукалич. – Витебск : Губерн. тип., 1905. – 30 с.
312. Стукалич, В. К. Белоруссия и Литва. Очерки из истории городов в Белоруссии / В. К. Стукалич. – Витебск : Губерн. тип., 1894. – 62 с.
313. Стукалич, В. К. М. В. Довнар-Запольский. Из истории общественных течений в России / В. К. Стукалич. – Киев : [б. и.], 1905. – 6 с.
314. Теплова, В. А. История православия в трудах А. П. Сапунова / В. А. Теплова // Тр. Минск. духовной акад. – 2012. – № 10. – С. 207–216.
315. Трещенок, Я. И. Две белорусские национальные идеи (католический национал-сепаратизм и православная национальная идея) : заметки историка / Я. И. Трещенок // VII Междунар. Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные дням славянской письменности и культуры : материалы чтений, Минск, 22–24 мая 2001 г. : в 2 ч. / Европ. гуманит. ун-т, Бел. гос. ун-т культуры ; редкол.: А. Ю. Бендин (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Ковчег, 2002. – Ч. 1, Кн. 2. – С. 115–159.
316. У октябристов // Витеб. голос. – 1906. – 14 нояб.
317. У октябристов // Витеб. голос. – 1906. – 31 окт.
318. Уголовное дело №2751-п по обвинению Стукалича Владимира Казимировича в контрреволюционной деятельности за октябрь-декабрь 1918 г. // ГАВО. – Ф. 967. Оп. 2. Д. 1.
319. Удостоверения, анкеты, заявления, списки профессорско-преподавательского состава и служащих Витебского педагогического института 2 января – 9 августа 1924 года // ГАВО. – Ф. 204. Оп. 1. Д. 205.
320. Улащик, Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению Белоруссии феодального периода / Н. Н. Улащик. – М. : Наука, 1973. – 303 с.
321. Унучак, А. У. «Наша Ніва» і беларускі нацыянальны рух (1906–1915 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / А. У. Унучак ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2005. – 20 с.

322. Устав Виленского белорусского общественного собрания. – Вильно : Тип. «Артель Печатного Дела», 1911. – 20 с.
323. Устав Витебского церковного историко-археологического общества. – Витебск : [б. и.], 1916. – 8 с.
324. Учебные программы Витебского института народного образования за 1922–1923 учебный год // ГАВО. – Ф. 204. Оп. 1. Д. 130.
325. Учебные программы Витебского педагогического института на 1923–1924 учебный год // ГАВО. – Ф. 204. Оп. 1. Д. 173.
326. Філатава, А. М. Сапуноў Аляксей Парфенавіч / А. М. Філатава // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.] ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 2001. – Т. 6, Кн. 1. – С. 229.
327. Філатава, А. М. Сапуноў Аляксей Парфенавіч / А. М. Філатава // Асветнікі зямлі Беларускай: X – пачатак XX ст. : энцыкл. давед. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.] ; маст. У. М. Жук. – Мінск : БелЭн, 2001. – С. 369–370.
328. Формулярные списки служащих гимназии // НИАБ. – Ф. 2554. Оп. 1. Д. 782.
329. Функ, Ю. В. А. П. Сапунов: историко-этнографические исследования территории белорусских земель в произведениях конца XIX в. / Ю. В. Функ // Веснік БДУ. Сер. 3. – 2013. – № 2 – С. 7–11.
330. Хмельницкая, Л. В. Эволюция взглядов А. П. Сапунова на проблему самоопределения белорусов / Л. В. Хмельницкая // Русь – Литва – Беларусь. Проблемы национального самосознания в историографии и культурологии : по материалам Междунар. науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения Н. Н. Улащика, Москва, 31 янв. 1996 г. – М. : Наследие, 1997. – С. 120–130.
331. Хмяльніцкая, Л. В. Віцебскае старажытнасховішча: Епархіяльны музей або ўніяцкі збор? / Л. В. Хмяльніцкая // Беларуская-руская культурнае ўзаемадзеянне канца XIX – пачатку XX ст. / рэдкал.: В. Сяргеева [і інш.]. – Віцебск, 1995. – С. 160–165.
332. Хмяльніцкая, Л. Даследчык і краязнавец / Л. Хмяльніцкая // Браслаўс. звезда. – 1993. – 6 кастр. ; 9 кастр.
333. Хмяльніцкая, Л. У. Гісторык з Віцебска / Л. У. Хмяльніцкая. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2001. – 254 с.
334. Циркуляры МВД департамента полиции, Главного управления по делам местного хозяйства и т.п. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Ф. 103. Гродненское губернское по делам об обществах и союзах присутствие. Оп. 1. Д. 1.
335. Цьвікевіч, А. «Западно-руссизм»: нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. / А. Цьвікевіч ; пасляслоўе А. Ліса. – 2-е выд. – Менск : Навука і тэхніка, 1993. – 535 с.
336. Чарапіца, В. М. Са скарбніцы кніжных паліц: нарысы пра аўтографы даследчыкаў гісторыі Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX стагоддзяў / В. М. Чарапіца. – Мінск : БелНДЦДААС, 1994. – 157 с.
337. Черепица, В. Н. ... Не потерять связующую нить / В. Н. Черепица. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 420 с.

338. Черепица, В. Н. «Да будет услышан на Родине...». Преодоление времени : Исторические очерки и миниатюры / В. Н. Черепица. – Минск : БелНИИДАД, 1996. – С. 37– 73.

339. Чиншевое право // Витеб. губерн. вед. – 1911. – 27 марта.

340. Члены Государственной думы (Портреты и биографии). Первый созыв. 1906–1911 г. (Сессия продолжалась с 27 апреля по 9 июля 1906 г.) / сост. М. М. Боинович. – 2-е изд. – М. : Тип. Тов-ва И. Д. Сытина, 1906. – 512 с.

341. Члены Государственной думы (Портреты и биографии). Третий созыв. 1907–1912 г. / сост. М. М. Боинович. – 2-е изд. – М. : Тип. Тов-ва И. Д. Сытина, 1908. – 456 с.

342. Что такое «Белорусское Общество?» // «Белорусский вестник». – 1912. – 9 дек.

343. Что такое Беларусь // Витебский областной краеведческий музей (далее ВОКМ). – Кн. поступл. осн. фонда музея 7294 (1) / 1. – (Рукопись).

344. Что такое Беларусь // ВОКМ. – Кн. поступл. осн. фонда музея 7294 (1) / 2. – (Рукопись).

345. Чыгрынаў, П. Т. Грамадская думка ў Беларусі: палітыка-гістарычны аспект / П. Т. Чыгрынаў. – Мінск : Акад. МУС Рэсп. Беларусь, 1996. – 229 с.

346. Шелохаев, В. В. Партия октябристов в период первой русской революции / В. В. Шелохаев. – М. : Наука, 1987. – 160 с.

347. Шильднер-Шульднер, Н. Организация русских избирателей Витебской губернии к выборам 1907 года / Н. Шильднер-Шульднер // Витеб. губерн. вед. – 1907. – 6 янв.

348. Шумейко, М. Ф. Архивно-археологическая деятельность А. П. Сапунова / М. Ф. Шумейко // Архіўная спадчына як крыніца вивучэння гісторыі краю : матэрыялы архіўных чытанняў, прысвечаныя 150-годдзю з дня нараджэння А. П. Сапунова, Віцебск, 6–7 чэрв. 2001 г. / рэдкал.: М. У. Пішчулёнак [і інш.]. – Мінск ; Віцебск, 2002. – С. 30–34.

349. Шчарбакоў, В. К. Класавая барацьба і гістарычная навука на Беларусі / В. К. Шчарбакоў. – Мінск : Выд-ва Беларус. акад. навук, 1934. – 105 с.

350. Экстренное заседание ученой архивной комиссии // Витеб. губерн. вед. – 1912. – 12 янв.

351. Экстренное заседание ученой архивной комиссии // Витеб. губерн. вед. – 1912. – 12 янв.

352. Энциклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі : у 5 т / рэдкал.: І. П. Шамякін [і інш.]. – Мінск, 1987. – Т. 5. – С. 144.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Докладная записка и. д. председателя Витебского отдела «Союза 17 октября» В. К. Стукалича на имя П. А. Столыпина (19 августа 1907 г.)

На состоявшемся двадцатого июля текущего года общем собрании членов Союза 17 октября по обсуждению условий, созданных для русского населения Витебской губернии и всего Северо-Западного края, законом 3 июня 1907 года единогласно приняты были следующие резолюции:

а) возбудить перед правительством ходатайство о разделении съездов избирателей Витебской губернии на отдельные курии по национальностям по способу, разработанному Комитетом отдела;

б) присоединиться к ходатайству общего собрания русских выборщиков Витебской губернии и членов Витебского русского губернского избирательного комитета, мотивированному в докладной записке, поданной в марте текущего года на имя вашего высокопревосходительства: 1) о выделении русского населения Витебской губернии в особую курию и о предоставлении ему права избирать из своей среды самостоятельно четырех депутатов в Государственную думу, в соответствии с численностью русского населения губернии, и 2) о пополнении состава Государственного совета по одному члену от русского населения каждой из губерний Северо-Западного края, назначаемому государем из числа кандидатов избранных съездом русских землевладельцев Витебской губернии.

Мотивами приведенного постановления общего собрания Витебского отдела Союза 17 октября явились следующие соображения.

В собрании обсуждался вопрос о нынешнем положении русского населения вообще и в отношении избирательной кампании в частности, насколько оно может быть уверенным, что его законные представители найдут свое место в Государственной думе, которая, по мысли высочайшего манифеста 3 июня, должна быть русской и по духу. Было взято во внимание, что, согласно статистическим данным, – в основание легли данные переписи 1897 года, – русское население губернии составляет около 70% общего числа, следовательно, из шести членов Думы было бы вполне справедливо иметь этому коренному населению никак не менее четырех представителей.

Прежний избирательный закон совершенно не обеспечивал коренному населению Витебской губернии преобладания на выборах. В на-

стоящее время, с изданием нового избирательного закона, права русского населения по отношению к выборам опять остаются далеко не обеспеченными, что уже отмечены правой и умеренной печатью. Ввиду приблизительного равенства в площади русского и польского землевладения губернии и абсентеизма большого числа крупных русских землевладельцев, ввиду решительного преобладания евреев в городских куриях, ввиду национальной солидарности и сплоченности польской, латышской и еврейской групп, меньшей экономической обеспеченности, большей пассивности и разрозненности русских избирателей, в результате выборов может получиться такое явление, что губерния с 70% русского населения может в Государственной думе совершенно не иметь своего представителя или получить представителя не от большинства коренного, русского населения, а от меньшинства, угодного полякам и евреям, а не русским по духу людям.

Для избежания возможности такого печального исхода предстоящей избирательной кампании признана всеми необходимостью ходатайствовать о разделении на курии всех избирательных съездов Витебской губернии, причем в основание деления на курии съездов городских избирателей должно быть положено не число занесенных в списки избирателей, но общее число русского и инородческого населения городов.

Собрание нашло, что даже при положительном разрешении ходатайства о разделении на курии всех уездных и городских съездов по проекту комитета интересы русского населения еще не обеспечиваются.

Полученный таким образом перевес русских выборщиков на губернском съезде может быть легко ослаблен партийными разногласиями, достаточно будет небольшой части русских выборщиков войти в соглашение с инородцами, – вследствие неправильного взгляда на вещи или для достижения личных целей, – преобладание перейдет к нерусским элементам. Выход один – совершенное выделение русских выборщиков с предоставлением права самостоятельно избирать две трети из общего числа депутатов по губернии.

Затем было отмечено, что интересы Северо-Западного края сильно страдают вследствие одностороннего представительства в Государственном совете. Поляки, пользуясь своим перевесом в кругу крупных землевладельцев, проводят в Государственный совет исключительно поляков. Стоя на почве Основных законов и признавая всю важность и значение законодательной и контролирующей деятельности Государственного совета, собрание признало, что безусловно необходимо и

русскому населению губернии иметь своих представителей в Государственном совете, притом назначенных не по указанию местной администрации, представители которой меняются и не всегда в курсе дела, но из числа кандидатов, намеченных съездом русских землевладельцев губернии, обладающих цензом не менее пятисот десятин и образованием не ниже среднего.

В конце июля текущего года мною подана господину товарищу министра внутренних дел Крыжановскому докладная записка, в которой содержится ходатайство о разделении на предстоящих по закону 3 июня выборах избирателей Витебской губернии на курии по национальностям.

В исполнение второй половины постановления общего собрания Витебского отдела Союза 17 октября имею честь просить ваше высокопревосходительство войти к государю с представлением о частичном дополнении и изменении избирательного закона 3 июня 1907 года в пользу русского населения Северо-Западного края, согласно настоящего ходатайства, и о назначении членов Государственного совета от русского населения Северо-Западного края, по одному на каждую губернию, из числа кандидатов, намеченных съездом русских землевладельцев.

При сем прилагаю разработанные мною таблицы № 1, 2, 3, 4 и 5, наглядно иллюстрирующие группировку различных разрядов населения Витебской губернии и Северо-Западного края по национальностям.

Уголовное дело № 2751-п по обвинению Стукалича Владимира Казимировича в контрреволюционной деятельности за октябрь-декабрь 1918 г. // ГАВО. – Ф. 967. Оп. 2. Д. 1. Л. 40–41 об.

Законопроект «Об упразднении в Белоруссии последних остатков чиншевого владения и чиншевого права и выродившегося из него городского и местечкового домового арендного владения», внесенный в III Государственную думу 4 декабря 1907 г. депутатами-октябристами

1) На всем пространстве Белоруссии существующие там остатки чиншевого владения и чиншевого права и его порождения – белорусского городского и местечкового домового арендного владения – отменить.

2) Находящиеся в арендном владении у вечночиншевиков и у городских и местечковых домовладельцев-арендаторов земли выкупить

на государственный счет у их собственников: казенных, церковных, монастырских и общественных учреждений и частных лиц, с предоставлением выкупленных земель в собственность теперешним их владельцам-чиншевикам и арендаторам, с возложением на них возврата правительству в течение тридцати лет затраченных им на выкуп тех земель денежных средств.

3) Реформу эту и выкуп земель произвести на тех же самых основаниях и началах и тем же самым путем, способами и средствами, какими была произведена правительством в Привислинском крае такая же отмена чиншевого сельского, городского и местечкового владения и права, с государственным выкупом чиншевых земель в 1864–1870 годах по законам 19 февраля 1864 года, 28 октября 1866 года и 30 мая 1870 года, с некоторыми изменениями и приспособлениями сих законов, в деталях и подробностях, сообразно с местными белорусскими особенностями и изменившимися со времени 60-х годов условиями землевладения в Белоруссии и земельным ценами, на предмет определения выкупной их стоимости.

4) Для приобретения денежных средств на операции выкупа земель предоставить правительству выпустить внутренний заем, из 4 процентов на необходимую сумму, с погашением его в течение 30 лет.

5) Поручить правительству, в лице г. председателя Совета министров, в полугодовой со дня утверждения государем императором сего закона срок, по собрании всех надлежащих статистических и экономических сведений по вопросу о приспособлении вышеупомянутых законов 19 февраля 1864 года, 28 октября 1866 года и 30 мая 1870 года к современным белорусским условиям и земельным ценам, выработать и представить на утверждении Государственной думы подробные правила о производстве и стоимости выкупной операции по этой реформе.

Законотворчество думских фракций. 1906 – 1917 гг. : документы и материалы / под ред. П. А. Пожигайло. – М. : РОССПЭН, 2006. – С. 94–95.

Белорусские письма

V

Поляки в высшей степени заинтересованы открытием в городе Вильне высшего учебного заведения. По этому поводу ими возбужден

целый ряд ходатайств от всех классов общества; они не прочь даже принести значительные материальные жертвы, чтобы осуществить свое пламенное желание.

Чем же обуславливается горячность поляков в этом вопросе?

Не для кого, вероятно, не тайна, что преобладающую массу городского населения Северо-Западного края составляют евреи, а затем поляки.

Русские же в городах, если не принимать в счет военные сословия, составляют меньшинство. В составе сельского населения мы видим явление совершенно обратное. Там главную массу составляют русские – белорусы крестьяне. За белорусами идут поляки, которые составляют ничтожное меньшинство сельского населения и притом меньшинство, состоящее главным образом из крупных и мелких помещиков. Евреи в белорусских деревнях являются редким исключением.

Спрашивается, какие же классы общества и какие национальности могут дать контингент учащихся для высшего учебного заведения в городе Вильне, особенно если этим заведением, как об этом хлопочут поляки, будет политехникум?

Белорусские массы не могут выделить из своей среды даже самого незначительного процента лиц, которые могли бы поступить в политехникум. Этому помешает крайняя бедность белорусского населения и весьма невысокий уровень образования, не переходящий за пределы простой школьной грамотности. Евреи, не имеющие земли и не имеющие на нее права, в политехникум пока не пойдут. Русские землевладельцы в крае составляют настолько незначительный процент, сравнительно с землевладельцами-поляками, что тоже могут выделить в качестве учеников будущего политехникума может быть лишь несколько единиц. Русское чиновничество, представляющее собою наиболее подвижный элемент местного русского населения, даст политехникуму не больше людей, чем русское землевладение. То же самое можно сказать и о военных классах. Таким образом, единственными классами, которые сумеют использовать высшее учебное заведение в городе Вильне, явятся польские помещики и польская городская интеллигенция.

Поляки знают это совершенно ясно и поэтому употребляют все усилия, чтобы добиться своей цели. Помимо интересов чисто утилитарных, стремление местных поляков к открытию высшего учебного заведения именно в Вильне связано еще с узконациональными интересами.

Поляки очень хорошо помнят, какую выдающуюся роль сыграл в первой половине XVIII столетия печальный для нас, русских, памяти

Виленский университет, руководимый опытной рукой таких польских патриотов, как Черторьский, Чацкий и другие. Воскресить эти счастливые для польской национальности времена составляет заветную мечту поляков Северо-Западного края.

Те местные русские люди, которые ясно видят последствия, к которым может привести учреждение политехникума в городе Вильне, естественно протестуют против этой затеи, но поляки стараются истолковать эти протесты «варварством» русских, их межкультурностью, желанием тормозить вообще движение вперед, независимо от национального характера этого движения.

Чем кончится эта борьба – сказать пока трудно, но нам кажется, что учреждение политехникума в городе Вильне было бы одно из самых крупных наших национальных ошибок. Возможно ли на самом деле с легким сердцем затрачивать государственные средства на обеспечение высшим образованием горсти чуждого и враждебного нашей государственности элемента, – в то время, когда огромные массы местного русского населения – все белорусское крестьянство – до сих пор не выведено из первобытной тьмы невежества, когда для этого населения нет даже необходимого количества начальных школ, в которых оно могло бы получить хотя бы элементарную грамотность!

У нас в России образование вообще шло не теми путями, какими оно шло у других народов. Нормальный путь для нормального образования – это движение снизу вверх, а не сверху вниз. У нас оно шло сверху вниз. Пересаживая на русскую почву те результаты европейской образованности, которые там достигнуты были веками упорного труда, мы начали не с низших, а с высших учебных заведений, причем и в программах этих заведений придерживались европейских образцов, игнорируя свои национальные особенности. В результате на место патриотизма у нас насаждался космополитизм, с которым теперь придется бороться с таким трудом. Неужели теперь, когда старые ошибки несколько поняты, когда корень зла обнаружен, мы должны делать еще новые ошибки в отношении наших инородцев и, забывая свое коренное русское население, станем насаждать высшее образование в среде наших национальных врагов?

Каково отношение к коренному белорусскому населению средних учебных заведений нашего края, можно судить хотя бы по следующему случаю, имевшему место не далее, как в истекшем году, в той же Вильне. Один из служащих в управлении Польских железных дорог –

бывший народный учитель, белорус – подал в педагогический совет местной женской гимназии прошение о приеме в число воспитанниц гимназии его дочери, – но получил категорический отказ, только на том основании, что его дочь принадлежит к податному состоянию. Таким образом, в русской гимназии, содержимой на средства для дочери коренного местного русского человека только потому, что преобладающим положением в этом крае евреев и поляков, этому русскому человеку загражден был выход в другие сословия! В белорусских массах нет дворянства, нет купечества. Выход в дворянство загражден был белорусу поляками, а в купечество – евреями. Сто лет прошло с тех пор, как этот край перешел под власть Русской державы, и что же мы видим? Видим, что белорус и до сих пор несет на своей спине последствия того угнетенного и придавленного положения, в каком он находился во времена господства здесь Речи Посполитой!

Нормально ли то, что средние учебные заведения Северо-Западного края, содержимые на средства Русского государства, обслуживают почти исключительно интересы поляков и евреев и до сих пор остаются совершенно недоступными коренному местному русскому населению – белорусам? Нормальна ли такая прямолинейность классовой политики правительства, не допускающая изъятий даже там, где эти изъятия представляются совершенно необходимыми, где без таких изъятий государственные средства служат противогосударственным интересам?

Едва ли в Русском государстве найдется человек, который стал бы оспаривать ту истину, что единственную и наиболее прочную опору русской государственности и русской национальности в Северо-Западном крае дают белорусы, которые многовековыми страданиями подтвердили свою национально-русскую устойчивость и во времена польских восстаний 30 и 63 годов на деле доказали свою преданность русскому правительству. Что же заслужили они в награду за свою преданность? То, что до сих пор не только высшее, но даже среднее образование для них продолжает оставаться недоступным, что и теперь еще поляки и евреи пользуются теми преимуществами, какими они пользовались во времена своего здесь господства!

Естественно поэтому возбужденное настроение умов в сферах многочисленной белорусской интеллигенции, хотя бы в той же самой Вильне, при обсуждении вопроса об учреждении здесь политехникума. На возможность учреждения подобного учебного заведения они смотрят как на самый болезненный удар своим национальным интересам!

В этих кружках держится совершенно справедливое мнение, что те средства, какие необходимы на учреждение высшего учебного заведения, должны быть обращены на открытие в крае нескольких учительских семинарий, с сельскохозяйственными при них школами. Помимо того, что учительские семинарии являются до сих пор единственным путем для выделения из среды белорусских масс чисто народной русской интеллигенции, – эти учебные заведения ныне крайне необходимы еще и потому, что расширение сети начальных школ вызывает огромную потребность в педагогическом персонале, он теперь наполовину, если не более, состоит из лиц неспособных – другими словами, недостаточно подготовленных для исполнения своих обязанностей.

Кроме огромной потребности края в педагогическом персонале, местное белорусское население чрезвычайно нуждается в инструкторах и руководителях для подъема сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности. Что же касается специальных сельскохозяйственных школ для подготовки опытных сельскохозяйственных инструкторов, то, во-первых, на них нужны крупные средства; во-вторых, едва ли такие школы могли стать полезными для местного крестьянского населения. Опыт с ремесленными школами в Вильне и Гродне показал, что выпускаемые из этих школ опытные ремесленники немедленно же поглощаются крупным сельским хозяйством и фабрично-заводской промышленностью. Нашей белорусской деревне школы эти до сих пор не дали решительно ничего, несмотря на то, что они были учреждены исключительно с целью *развить в деревне ремесленные производства*. То же самое, несомненно, случится и со специалистами по сельскому хозяйству. Белорусское крестьянство слишком бедно, чтобы оно в состоянии было оплачивать каких бы то ни было специалистов; местное же польское крупное землевладение слишком богато для того, чтобы не использовать этих специалистов исключительно в своих интересах.

Таким образом, наиболее нормальным выходом из этого положения могло бы явиться снабжение сельскохозяйственными и техническими знаниями, хотя бы и элементарными, таких общественных элементов, которые в силу своего профессионального положения прикованы к деревне. Такими элементами являются сельские учителя и сельское духовенство. Попытки ввести начатки сельскохозяйственного и технического образования в учительских и духовных семинариях уже были, но они до сих пор не получили еще окончательного права гражданства. Если можно еще возражать что-нибудь против преподавания техниче-

ских знаний в духовных семинариях, то того же никоим образом нельзя сказать про народных учителей, которые во все время полевых работ в деревне сидят сложа руки и могли бы принести крестьянскому сельскому хозяйству огромную пользу, если бы снабжены были нужными для того сведениями.

Нужно надеяться, что *русская* Государственная Дума поймет важность этого рода соображений и не станет смотреть на протесты местных русских людей против учреждения в городе Вильне *польского* политехникума как на проявление *варварства и культурной отсталости*.

Белорусские письма. Письмо V // Московские ведомости. – 1908. – 18 марта. – С. 2.

Белорусские письма

VI

Вопрос об организации или мобилизации всех польских сил в Северо-Западном крае вызвал в польских органах печати оживленный обмен мнений, который благодаря горячности поляков скоро перешел в страстную полемику.

Полемика эта представляет собой глубокий интерес, так как она дает нам возможность ознакомиться с теми течениями, которые обнаруживаются за последнее время в местном польском обществе.

Ярко обрисовалось пока два противоположных течения: одно узкошовинистское, другое реалистическое.

Характерные особенности первого из этих течений рельефно обрисованы в статье некого г-на Богушевича, помещенной в газете «Виленский Гонец».

«Мы желали бы, – говорит в этой статье Богушевич, – чтобы в польском союзе оказалось все, что есть польского в нашем крае; мы хотели бы, чтобы этот союз был польским не только по имени, но и по духу, чтобы в нем не только говорили, но и мыслили, и чувствовали по-польски». «Говорить по-польски и быть поляком – это не одно и то же, – прибавляет автор. Совершенно иной характер будет иметь польскость у того, кто во время Муравьевских указов продавал свои мнения, сооружал православные церкви, занимал места в попечительствах церковно-приходских школ или в русификаторских попечительствах трезвости; другой характер польскость будет иметь у того, кто в это же самое время шел к де-

ревенским хатам с польскою книгою и нес за это наказание, отсиживал месяцы и годы в заключении или же вынужден был путешествовать в места не столь отдаленные. Если наша народная демократия взялась за борьбу, то борьба эта предпринимается не против какой-нибудь партии, не из каких-нибудь партийных интересов; она будет вестись против тех, которые хотя и считаются поляками по происхождению и по имени, но не желают этого признавать и делать из этого соответствующие выводы. С кем и против кого до сих пор боролись здесь “народовцы”? Боролись с теми, которые объявили нам, что они желают остаться поляками только культурно, а политически создают новую краевую народность Литвы и Белоруссии; они боролись из-за того, чтобы поляки, населяющие этот край, а затем и избранные от нас поляков депутаты сознавали и чувствовали свое единство со всем польским народом и вследствие этого сознания подчинялись обязательной для них солидарности с земляками других польских местностей; боролись из-за того, чтобы культурные учреждения, созданные на польские деньги, предназначались исключительно для удовлетворения потребностей польского населения и всех тех, которые тянутся к польской культуре, а не из-за того, чтобы они предназначались для общих целей или даже для несуществующей теперь культуры, которая неизвестно еще, разовьется или нет, а тем более неизвестно, в каком направлении она пойдет».

«Народные традиции, – говорит далее г. Богушевич, – являются для нас святыней, которую никто не в праве трогать. *В этих традициях уния Польши и Литвы занимает первенствующее место*. «Мы не забыли, – восклицает он, – о море крови, пролитой на защиту этого края; мы не забыли о том огромном количестве труда, который вложен нами в течение целого столетия в дело хозяйственного устройства этих провинций; мы не забыли и о том нашем общем прошлом, на котором лежит печать общей недоли, общего мученичества и общего богатства. Мы не можем равнодушно смотреть на то, что среди нас появляются люди, которые желают порвать с этими традициями, затоптать могилы отцов, забыть о нашей крови, пролитой в защиту этих традиций *еще сорок лет тому назад*. Мы желаем, чтобы для поляков, проживающих в нашем крае, Варшава и Краков были такою же святынею, как Вильно для варшавяка и краковяка; мы желаем, чтобы Польша была для него отечеством, в пользу которого он должен работать».

«Мы не желаем, чтобы польский союз был только механическим союзом людей, среди которых некоторые не желали бы даже признавать

себя поляками; наоборот, мы желаем, чтобы он явился организацией целого общества, объединившегося во имя интересов и идеалов польского народа, – идеалов, как политических, так и культурных. Мы не желаем, чтобы этот союз был тяжеловесною и неаккуратно собранною машиною, с колесами, движущимися в разные направления; но мы желаем, чтобы он явился сплоченною армией, которая в каждый данный момент могла бы быть мобилизована и направлена на работу во имя национальных интересов. Путь к этому мы видим только один – пробуждение национального самосознания в возможно широких слоях польского общества, в открытии борьбы против всех тех, которые мешают нам в этом труде».

К приведенной патриотической программе трудно что-нибудь прибавить; до того полно исчерпывает она мечты поляков снова воскресить старую Польшу от моря до моря, снова возобновить пресловутую унию Польши и Литвы.

Не все, однако, поляки сходятся на этой программе. В польском обществе очевидно нарождается новое течение; появляются люди, которые понимают всю утопичность подобной политической программы, всю несбыточность мечты о воскресении покойной Речи Посполитой, простирающей свои крылья на Белоруссию, Малороссию и Литву.

На какую платформу становятся эти более трезвые поляки, можно видеть из следующей ответной статьи г. Абрамовича, помещенной в «Курьере Литовском».

«Напрасно г. Богушевич вспоминает о тех, которые строили церкви и продавали свои имения: их была только горсточка и они меньше всего думали о нашем крае. Я не имею в виду также угодовцев, которые в тайных дипломатических отношениях с властями усматривали и усматривают единственное спасение. Не о правительстве и не об общем положении здесь идет речь – это вещи второстепенные; но только разгоряченная близорукость игнорировать тот факт, что современные Литва и Белоруссия также далеки от Литвы и Белоруссии времен Люблинской унии, как небо от земли».

«Если мы обратим внимание на произошедшие в последнее время изменения в группировке общественных сил, если примем во внимание этнографические особенности края, то нам придется только горько улыбнуться по поводу выступлений тех неисправимых мечтателей или закоренелых фанатиков, которые ничего не забыли, но и ничему не научились».

«В настоящее время, когда мы пеняем на недостатки избирательного закона, когда мы жалуемся на обидную для нас политику правительства, мы все-таки имели возможность послать из этого края семь депутатов поляков в Государственную Думу. Раньше или позже придет, однако, такое время, когда всеобщее голосование – воля народа – лишит нас и этого представительства. В городах над нами возьмут верх евреи, а в деревнях литовцы и белорусы. *Нас только горсть*, и, однако, несмотря на такое реальное положение вещей, нам продолжают постоянно говорить о традициях, об исторических заветах и проч. От нас требуют, чтобы мы отказались от всякой трезвой политической мысли и обманывали себя призраками больного воображения».

«Если мы желаем, чтобы название “поляк” не являлось в Белоруссии и Литве только синонимом минувших времен, если мы желаем, чтобы польская культура не потеряла последних точек опоры, а напротив подготовила бы для себя почву, приобретая друзей, то мы должны внимательно относиться к общности других народностей, населяющих наш край; мы должны крепко стать на почве гражданственности края и усиленно работать, чтобы заслужить симпатии народа. В противном случае мы останемся оторванной от почвы – маленькой и постепенно тающей горсточкой, посторонним налетом, который будет снесен первым дуновением общественной или политической бури».

Белорусские письма. Письмо VI // Московские ведомости. – 1908. – 22 марта. – С. 2.

Белорусские письма

VII

На первый взгляд, эти два течения представляются противоположными. На деле противоположность эта только кажущаяся. Как польские шовинисты, так и польские реалисты расходятся друг с другом только в вопросах тактики. Конечная цель у тех и других одна и та же: сохранить свое преобладающее положение в крае.

Шовинисты, опираясь на старопольские традиции, полагают наиболее целесообразным подогревать эти традиции и таким образом не дать польскому духу ослабеть до того времени, когда представится опять благоприятный случай обнаружить польское «богатство» в от-

крытой борьбе с Россией. Реалисты же говорят: нас только горсточка и какое бы богатство мы не проявляли, мы не будем иметь успеха пока не будем опираться на широкие массы народа. Для того же, чтобы опереться на эти массы, нам необходимо отказаться на время от варшавских и краковских святынь, прикрыть себя маскою культуртрегеров и подойти к белорусу с той стороны, с которой он меньше всего огражден от нашего влияния на него, – со стороны «подъема его экономического благополучия»...

В то время, когда между течениями идет борьба из-за целесообразности тех или других приемов тактики, с Прусской Познани несется клич: держитесь руками и ногами за ваши земли в Белоруссии и Литве; не упускайте ни одного клочка в руки «посторонних», т. е. тех же белорусов.

Клич этот слишком понятен всем полякам, как националистам, так и реалистам. Они очень хорошо сознают, что земля является опорой для польского преобладания в крае. Кто удержит в своих руках имущество края, тот удержит и капитал, и влияние.

Этого мало. В настоящий момент ввиду удара, нанесенного польскому землевладению, а следовательно, и польскому влиянию в Пруссии законом о принудительном отчуждении земель, поляки начинают понимать, что раньше или позже им придется двигаться по линии наименьшего сопротивления. Теснимые с запада, они неизбежно вынуждены будут подаваться на восток. Единственными путями для такого могут явиться только Белоруссия и Литва. Чрезвычайно важно поэтому, чтобы для такого движения не было в будущем серьезных препятствий в усилении русского землевладения в крае. Полякам очень хорошо известно, что каждый клочок земли, который перейдет в руки белорусов, назад в польские руки уже не возвратится. Необходимо поэтому предупредить такой переход во что бы то ни стало. В этом отношении польским землевладением в крае приняты все меры. Местные землеустроительные комиссии, несмотря на все свои старания, не могут раздобыть земли, необходимые для земельного устройства безземельных и малоземельных белорусов, так как польские помещики положительно отказываются пускать свои земли в продажу.

Надежной точкой опоры для такой выдержки является у польских помещиков Виленский Земельный Банк.

Каким образом этот Банк, открытый русскими людьми в интересах русского землевладения, перешел окончательно в руки поляков и

сделался опорным пунктом польского землевладения, – это покрыто мраком неизвестности. Но факт тот, что это финансовое учреждение сделалось в настоящее время учреждением исключительно национально-польским. Обладая огромными запасными капиталами, банк этот не останавливается ни перед какими жертвами, чтобы выполнить свою роль, и он ее выполняет. Несмотря на то, что задолженность польского землевладения в крае простирается в настоящее время до 180.000.000 рублей, что срочные платежи из года в год откладываются, что льготы, предоставляемые заемщикам полякам, угрожают даже прочности самого банка, последний все-таки уклоняется от своей роли – опорного пункта польского землевладения в крае.

В последнее время, однако, напряжение достигло таких размеров, что частичная парцелляция польского землевладения представлялась неизбежной. Польским помещикам предстояло одно из двух: или держаться до последней крайности и ожидать общего крушения одновременно и Виленского Земельного Банка и польского землевладения в крае, или же пойти на уступки, пустить часть своих крупных владений, чтобы спасти остальное.

Частично такая парцелляция в некоторых местах уже было началась, но принятие закона об отчуждении в Пруссии приостановило это движение. Поляки поняли, что раз закон будет проведен в жизнь, то в руках поляков могут очутиться такие капиталы, которых у них в настоящее время не было.

Цены на земли в Познани несравненно выше таких же цен в Белоруссии и Литве, и познанским землевладельцам можно будет ликвидировать свои дела далеко неубыточно. Но, очутившись с немецкими марками в карманах, познанские поляки могут оказаться потерянными для национальных польских сил, если они вздумают снова обратить свои капиталы в земельные имущества вне черты польской оседлости. Необходимо поэтому обеспечить им возможность уселиться в черте польской оседлости и в такой именно черте, на которую простираются «польские традиции». Такою именно чертою являются Белоруссия и Литва.

Удерживая за собою до последней крайности земли в этих окраинах, местные польские землевладельцы дождались такого времени, когда земли эти можно будет сбить в руки поляков же. Для польского народа безразлично, будет ли он двигаться на запад или на восток; важно лишь, чтобы он двигался сомкнутыми рядами, не распыляясь и не теряясь среди других народностей, и раз эти поляки не в состоянии

были противостоять натиску с запада, со стороны германского племени, они неизбежно должны будут двинуться по линии наименьшего сопротивления на восток – в сторону Литвы и Белоруссии.

В состоянии ли будут русские власти предупредить это движение? В наших ограничительных законах есть так много лазеек, и наши инородцы так изловчились пользоваться, что едва ли будет возможным предупредить усиление польского элемента в Западном крае выходцам из Познани. Если бы даже ограничительные законы по отношению к полякам удержались в своей силе еще продолжительное время, то и тогда поляки, в ожидании «проведения всех свобод», могли бы в обход крепостных актов совершить массу фиктивных сделок. Но в настоящее время поляки рассчитывают, что, во-первых, национальное направление в русском правительстве и в русской Государственной Думе продержится не долго; а во-вторых, что им удастся использовать славянофильское течение в русском народе, который, несомненно, сходится с поляками в общей антипатии к немцам. Насколько эти расчеты основательны, покажет недалекое будущее. В настоящее же время можно констатировать лишь тот несомненный факт, что белорусское население не видит в ближайшем будущем исхода из своего незавидного положения. Естественно поэтому, что в этом населении, по мере роста национального самосознания, начинает нарождаться не вылившийся пока еще в определенные формы протест против экономического и национального давления на него инородцев и против непонимания его бедственного положения со стороны широких слоев населения.

Белорусские письма. Письмо VII // Московские ведомости. – 1908. – 28 марта. – С. 2.

Белорусские письма

XXXIX

Чтобы дать русскому читателю ясное представление о том, почему даже враги русского народа вынуждены здесь работать в его пользу, мы считаем необходимым остановиться еще над вопросом: какие условия необходимы для пробуждения национального самосознания?

Первое и главнейшее условие в данном случае – это история. Для того, чтобы пробудить национальное чувство бессознательного или ма-

лосознательного человека, необходимо прежде всего познакомить его с его прошлым, с историей его предков. Пока человек темен, неграмотен и невежествен, он не может обращаться к истории, – она для него недоступна. Но как только он получает грамоту, он неизбежно должен натолкнуться на исторические обстоятельства, в которые поставлена была жизнь его предков. Этот-то именно пункт и оказался самым невыгодным и опасным для «польских нянек», так как вся местная история оказалась решительно против них. Какое огромное впечатление производит знакомство с историческими условиями Западного края, можно судить хотя бы по тому, что даже белорусы-католики, которых поляки считают уже, несомненно, своими, и те, познакомившись с историей своих предков, часто становятся во враждебные отношения к полякам и начинают понимать, что они сделались жертвою своего невежества и чужой скрытой политики. Таких примеров хоть и немного, но во всяком случае, они есть. Что же касается белорусов православных, которых поляки называют «этнографическим материалом», то у них хотя бы поверхностное знакомство с историей края производит решительное перерождение. Белорус, который хоть сколько-нибудь знаком с историей своих отцов и дедов и с теми условиями, при которых им приходилось жить под владычеством польских панов, становится уже совершенно неуязвимым для польской ассимиляции и для какого бы ни было сепаратизма.

Таким образом, для того, чтобы быть «белорусскими няньками», полякам понадобилось или совсем отказаться от истории и действовать в обход ей, или же работать самим против себя.

Даже в тех случаях, когда они обращались к истории, чтобы дискредитировать русское правительство, указывая на притеснения, чинимые им, полякам, они приносили себе несомненный вред, так как пробужденное любопытство белорусского юноши заставляло его искать ответ на вопрос о причинах тех или других исторических явлений, и если у него не было под рукою книги, не было поблизости образованного человека, который мог бы удовлетворить его любопытство, он обращался к своим же деревенским старожилам и те в ярких рассказах передавали ему о жите-бытье своих дедов и отцов и объясняли причину того, за что происходили столкновения между русскими и поляками.

Белорусские письма. Письмо XXXIX // Московские ведомости. – 1908. – 18 июля. – С. 2.

Белорусские письма

XLII

В письме XXXVI, помещенном в Московских Ведомостях от 14 июня, нами было сообщено, что 22 июня в городе Вильне имеет состояться белорусское национальное собрание, причем в этом же письме было указано на необходимость более тесного единения белорусской интеллигенции с православным западным духовенством.

Дата собрания, сообщенная нами по слухам, оказалась неточной, и поэтому спешим ее исправить. Собрание, как видно из особого извещения, помещенного в журнале Крестьянин, состоится 3 августа.

В указанном извещении, исходящим от Общества «Крестьянин», между прочим, говорится:

«От многих учителей и учительниц начальных народных училищ в Обществе «Крестьянин» получены письма с выражением готовности поработать в пользу родного народа; но дабы эта деятельность была более плодотворной, высказывается общее желание, чтобы где-либо было устроено общее собрание для обмена мнениями по этому вопросу и для выработки общего плана деятельности.

Общество «Крестьянин» с полною готовностью идет навстречу этому желанию и 3-го предстоящего августа устраивает в городе Вильне общее собрание своих членов, на которое приглашает и всех тех лиц, которые желали бы так или иначе участвовать в выполнении задач Общества, указанных в его уставе, то есть содействовать умственному и нравственному развитию крестьян Северо-Западного края, пробуждать в них *сознание свободных граждан России* и защищать на почве закона их экономические и нравственные интересы. Оно приглашает на собрание не только учителей и учительниц, которые получают настоящее извещение, но и вообще местную интеллигенцию, искренно желающую помочь сельскому населению в его духовном и экономическом развитии».

В том же извещении приводится и программа собрания. Она сводится к следующему:

- 1) Школьный вопрос – какая школа нужна народу и ее нужды.
- 2) Устройство библиотек и читален.
- 3) Местное самоуправление в крае.
- 4) Сельскохозяйственная культура – способы поднятия ее.
- 5) Потребительные общества и сельскохозяйственные склады.
- 6) Врачебная помощь.

7) Религиозно-нравственное воспитание народа и многие другие вопросы, относящиеся к благоустройству крестьян.

Некоторые из этих вопросов невольно останавливают на себе внимание.

Остановимся хотя бы на первом – «какая школа нужна народу?» Какая цель и какой смысл в обсуждении этого вопроса, который имеет общегосударственное значение, и та или другая постановка которого всецело зависит от центральных властей?

Начальная школа в нашем крае поставлена так же, как поставлена государственная школа во всех других областях государства, и едва ли Общество «Крестьянин» может внести в нее какие-нибудь реформы. Если вопрос это вставлен только для того, чтобы придать собранию несколько педагогический или учительский характер, то это едва ли целесообразно, так как в настоящее время в нашем крае, ввиду его исключительного этнографического положения, есть много вопросов гораздо более важных и сосредотачивающих на себе всеобщее внимание. Мы не допускаем, чтобы школьный вопрос на предстоящем собрании подвергнут был рассмотрению с национальной стороны, так как в программе вовсе нет национального пункта, который здесь должен быть поставлен во главу угла.

Последний пункт – «религиозно-нравственное воспитание народа» входит в область духовенства, о котором в извещении и в программе не упоминается ни слова, как равно не упоминается и о вероисповедном вопросе, имеющем такое громадное значение в крае в настоящее время, ввиду тяжелой борьбы, выносимой православием с католичеством.

Вообще, программа представляется нам не полной и едва ли собрание будет ее придерживаться.

Белорусские письма. Письмо XLII // Московские ведомости. – 1908. – 26 июля. – С. 1.

Белорусские письма

XLV

Нам уже приходилось отмечать неодинаковое отношение к вере и церкви со стороны интеллигенции католической и со стороны интеллигенции православной.

Не подлежит сомнению, что среди католиков есть немало людей индифферентных в деле веры, и, может быть, их не меньше, чем в каждой

другой народности. Однако нам ни разу не пришлось констатировать случая враждебного отношения интеллигентного католика к костелу или ксендзу, а тем более не приходилось наблюдать ни одного случая, где бы интеллигентный католик позволил себе дискредитировать ксендза в глазах простолюдина, где бы он действовал на этого простолюдина в смысле развития в нем религиозной индифферентности. Напротив, жизнь католического костела в этом крае показывает, что католическая интеллигенция не только всеми силами старается поддерживать авторитет ксендза и костела, но сама старается дать пример простолюдину почитания всего того, что исходит от костела.

Не то отношение к церкви мы наблюдаем среди местной православной интеллигенции – она очень редко пропускает удобный случай выставить православное духовенство в дурном свете и подорвать в простолюдине не только авторитет духовенства, но и авторитет веры и церкви.

Обуславливается это, по-видимому, непониманием той громадной роли, какую играют вера и церковь не только в религиозно-нравственном, но и в политическом отношении.

Поляки очень хорошо понимают, что положение польской национальности в этом крае только до тех пор будет прочно, пока здесь будет прочно католичество, и что всякий урон в католичестве неизбежно повлечет за собой урон в польской национальности. Вот почему они, независимо от своих личных религиозных убеждений, стараются всеми силами поддерживать ксендза и костел. Насколько эта тенденция у них сильна, можно наблюдать, прежде всего, при совершении религиозных процессий. Пышные религиозные процессии – это чисто местное явление не только в церкви католической, но и православной; разница однако та, что в католических процессиях принимает участие почти все католическое население, независимо от того или другого общественного положения, в православных же процессиях принимает участие преимущественно только простой народ.

Это главным образом и дает местным полякам основание говорить, что католическая вера – это вера «панская», а православная вера – вера «хлопская».

Национальные интересы должны бы заставить местную русскую интеллигенцию обратить на этот предмет самое серьезное внимание и по мере сил пойти на помощь православной церкви в борьбе с католичеством, так как борьба православия с католичеством – это борьба русской народности с народностью польской.

Кто в этом сомневается или этого не понимает, тому не мешает заглянуть в историю Западного края вообще и западно-русской церкви в частности. Познакомившись с этой историей, он совершенно ясно поймет, что только благодаря устойчивости простого народа к вере своих предков здесь сохранилась русская народность, только благодаря православию мы здесь теперь можем говорить о себе как о силе, силе русской, можем претендовать на роль хозяев в этом искони русском крае и не только можем претендовать, а несомненно при дружной работе и сделаемся хозяевами этого края не только юридически, но и фактически.

Для того, чтобы не давать возможность полонизму проникать в белорусские массы, необходимо иметь в виду, что место, которое в сердце народном занимают верования, не терпит пустоты. Если религиозный индифферентизм может удовлетворить образованного человека, то он никоим образом не может удовлетворить простолюдина. Отнимите у этого простолюдина православие, и его место немедленно займет католичество. Этого никогда не следует забывать. Тем же, кто относится безразлично и к православию, и к католичеству, не следует забывать еще и другую историческую истину, что в нашем западном крае за католичеством, как следствие за причиной, идет польский язык, польское самосознание и враждебность ко всему русскому.

Глубоко ошибаются те, которые думают, что белорус, сделавшись католиком, продолжает оставаться тем же белорусом. На деле это далеко не так. Вместе с католичеством в белорусскую семью проникает, прежде всего, ксендз – закоренелый враг не только православия, но и русской народности, русской государственности. Ксендз вносит в белорусскую семью польский молитвенник, польскую азбуку, польский язык и католический фанатизм.

Как бы вы не относились к вопросам веры и совести, но если вы не желаете иметь в вашем меньшем брате своего религиозного и национального врага, вы не должны игнорировать его религиозные верования и всеми зависящими от вас силами поддерживать в нем эти верования. Если вы находите недостатки в православной церкви и в православном духовенстве, то вы не должны упускать из виду, что настанет время реформ и в этой области, но из-за этих недостатков нельзя игнорировать национальных сил русской окраины.

Белорусские письма. Письмо XLV // Московские ведомости. – 1908. – 6 августа. – С. 1.

Устав «Белорусского общества» (ноябрь 1908 г.)

I. Цель Общества и район его деятельности.

§ 1. Белорусское общество имеет целью: а) поднятие в районе Северо-Западного края культурного и экономического уровня наиболее отсталой в культурном и экономическом отношениях белорусской народности, б) развитие в ней самосознания на началах русской государственности и в) примирение на почве справедливости и беспристрастия различных населяющих Северо-Западный край народностей.

§ 2. Для достижения указанной в § 1 цели, Обществу предоставляется с соблюдением всех узаконений и распоряжений правительства:

а) издавать газеты, книги, журналы и брошюры и устраивать библиотеки и читальни;

б) открывать учебные заведения;

в) устраивать платные и бесплатные публичные чтения, лекции, спектакли и вечера с разрешения всякий раз подлежащих властей;

г) открывать отделы Общества вне города Вильны в городах, местечках и селениях;

д) оказывать всяческое содействие белорусскому юношеству к получению среднего и высшего образования;

е) организовывать различные виды взаимопомощи.

II. Права и обязанности Общества.

§ 3. Общество имеет право приобретать движимые и недвижимые имущества и вступать во всякие, законом дозволенные сделки и обязательства на правах юридического лица.

§ 4. Защита интересов Общества на суде принадлежит уполномоченному Общества по уполномочию, выдаваемому Правлением оною.

§ 5. Члены Общества могут получать билеты, удостоверяющие их принадлежность к Обществу.

§ 6. Общество имеет свою печать с надписью «Печать Белорусского Общества». Печать хранится у председателя или секретаря.

§ 7. Общество подчиняется всем действующим и могущим быть изданными законоположениям и распоряжениям правительства.

III. Состав Общества.

§ 8. Общество состоит из действительных и почетных членов.

§ 9. Действительными членами общества могут быть белорусы без различия звания, пола и вероисповедания, а также великорусы и малороссы, сочувствующие задачам Общества.

Примечание: Членами Общества не могут быть: состоящие на действительной военной службе нижние воинские чины, несовершеннолетние учащиеся и лица, подвергшиеся ограничению прав по суду.

§ 10. Почетными членами Общества могут быть лица, оказавшие Обществу особые услуги и избираемые общим собранием.

§ 11. Лица, желающие поступить в члены Общества, подают о том заявления в Правление Общества, от которого и зависит разрешение вопроса о принятии или непринятии в состав Общества того или другого лица. В заявлении должно быть оговорено, что заявитель не ограничен в правах по суду.

Примечание: Впредь до избрания Правления обязанности его, предусмотренные § 11 устава, возлагаются на членов-учредителей.

§ 12. Члены Общества, не уплатившие членских взносов к сроку, который будет установлен Общим собранием, считаются выбывшими из состава Общества с сохранением, однако, права вновь вступить в оное на общем основании.

§ 13. Члены Общества, деятельность которых будет признана не отвечающей целям и задачам Общества, могут быть исключены из его состава по постановлению общего собрания.

IV. Средства Общества.

§ 14. Средства Общества составляются из членских взносов, пожертвований, доходов с капиталов Общества, сборов от вечеров, спектаклей, публичных лекций, продажи изданий и проч.

§ 15. Размер членского взноса определяется три рубля в год, причем в отдельных случаях Правлению Общества предоставляется право устанавливать размеры членских взносов и ниже трех рублей.

§ 16. Членские взносы уплачиваются при вступлении в члены Общества и затем ежегодно в сроки, которые будут установлены общим собранием. Внесенный членский взнос не возвращается, хотя бы член Общества выбыл из его состава и ранее годичного срока.

§ 17. Порядок хранения и расходования сумм Общества, а также порядок ведения отчетности определяются особыми инструкциями, которые должны быть выработаны первым общим собранием.

V. Управление делами Общества.

§ 18. Делами Общества заведуют: а) общее собрание членов Общества и б) Правление Общества.

A. Общие собрания.

§ 19. Общие собрания бывают обыкновенные и чрезвычайные.

§ 20. Первое общее собрание созывается немедленно после утверждения настоящего устава и составляется из членов учредителей, а также из тех членов, которые вступят в члены до дня созыва общего собрания.

§ 21. Обыкновенные общие собрания созываются не менее одного раза в год, чрезвычайные же – в случае надобности для разрешения неотложных вопросов, не разрешенных Правлением или превышающих его власть. Общие собрания созываются по постановлению Правления, по требованию ревизионной комиссии, по требованию не менее одной десятой части числа членов, проживающих в гор. Вильне, а также по требованию редактора или издателя изданий Общества.

§ 22. Председатель Правления открывает общее собрание, но председательствовать на нем не может. Каждое общее собрание избирает из своей среды особого председателя. Когда в общем собрании рассматриваются отчеты Правления или слушаются какие-нибудь жалобы на его действия, то председателем собрания не может быть лицо, принадлежащее к составу Правления.

§ 23. Общее собрание считается состоявшимся, если на нем присутствуют не менее одной пятой части числа членов, проживающих в городе Вильне. Если собрание не состоится за неприбытием указанного числа членов, то оно назначается вторично в срок, определяемый собравшимися членами и считается состоявшимся при всяком числе наличных членов.

§ 24. Дела в общем собрании решаются простым большинством голосов, за исключением вопроса об исключении из Общества членов и о закрытии Общества, для разрешения которых требуется не менее двух третей голосов, присутствующих на общем собрании членов.

§ 25. Все выборы производятся в общем собрании закрытой баллотировкой путем подачи записок.

§ 26. Предметы занятий общих собраний:

а) избрание председателя общего собрания, почетных членов Общества, членов Правления и ревизионной комиссии;

б) рассмотрение и утверждение годовых отчетов Правления, казначея, издателя и доклада ревизионной комиссии;

в) разрешение вопросов об изменении и дополнении устава;

г) разрешение вопросов об отчуждении или приобретении имущества;

д) утверждение инструкций для Правления, ревизионной комиссии, издателя и других должностных лиц Общества;

е) исключение из состава Общества членов по § 13;

ж) общее направление деятельности Общества и

з) разрешение всех вообще вопросов, вносимых на разрешение общего собрания Правлением, ревизионной комиссией, редактором, издателем и другими членами Общества, поскольку эти вопросы не будут выходить из пределов, предусматриваемых настоящим уставом.

§ 27. О месте и времени, назначенном для созыва общего собрания, председатель Правления своевременно дает знать начальнику полиции в срок, сказанный в законе.

§ 28. Предложения общего собрания о дополнении и изменении устава Общества представляются Правлением на утверждение тем же порядком, каким утвержден и настоящий устав.

Б. Правление Общества.

§ 29. Правление Общества состоит из 10 членов, избираемых общим собранием из своей среды сроком на два года.

§ 30. По истечении одного года со дня открытия Общества 5 членов Правления выбывают из его состава по жребию, а на их место избирается столько же новых членов. В следующие же годы ежегодно выбывают из состава Правления лица, прослужившие в оном два года.

§ 31. На случай продолжительного отсутствия или выбытия членов Правления ранее того срока, на который они избраны, общее собрание избирает кандидатов к ним в числе 5 человек сроком на два года. Кандидат, вступающий в состав Правления, остается в нем до того срока, на который был избран выбывший член Правления.

§ 32. Правление общества ежегодно избирает из своей среды: председателя, его товарища, казначея, секретаря, издателя и редактора. Должности издателя и редактора могут быть совмещаемы с другими должностями.

Примечание: Редактор и издатель вступают в исполнение своих обязанностей лишь после того, как ими будут получены надлежащие разъяснения со стороны подлежащих властей, согласно существующим законоположениям.

§ 33. Члены Правления несут свои обязанности безвозмездно, за исключением редактора и издателя, которым Правление может назначить содержание по взаимному соглашению с ними.

§ 34. Правление Общества собирается не менее одного раза в неделю по приглашению председателя и по требованию не менее одной трети членов Правления.

§ 35. Для действительности заседания правления требуется присутствие в нем не менее половины членов, считая в том числе и председателя. Решения Правления принимаются простым большинством голосов присутствующих. При равенстве голосов голос председательствующего дает перевес.

§ 36. Правление Общества помещается в г. Вильне, где сосредотачивается и издательская деятельность Общества.

§ 37. На обязанности Правления возлагается:

- а) распределение занятий между членами по взаимному между собой соглашению;
- б) попечение об увеличении средств Общества и развития его деятельности;
- в) заведывание имуществами и капиталами Общества;
- г) заведывание изданиями и учреждениями Общества, наем служащих в них, определение им содержания и составление им инструкций, а также наблюдение за их деятельностью;
- д) ведение списков членов Общества;
- е) наблюдение за своевременным поступлением годовых членских взносов и исключением из состава Общества лиц, не уплативших означенных взносов к установленному сроку;
- ж) ведение счетоводства и делопроизводства Общества;
- и) наблюдение за исполнением устава Общества;
- к) сношения с подлежащими местами и лицами от имени Общества;
- л) созыв общих собраний Общества;

м) составление и представление на утверждение общих собраний отчетов о суммах и деятельности Общества;

н) исполнение постановлений общих собраний;

п) рассмотрение заявлений и предложений отдельных членов Общества;

р) рассмотрение и разрешение тех вопросов, которые будут внесены на рассмотрение Правления, редактором и издателем Общества;

с) представление на разрешение общего собрания вопросов, не разрешенных Правлением или выходящих из пределов его компетенции и предварительная разработка всех вообще вопросов, вносимых на решение общего собрания.

§ 38. Председатель Правления созывает членов в заседания Правления и общих собраний, руководит совещаниями в заседаниях Правления, следит за исполнением устава, а также постановлениями Правления и общих собраний, равно за общим ходом дел Общества, и подписывает все исходящие от Общества бумаги за скрепою секретаря или казначея по принадлежности.

§ 39. В случае болезни или отсутствия председателя Правления его права и обязанности переходят к его товарищу. В случае отсутствия и сего последнего в заседаниях Правления председательствует один из членов по взаимному соглашению.

§ 40. Секретарь заведует письмоводством по делам Общества, составляет протоколы заседаний Правления и общих собраний, ведет алфавит членов Общества, скрепляет исходящие от Общества бумаги и составляет годовой отчет о деятельности Общества.

§ 41. Казначей принимает поступающие в Общество денежные взносы и пожертвования, производит по распоряжению председателя, основанному на постановлениях Правления и общих собраний, все денежные операции и выдачи денег, ведет приходно-расходные книги и составляет годовой отчет о денежных оборотах Общества.

§ 42. Редактор следит за содержанием и направлением всех исходящих от имени Общества изданий и является ответственным за них лицом, как перед Обществом, так и перед подлежащими властями.

§ 43. Издатель заведует всею материальной частью изданий Общества, всеми учреждениями, связанными с издательской деятельностью, и заботится о распространении этих изданий.

§ 44. Подписная плата за издания Общества и деньги, выручаемые от продажи таковых, принимаются издателем, который и ведет им осо-

бую отчетность. Раз в месяц издатель вносит накопившуюся у него сумму в кассу Общества и докладывает Правлению о положении издательского дела, а в конце года составляет и представляет общему собранию годовой отчет по издательству.

§ 45. Гонорар сотрудникам устанавливается редактором по соглашению с Правлением Общества.

§ 46. Разногласия между редактором и издателем разрешаются Правлением Общества, а разногласия между этими лицами и Правлением вносятся на разрешение общего собрания.

§ 47. Ревизионная комиссия из трех членов избирается общим собранием на один год. Председатель комиссии избирается членами оной из своей среды. К членам ревизионной комиссии избираются тем же порядком на тот же срок два кандидата.

§ 48. Ревизионная комиссия обязана раз в месяц контролировать суммы, имущества и книги Общества, а также издательские предприятия Общества.

§ 49. О результатах ревизии ревизионная комиссия составляет отчет, который и докладывает общему собранию.

VI. Закрытие Общества.

§ 50. В случае закрытия Общества по постановлению общего собрания или по распоряжению подлежащих властей капиталы со специальным назначением передаются по принадлежности, а все прочее имущество поступает в распоряжение Общества взаимопомощи народных учителей Виленского учебного округа.

Устав Белорусского общества. – Вильно : Тип. «Артель Печатного Дела», 1909. – 16 с.

Платформа «Белорусского общества» (декабрь 1908 г.)

Общее собрание «Белорусского общества» в заседании 21 декабря, подвергнув обсуждению вопрос о тех задачах, которые намечены уставом общества, и об общем направлении его деятельности, пришло к заключению, что, кроме интересов общих со всем русским народом, у бе-

лорусской народности имеются еще и свои особые интересы, обуславливаемые географическим положением Белоруссии на окраине России, близким соседством с другими культурными народностями, разнообразием этнографического, классового и вероисповедного состава населения и особым законодательством, созданным специально для этого края в ограждение здесь русских интересов. А потому ближайшею задачею «Белорусского общества» должно быть выяснение характера и границ этих интересов и изыскание средств к их защите.

Определяя характер и границы интересов белорусской народности, общее собрание пришло к следующим выводам:

1. Так как белорусы в настоящее время благодаря своей принадлежности к двум вероисповеданиям – православному и католическому – представляются разрозненными и не объединены сознанием общности своих интересов, то ближайшая задача «Белорусского общества» должна заключаться в том, чтобы объединить всех представителей этой народности без различия сословия, звания и вероисповедания на одной национально-культурной платформе, что может быть достигнуто полным уважением к свободе совести каждого из членов белорусского общества, к какому бы вероисповеданию он ни принадлежал, и проведением в сознание масс того взгляда, что вероисповедание не должно служить почвою для национального самоопределения.

2. Принимая во внимание: 1) что белорусская интеллигенция, как православная, так и католическая, до сих пор получала образование исключительно на русском языке и что, следовательно, язык этот является для всех наиболее общим, 2) что белорусский язык в силу исторических условий был задержан на несколько столетий в своем естественном развитии и представляется недостаточно разработанным для приобщения белорусов к богатым приобретениям современной общечеловеческой культуры, – общее собрание полагает, что наиболее соответственным орудием культурной деятельности «Белорусского общества» и культурного развития белорусской народности может явиться только язык русский.

В то же время члены «Белорусского общества» должны оказывать самую горячую поддержку всяким попыткам к собиранию народного творчества на белорусском языке и оказывать всяческое содействие к развитию этого творчества, поскольку оно будет совершаться самостоятельно и независимо.

3. Имея в виду: 1) что белорусская народность составляет нераздельную часть русского народа и вне единения с остальными русскими

племенами не может иметь самостоятельного и независимого исторического и политического будущего; 2) что русский народ, добившись правового строя государства, вышел из состояния гражданского рабства и имеет возможность подвигаться вперед к лучшему и более светлому будущему; 3) что это лучшее будущее легче всего может быть достигнуто, если все русские племена, объединенные одним общим чувством любви к отечеству, будут действовать солидарно, – общее собрание полагает, что единственным верным историческим путем для белорусской народности может быть только путь единения ее с остальными русскими племенами – великорусским и малорусским для совместного с ними труда над дальнейшим развитием начал гражданской свободы.

4. Вводя в свой устав пункт: «примирение на почве справедливости и беспристрастия различных населяющий Северо-Западный край народностей», общее собрание полагает, что такое примирение может быть достигнуто лишь точным и ясным разграничением прав этнографического большинства и этнографического меньшинства. Разделяя положения, принятые на славянском съезде в Праге, что в каждой данной местности преобладание должно быть предоставлено этнографическому большинству и что ни высокая культура, ни материальная обеспеченность меньшинства не дают ему права на такое преобладание, общее собрание полагает, что законным правом на преобладание в своей родной стране должно пользоваться белорусское большинство и что это преобладающее положение может быть обеспечено в крае за белорусами: 1) предоставлением населению края всеобщего избирательного права как при выборах в центральные законодательные учреждения, так и при выборах в местные учреждения – городские и земские; 2) полным уничтожением цензовых начал при выборах в городские и земские самоуправления.

5. Имея в виду, что польское меньшинство в Белоруссии, являвшееся здесь в свое время правящим классом и на основании известных традиций считающее Белоруссию польской провинцией, не обнаруживает намерения отказаться от ассимиляции белорусской народности с польскою, общее собрание полагает, что обязанность «Белорусского общества» бороться против такого стремления всеми зависящими от него средствами.

Проводя демаркационную черту между Царством Польским и Белоруссиею, общее собрание признает, что, поскольку поляки в черте своей этнографической оседлости вправе протестовать против преоб-

ладания там русского меньшинства и подавления польской национальности, постольку же белорусы в черте своей этнографической оседлости вправе протестовать против попыток здесь польского меньшинства пользоваться своими культурными и экономическими преимуществами для того, чтобы приносить национальный ущерб белорусской народности.

6. Отстаивая права белорусского большинства на преобладание в Северо-Западном крае, общее собрание полагает, что принадлежащее к другим национальностям меньшинство не может быть лишено тех гражданских прав, которые принадлежат всякому гражданину правового государства.

7. Принимая во внимание, что масса белорусского народа состоит почти исключительно из крестьянства, что никаких других классов, за исключением небольшого процента православного и католического духовенства и мелкого чиновничества, в этой народности нет, что, следовательно, белорусская народность представляет собой одну сплошную демократическую массу, общее собрание признает, что в основу деятельности «Белорусского общества» должны быть положены демократические начала, во имя которых и должно развивать свою деятельность общество.

8. Принимая во внимание: 1) что средние учебные заведения, содержимые, главным образом, на средства белорусской народности, расположены исключительно в городах и могут обслуживать интересы только городского населения, 2) что, благодаря особым историческим и экономическим условиям, белорусское население сосредоточилось почти исключительно в сельских местностях и не может пользоваться средними учебными заведениями, вследствие чего выделение из среды белорусской народности так необходимой ей в настоящее время интеллигенции не только затруднено, но почти невозможно, между тем, только путем широкого распространения образования возможно поднять культуру края, общее собрание считает настоятельно необходимым перенесение соответственной части средних учебных заведений в сельские местности, населенные белорусами, и понижение до минимума стоимости среднего образования.

9. Принимая затем во внимание, что для подобного перемещения средних учебных заведений может потребоваться продолжительное время, между тем, белорусская народность без явного вреда для развития своих национальных сил не может оставаться в том положении

в отношении среднего образования, в каком она находится в настоящее время, общее собрание признает настоятельно необходимым открытие в крае хотя бы двух средних учебных заведений (мужского и женского), предназначенных исключительно для белорусского юношества – для детей народных учителей, большинство которых лишено возможности дать своим детям среднее образование, для детей других представителей белорусской сельской интеллигенции и крестьянских, выдающихся по своим способностям.

10. В виду того, что огромная площадь белорусских земель перешла в руки пришлого польского элемента, явившегося сюда в свое время в качестве правящего класса, что благодаря недостатку земли и культуры в белорусских деревнях развивается подавляющая нищета, которая ведет целую народность к физическому вырождению, что благодаря той же причине массы белорусов эмигрируют в Америку и в Сибирь, уменьшая численность основной национальной группы, что благодаря классовой аграрной политике правительства истекшего столетия крупное польское землевладение могло в течение последних со-рока лет проводить свой национальный лозунг: «ни пяди земли в пользу посторонних», считая в числе посторонних также и белорусов, и сумело удержать в своих руках всю ту площадь земли, которая осталась за ним после раскрепощения крестьян, что попытки русского правительства того же периода насадить на место крупного польского землевладения крупное же русское и даже немецкое землевладение были направлены против самых насущных интересов белорусской народности, которая имела и имеет преимущественное право на свое национальное достояние, что до сих пор не было создано и приведено в полную ясность то положение, что национальная борьба в Белоруссии является в то же время и борьбой классовой, что, поддерживая класс крупных земельных собственников, наше правительство собственными руками создавало то, что известно в настоящее время под именем польского вопроса в Белоруссии, что подобная же политика отчасти продолжается и в настоящее время стеснением мирной экономической борьбы между мелким белорусским землевладением и крупным польским, что при этих условиях и при крайне невыгодном для крестьян земельном кредите, который предоставляется населению Крестьянским поземельным банком, земельные, а следовательно и национальные отношения в крае не могут измениться в пользу белорусской народности, что пока аграрная политика в крае будет носить на себе прежний классовый характер, до

тех пор никакие ограничительные меры, направленные против польского элемента в крае, не приведут к цели, как не привели до настоящего времени, – общее собрание полагает, что обязанность «Белорусского общества» всемерно стремиться к тому, чтобы выяснить существующее здесь положение вещей, добиться изменения в крае аграрной политики правительства и создания таких условий, при которых белорусскому крестьянину облегчилась бы возможность расширить пределы своей земельной собственности, а польский элемент не имел бы возможности удерживать крупную земельную собственность в своих руках лишь во имя польских национальных лозунгов.

11. Останавливаясь на тех средствах, которые могли бы повести к постепенному сокращению крупной земельной собственности и к постепенному же расширению мелкой – белорусской, общее собрание полагает, что такими средствами могут явиться: 1) введение прогрессивного подоходного налога на земельные имущества, 2) облегчение условий земельного кредита для крестьян и 3) поднятие в крае сельскохозяйственной культуры.

Платформа «Белорусского О-ва» // Белорусская жизнь. – 1909. – 9 февраля. – С. 3.

**Передовая статья газеты «Белорусская жизнь» –
воззвание «К белорусской интеллигенции»
(9 февраля 1909 г.)**

Выпуская в свет настоящий первый номер своего органа печати, «Белорусское общество» хотело бы высказать в нем все, что веками накопилось в душе белоруса и что не было высказано открыто во всеуслышание. Но высказать все в одном номере невозможно, слишком уж много боли и слез накопилось в коллективной душе страдавшей белорусской народности, слишком уж много вынесла она на своих плечах тяжелого исторического, национального и экономического гнета.

Оглядываясь на прошлое нашего народа, мы видим одну сплошную мрачную картину порабощения, гнета и разорения, картину расхищения нашего национального достояния, наших материальных и духовных богатств, картину беспощадной борьбы политической, национальной и религиозной. В этой борьбе мы, белорусы, играли роль тех несчастных

слуг, про которых наша народная пословица говорит: «паны дерутся, а у слуг чуприны летят».

Наши белорусские чуприны всегда отвечали за то, что мы волею судьбы поставлены были между вечно враждующими племенами, между вечно враждующими религиями.

Принимали ли мы, белорусы какое-нибудь участие в этой борьбе?

Нет, или почти нет. Мы были только наковальной, на которой история выковывала для нас же цепи рабства.

Было время, когда белорусское племя, подобно другим славянским племенам, развивалось самостоятельно и независимо. Но время это относится к отдаленному удельному периоду русской истории. Дальше Белая Русь попадает под власть Литвы, и белорусская народность в соединении с литовской образуют сильное государство под названием «Великого княжества Литовского».

Это был лучший и наиболее светлый период в истории нашего народа. Литовцы в культурном отношении стояли ниже белорусов и потому постепенно усваивали белорусский язык, белорусские обычаи и белорусский образ жизни. У белорусской народности в это время был уже значительный класс своей национальной белорусской интеллигенции, которая являлась носительницей национального самосознания и выразительницей культурных особенностей белорусского народа. Интеллигенция эта не была отрезана от народа – она жила с ним одною жизнью, верила одними верованиями, говорила одним и тем же белорусским языком. Язык этот получил в Великом княжестве Литовском права языка государственного и сделался языком литовского правительства, языком литовского законодательства. Древние акты литовских судов, собранные в громадном количестве в Виленском центральном архиве, ясно свидетельствуют о том, как жила Белая Русь, каким языком она говорила.

Класс белорусской интеллигенции стоял во главе управления страной и мог обеспечить белорусской народности путь правильного исторического и культурного развития. И если бы судьбе не угодно было заградить этот путь, свернуть его в сторону, то весьма вероятно, что мы, белорусы, в настоящее время были бы самым сильным, самым культурным и самым свободным народом в Восточной Европе.

Но судьба судила иначе. Литва пошла на соединение с Польшей, и в нашем крае начали появляться поляки. Это не был польский народ, это были польские паны, это была та правящая польская олигархия, под

гнетом которой также стонал и польский народ. Олигархия эта явилась сюда владеть, править и господствовать. Она начала с того, что внесла в свободную демократическую Литву те же начала государственности и общественности, какие были в то время в Польше, т. е. неограниченную свободу правящего класса – шляхты и полное порабощение народных масс. Она захватила в свои руки все белорусские земли и водворилась на них в качестве правящего рабовладельческого класса, она постепенно привила рабовладельческие инстинкты и передовым слоям белорусской и литовской народностей, и эти слои, усвоив польский язык и польскую культуру, оказались навсегда отрезанными от своего народа. Народ этот остался без руководителей. Потеряв таким образом свою интеллигенцию, свои образованные культурные классы, белорусский народ вместе с тем потерял и значительную долю своего национального самосознания, своей национальной устойчивости.

Потерпев ущерб в национальном самосознании, белорусский народ превратился в то, чем он остается и до настоящего времени – в «этнографический материал», пригодный только на то, чтобы быть проглоченным другими более сильными и более культурными народами.

Таково было положение белорусов под польским владычеством. Не многим изменилось оно и с переходом Белой Руси под владычество русское.

В первые десятилетия после раздела Польши никаких перемен в Белой Руси не произошло. Те же польские паны продолжали править белорусским народом по-прежнему. Далее сюда постепенно начали прибывать обрусители – те же паны, но только, с другой стороны. Это были русские чиновники, представители русского дворянства, которые направлялись сюда защищать «русское дело», не забывая и своих интересов.

Между новыми пришельцами и старыми завязалась упорная борьба. Русским панам хотелось выжить отсюда панов польских, но не для того, чтобы облегчить положение нашего народа, а для того, чтобы самим сесть на место своих предшественников и владеть, и править белорусами на прежних основаниях.

Когда во время польских восстаний конфисковались имения польских помещиков, то их отдавали не белорусским крестьянам, которым земли эти принадлежали по исконному праву коренных жителей страны, а отдавали русским чиновникам, немцам, французам, татарам и вообще всякому сброду, но только не тем, чьи предки жили на этой земле

и работали на ней. И это расхищение нашего достояния совершалось во имя защиты нас от польского ига.

С освобождением крестьян от крепостной зависимости положение белорусов несколько облегчилось. Но народность, которую давили в течение целых 400 лет, не могла сразу стать в уровень с другими народностями, не могла сразу наверстать то, что было потеряно и упущено за такой продолжительный период рабства и застоя; у нашего народа уже не было ни своих образованных классов общества, ни своего литературного языка, ни своей науки, ни своей культуры, от всего прошлого у него остались только... «поп да хлоп», как сатирически отзываются о нас наши друзья с востока и с запада, осталась десятиллионная масса простого крестьянского люда, который и теперь еще не знает кто он, куда идет, к чему стремится, чего желает. Единственное, что эта масса совершенно ясно принимает и о чем совершенно сознательно говорит, так это то, что уже она слишком бедна, что у нее не хватает земли, не хватает хлеба.

Но отчего она бедна, отчего она дошла до такой материальной и духовной нищеты и убожества, это она едва ли ясно понимает. Для понимания причин своего бедственного современного положения у массы белорусского народа не хватает умственного развития, не хватает образования. А от образования белорусская народность тоже отрезана, так как все учебные заведения сосредоточены в городах, занятых в Белоруссии другими народностями – поляками, евреями, немцами. Если в наших городах и попадает белорусский элемент, то разве в качестве курьера, дворника, сторожа, городского или мелкого чиновника, не имеющих средств на образование своих детей.

При таких условиях белорусский народ не может выделить из своей среды сильного, образованного класса, который мог бы стать во главе национального движения. Только при посредстве низшей народной школы, уездных и городских училищ, да учительских семинарий и учительских институтов в последние десятилетия белорусская народность начала выделять из своей среды национальную интеллигенцию, близкую народу по крови и духу. Хотя интеллигенция эта еще слаба и малочисленна, но все же она начинает сознавать самое себя, начинает сознавать, что она питается крохами, падающими с ее собственного стола, в то время, когда за этим столом сидят чужие незваные и непрощенные гости, которые привыкли считать себя хозяевами нашей страны, а на нас смотрят как на своих покорных слуг. Эта интеллигенция

начинает сознавать необходимость объединения и сплочения своих сил для отстаивания своих кровных интересов, для отстаивания интересов того народа, который вскормил ее своим черным хлебом, вспоил своим толоком, воспитал на свои медные трудовые гроши и поставил впереди себя.

В среде такой именно белорусской интеллигенции и зародилась мысль об организации «Белорусского общества», цель которого сплотить воедино те слабые еще интеллигентные силы, какими располагает белорусская народность в настоящее время, обдумать совместно свое положение и общими силами наметить пути и средства для выхода из своих затруднительных обстоятельств.

В деле общения между собою белорусская интеллигенция тоже поставлена в особо неблагоприятные условия. В то время, когда интеллигенция других народностей, концентрируясь главным образом в городах, легко может обмениваться мыслями и впечатлениями, интеллигенция белорусская, разбросанная по деревням по всему краю, лишена возможности непосредственного общения друг с другом.

Таким образом, единственным средством общения между собою белорусской интеллигенции, единственным средством обмена мыслями по интересующему каждого из нас вопросу может быть только своя собственная белорусская газета.

В отношении газеты мы опять-таки поставлены в исключительно неблагоприятные условия.

В то время, когда другие народности, населяющие нашу страну, – поляки, литовцы, евреи, будучи сравнительно с нами белорусами весьма малочисленными, имеют по несколько своих органов печати и могут свободно обсуждать каждую мелочь своей национальной жизни, у нас белорусов до сих пор нет ни одной своей независимой ежедневной газеты.

Чем же объяснить этот недочет в нашей национальной белорусской жизни?

Когда возникло «Белорусское общество», когда общим собранием признано было, что без своего собственного органа печати общество останется мертвым и безжизненным, так как не будет иметь возможности завязать прочные сношения с белорусскою интеллигенциею деревни, когда началось обсуждение вопроса о том, откуда взять средства на издание газеты, когда мы начали подсчитывать своих «именитых людей», то оказалось, что среди десятиmillionной массы белорусского народа нет ни помещиков, ни купцов, ни фабрикантов, ни капиталистов,

ни крупных обеспеченных чиновников – все одна сплошная беднота. А между тем издание газеты – предприятие довольно крупное, требующее значительных средств – до 20–25 тысяч рублей.

Сумма эта, будучи крупной для одного лица, в то же время сравнительно ничтожна для целой национальности, и если бы такой капитал понадобился для общественных целей, мы не говорим полякам, литовцам, евреям, но хотя бы даже нашим староверам, т. е. даже не национальной, а вероисповедной группе, то он мог бы быть сложен в два-три часа. У нас же, белорусов, несмотря на нашу десятиллионную численность, такую сумму нельзя собрать, так как мы все нищие, а с нищего взять нечего, как бы искренно он ни сочувствовал целям и задачам общества и его органа печати.

Откуда же взять средства на белорусскую газету?

Искать их у представителей других народностей – это значит потерять свою независимость, искать подачек и субсидий – это значит похоронить себя заживо, бросить начатое дело и беспомощно опустить руки – это значит признать свою несостоятельность, признать свое культурное несовершеннолетие, признать необходимость продолжения опеки над нами, белорусами, признать за каждым желающим право говорить от нашего имени и по своему произволу толковать наши настроения, наши нужды, наши стремления...

Обсудив такое тяжелое положение вещей, правление «Белорусского общества» решило собрать свои последние гроши и выпустить хотя бы один номер своей собственной газеты, в которой и поставить белорусскую интеллигенцию всего края, особенно белорусских учителей, в известность о создавшемся положении вещей и обратиться к их помощи и к их содействию.

В чем же может выражаться это содействие?

Издание газеты может быть предпринято и без капитала, но только в том случае, если общество будет наверняка рассчитывать, что у него имеется известный круг подписчиков, которые разделяют взгляды общества и признают важность и необходимость существования своего органа печати.

Ввиду этого правление «Белорусского общества» обращается ко всем тем случайным читателям из белорусской интеллигенции, которым попадет в руки настоящий номер «Белорусской жизни», сообщить правлению: желательна ли эта газета, ощущают ли они в ней потребность и будут ли состоять ее подписчиками, если издание наладится?

Если Общество получит тысячу таких заявлений, то оно свободно может приступить к продолжению начатого дела, не опасаясь за будущее.

Таким образом будущее «Белорусской жизни», а вместе с тем несомненно и будущее «Белорусского общества» будет зависеть от того: найдется ли в среде десятиmillionного белорусского народа тысяча единомышленников, солидарных с организаторами общества.

От количества этих отзывов будет зависеть также и то, будем ли мы, белорусы, на разных славянских и неославянских съездах, в Государственном совете и в Государственной думе говорить сами за себя, от своего имени или же от нашего имени будут долго еще говорить великорусские чиновники, каковы Замысловский, Тычинин и Павлович, духовные отцы вроде священника Вераксина и ксендза Мациевича или же польские магнаты, вроде Монтвилла и Потоцкого.

От количества этих отзывов будет, может быть, зависеть также и то, будем ли мы при следующих выборах также идти врассыпную, поодиночке, как шли до сих пор, не зная друг друга и отдавая свои голоса чужим, или же мы выступим сомкнутыми рядами и добьемся своего собственного белорусского представительства, которое мы будем знать и которое будет знать нас и наши нужды.

Заявления просим адресовать в гор. Вильну. Закретная улица д. Влязя. Правлению «Белорусского общества». Впредь до выяснения вопроса о количестве лиц, чувствующих потребность в собственной газете. Редакция, конечно, не может решить вопроса ни о сроках ее выхода, ни о размерах, ни о подписной плате. Весьма желательно поэтому, чтобы лица, которые признают необходимым отозваться на настоящее воззвание, поделились с правлением Общества своими соображениями о размерах подписной цены, доступной для белорусского интеллигентного человека, и о сроках выхода газеты. Правление будет считаться с мнением и желанием большинства.

Председатель правления
«Белорусского общества»
Товарищ председателя
Секретарь

Л. Солоневич.
П. Коронкевич.
П. Кореневский.

К белорусской интеллигенции // Белорусская жизнь. – 1909. – 9 февраля. – С. 1–2.

**Статья Л. М. Солоневича «Наше национальное самоопределение
и наша позиция в польско-русском вопросе»
(9 февраля 1909 г.)**

Первая и самая важная задача, которую должна поставить себе белорусская интеллигенция, выступающая на поприще общественной и политической деятельности, должна заключаться в том, чтобы 1) точно и ясно формулировать свое национальное самоопределение, 2) точно и ясно определить ту позицию, которую должна занять белорусская народность по отношению, с одной стороны, к другим русским народностям – великорусской и малорусской вообще и в частности к тем великорусским элементам, которые явились сюда в качестве обрусителей, с другой стороны, к польскому народу этнографической Польши и к тем польским элементам, которые поселились в нашем крае в качестве колонизаторов.

Формулировка своего национального самоопределения самими белорусами необходима потому, что по этому предмету людьми противоположных взглядов и убеждений высказываются самые противоречивые суждения.

Одни говорят, что белорусской народности вовсе не существует, что «белорусы» – это просто польская выдумка, или, еще хуже, выдумка кучки врагов русской государственности – сепаратистов, которые стремятся к ослаблению и расчленению России. Исходя из этих взглядов, они не признают даже самих терминов «Белоруссия», «белорусы» и стараются заменять их другими – «Западно-русский край», «западно-русская народность». Далее, люди этого направления утверждают, что у белорусской народности вовсе нет таких национальных, культурных, политических и экономических интересов, которые не были бы общи интересам всего русского народа и потому на всякое указание разницы в этих интересах смотрят как на государственное преступление.

Другие, напротив, утверждают, что белорусы представляют собою особую или «самоистную» народность, которая ничего общего с русским народом не имеет и иметь не желает, что белорусская народность имеет свой особый язык, свою особую литературу, свою особую культуру, но что и то и другое и третье подавлены великорусскими обрусителями, которые силою навязывают белорусам русское национальное самосознание, русский язык и русскую школу, и что не будь этого обрусительного насилия, белорусская народность в своем национальном развитии пошла бы совершенно особым самобытным путем.

Исходя из подобных взглядов, они готовы всякого белоруса, открыто заявляющего себя принадлежащим к русской народности, рассматривать как продукт обрусения, как отщепенца своей белорусской народности, как реакционера.

Есть еще третье мнение, которое утверждает, что белорусы гораздо ближе к полякам, чем к великорусам, как по языку, так и по своим нравам и обычаям и по «историческим традициям» и что в тех местах, где белорусы более близко соприкасаются с поляками, там они легко сливаются с польской народностью и забывают свое белорусское происхождение.

Представители каждого из приведенных мнений, пользуясь частностями и исключениями из общего правила как доводами своей справедливости, могут считать себя правыми, так как со стороны белорусов не было ни протестов, ни возражений, если же и были, то единичные, не имевшие доказательной силы.

Если же принять во внимание то обстоятельство, что в числе представителей каждого из приведенных мнений есть немало людей, которые не только говорят, но и делают, не только создают для нас национальное самоопределение по своему усмотрению, но и стараются провести его в нашу жизнь, то естественно, что между ними неизбежна борьба на нашей почве и что от этой борьбы больше всего страдаем мы, белорусы. Для того, чтобы высвободить себя из-под этих противоречивых друг другу влияний наших друзей и с востока и с запада, и справа и слева, мы сами должны формулировать свое национальное самоопределение и сказать нашим друзьям, что их опека кончена, что мы уже взрослые и сами разберемся в том, что для нас полезно, что вредно.

Что бы ни говорили о нашем национальном самоопределении в Москве и в Варшаве, как бы ни извращали самое понятие «белорус», несомненным и неоспоримым во всяком случае будет то положение, что белорусское племя в огромной своей массе – это составная и нераздельная часть русского народа, что белорусы, вместе с великорусами и малороссами, составляют один народ, и что народ этот, несмотря на некоторую незначительную разницу в этнографических особенностях составляющих его племен, живет одною жизнью, стремится к одним и тем же национальным целям и несомненно пойдет вперед одним и тем же историческим путем.

Несмотря на усилия некоторых элементов навязать белорусской интеллигенции «самоистность», все-таки ни один сознательный белорус не позволит отнять у себя ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Гоголя,

ни Достоевского, ни Толстого, ни Горького, так как эти светочи русской культуры одинаково дороги как великорусу и малороссу, так и белорусу – это гордость и слава всей нации, а не какого-нибудь одного из отдельных русских племен.

Но если белорусская народность признает свою принадлежность к великой общерусской семье и принимает от других русских племен то, что у них есть лучшего, что является общим для всех племен, то следует ли из этого, что белорусская народность должна принимать и то, что у них есть худшего? Следует ли вместе с Пушкиным и Толстым принимать и великорусское чиновничество, следует ли вместе с литературным русским языком принимать и казенную русскую церковность?

Нам кажется, что в выборе того, что нам желательно взять и что нежелательно, мы только сами можем сказать свое последнее и окончательное слово.

Мы, белорусы, пережили несколько иные исторические судьбы, чем народность великорусская, желающая господствовать над остальными племенами, мы не участвовали в создании московского кремля и воды Москвы-реки для нас не священны, как не священны воды Вислы.

Такова, приблизительно, будет наша национальная позиция по отношению к востоку.

Теперь обратимся к западу.

Никто из белорусов не может защищать той политики, которая велась и ведется в Царстве Польском, никто из белорусов серьезно не думает, чтобы со стороны Царства Польского или со стороны польского народа могла угрожать сколько-нибудь серьезная опасность русскому государству или русскому народу, никто не думает, чтобы за необдуманый возглас одного польского шовиниста «от моря до моря» можно было делать ответственным весь польский народ.

По отношению к Царству Польскому или этнографической Польше у белорусской интеллигенции имеется совершенно определенное мнение, которое сводится к тому, что, хотя польский народ потерял свою государственность, но он не потерял своей национальности, не перестал быть народом историческим. Потеряв свою государственность, он еще сильнее привязался к тому, что у него осталось – к своей национальной культуре, к своему историческому прошлому.

Патриотизм и любовь к своему родному всегда и везде заслуживают глубокого уважения, и польский народ не достоин бы звания исторического народа, если бы у него этой любви не было.

Какова бы ни была польская государственность с общей точки зрения, но для поляков она была во всяком случае своею, и польский народ вправе ее оплакивать, вправе желать ее восстановления в будущем.

Насколько эти мечты осуществимы, насколько они идут или не идут вразрез с интересами других народностей, это совершенно другой вопрос, но стремиться вытравить из сердца поляка эту заветную мечту – это значит идти против природы, это значит – совершать насилие, которое не может дать никаких положительных результатов, а, напротив, даст только отрицательные.

От мечтаний царства не рушатся и от мечтаний же они не восстанавливаются. Для первого нужны реальные причины, для второго – реальные силы.

Есть ли у поляков эти реальные силы?

Их нет. Это хорошо знаем мы, это хорошо знают и сами поляки и говорят об этом с полною откровенностью. Утверждать поэтому, что поляки в настоящее время стремятся к восстановлению старой Польши – это значит утверждать заведомую неправду и утверждать с тем, чтобы санкционировать ту ненормальную и вредную политику, которая ведется в Царстве Польском.

К чему поляки этнографической Польши стремятся в настоящее время, чего они добиваются, так это того, чтобы обеспечить себе хоть сколько-нибудь сносное существование на своей родине, чтобы чувствовать себя хозяевами у себя дома, хозяевами по крайней мере постольку, поскольку это не идет вразрез с действительными и насущными интересами русской национальности и русской государственности.

И белорусская народность, как ближе всего соприкасающаяся с польской, несомненно будет целиком стоять на стороне этих стремлений.

Вынеся на своих плечах многовековой гнет польских пришельцев, белорусы, может быть, больше, чем всякий другой народ, понимают, какой тяжестью ложится на польскую народность господство в Царстве Польском русских пришельцев и не может стоять на стороне этого господства.

Совершенно другое отношение белорусов будет к тем полякам, которые поселились в нашем крае тоже в качестве пришельцев. Пусть эти пришельцы исчисляют пребывание в нашем крае веками, мы, белорусы, все же будем их считать пришельцами и будем утверждать, что кроме

зла, и зла большого, они ничего нам не принесли и теперь ничего кроме зла не приносят.

Мы уже не говорим о зле экономическом, которое выразилось в захвате наших национальных имуществ, наших исконных белорусских земель и порабощении белорусских масс, но коснемся только зла национального.

Никто, обладающий хоть бы малою дозой чувства справедливости и беспристрастия, не станет отрицать, что полонизация белорусов в нашем крае совершается, совершается весьма усиленно и успешно и совершается под покровом свободы совести, под покровом прогрессивности. Всякая попытка протестовать против такой полонизации вызывает обвинения в реакционности, в русификаторских стремлениях, в полонофобстве, и мы под страхом этих обвинений довели свою прогрессивность до того, что начинаем добровольно без протеста отступать, позволяя полонизаторам свободно и беспрепятственно врывать в наше национальное белорусское тело и отрывать от него части в пользу польского национального тела, как будто признавая, что только в польском теле и может держаться настоящая прогрессивность, а в белорусском она держаться не может.

Это пассивное отношение белорусской интеллигенции к полонизации белорусских масс в последнее время, под влиянием литовского национального движения, которого никоим образом нельзя заподозрить в реакционности, решительно изменилось. И это движение, и другие события последнего времени дали возможность белорусской интеллигенции убедиться, что среди польских пришельцев нашего края не только нет ни малейших признаков прогрессивности, но что, напротив, это самый реакционный элемент, и только нелюбовь к России заставляет его держаться оппозиционного настроения к русскому правительству; что если бы это правительство было не русским, а польским, то в лице польских панов и польского духовенства нашего края мы встретили бы самых непримиримых реакционеров, самых непримиримых врагов всякого прогресса, всякого движения вперед, как материального, так и морального, всякого демократического движения.

В настоящее время белорусская интеллигенция совершенно ясно сознает, что борьба с полонизациею необходима не только в интересах белорусской национальности, но и в интересах прогресса, что там, где полонизация сделала свое дело, там уже надолго закрыт путь для всяких прогрессивных влияний, для всяких культурных шагов.

На полонизацию темных белорусских масс, совершаемую при помощи такого орудия как вера, орудия которое должно стоять выше национальных и политических целей, белорусская интеллигенция начинает смотреть, как на оскорбление своего национального чувства, как на преступление, совершаемое гостем в доме хозяина.

Как ни велико наше гостеприимство, как ни сильно наше желание избежать ссоры с нашими гостями с запада, но раз эти гости позволяют себе относиться к нам с полным пренебрежением, как к «этнографическому материалу», пригодному только для того, чтобы дать усиленное питание польской нации, то мы, белорусы вправе поставить их в те границы, в которых должен держаться гость в доме хозяина.

Таково должно быть и таково будет наше отношение к полякам, поселившимся в нашем крае.

Мы, белорусы, выступая на арену политической деятельности, считаем необходимым подчеркнуть, что мы не смешиваем польских панов и польского духовенства с польским народом, как не смешиваем русского духовенства и русского чиновничества с русским народом. Кроме того, мы должны еще подчеркнуть, что вероисповедания не должны разъединять народность. Свобода совести не должна быть пустым звуком, но в то же время никто не должен пользоваться религией, как орудием политической пропаганды, в каком бы направлении она ни велась, задача церкви – служить высшим потребностям человеческого духа, а не временным политическим и национальным течениям.

Солоневич, Л. Наше национальное самоопределение и наша позиция в польско-русском вопросе / Л. Солоневич // Белорусская жизнь. – 1909. – 9 февраля. – С. 2–3.

**Речь А. П. Сапунова на заседании III Государственной думы
30 мая 1909 г. о необходимости изменения порядка выборов членов
Государственного совета от 9 губерний Западного края**

Гг. члены Государственной думы.

Есть ли какая-либо необходимость в изменении закона о выборах в Государственный совет от 9 губерний Западного края?

Для ответа на этот вопрос я не стану входить в сложные статистические вычисления, я хочу подойти к вопросу и посылить осветить его с

несколько иной стороны. И прежде всего я позволю обратить внимание ваше на известное письмо бывшего члена Государственного совета от Виленской губ., г. Корвин-Милевского, к председателю Государственного совета. Письмо это касается самой сути занимающего нас теперь вопроса; здесь выражен авторитетный взгляд на него выдающегося члена польского кола. Взгляд этот разделяется и всеми остальными членами польского кола, разделяется и некоторыми членами Государственной думы, а также значительною частью периодической печати.

Основное положение письма Г. Корвин-Милевского следующее: *«Мы – поляки Западного края, – говорит он, избранные проживающих пять столетий на этой земле поляков или аборигенов-католиков».*

Как видите, взгляд на занимающий нас вопрос выражен совершенно ясно и определенно. Мы, со своей стороны, столь же ясно и определенно заявляем: *поляков, как основной народности, в Западном крае нет вовсе, да и не было никогда.* И это не парадокс, господа, как, быть может, покажется некоторым из вас, – нет, это святая истина. Тут, в этом письме, как и в одной из недавних речей б. члена Государственной думы, Г. Р. Дмовского, как и во многих других, происходит весьма важное по своим последствиям смешение двух слов, двух понятий: поляк и католик. Но ведь это же нелепость: не все ведь поляки – католики, а тем более не все католики – поляки.

Не более трех веков тому назад все население Белоруссии было сплошь белорусским, сплошь православным. Я говорю здесь о Белоруссии как более мне известной, но то же положение дела было и во всем Западном крае (о латышах и литовцах тут речь не идет, то – особая статья).

В силу исторических данных, на которых я теперь останавливаться не буду, – слишком уж они мрачны, – в Белоруссии в настоящее время есть белорусы-католики, хотя и не особенно много, не более 10 %.

Правда, высший класс белорусов-католиков более или менее крупные землевладельцы, в течение трех веков усвоили себе польский язык, приобщились к польской культуре и в настоящее время, проникнутые польским духом, величают себя поляками. Необходимо пояснить, что эти поляки... (я буду называть их «наши поляки»; тут обидного, кажется, ничего нет); так вот, эти наши поляки являются более поляками, чем сами поляки Царства Польского. Но и таких поляков надо считать только сотнями, пожалуй, тысячами, а уже никак не десятками тысяч.

Правда, и они, вот эти наши поляки, называют себя иногда белорусами; но это только тогда, когда такое заявление может принести им

в том или ином отношении выгоду. Такие слова их, конечно, ни к чему не обязывают; это только слова, слова! Но в наших руках теперь есть документ большой важности: это указанное выше официальное письмо «общественного деятеля, публициста и оратора», как сам себя рекомендует г. Корвин-Милевский. Здесь, в этом продуманном и прочувствованном письме, конечно, высказаны уже не мимолетные настроения, а задушевные мысли, истинные чувства.

И раз они хотят быть поляками, пусть будут поляками, это их дело.

Но мелкая шляхта и крестьяне-католики в домашнем быту говорят обыкновенно по-белорусски и почти ничем не отличаются от своих собратий – православных белорусов. Зачислять в число поляков этих белорусов только потому, что они католики, это уже прямо этнографический грабеж, если позволительно так выразиться.

Вот, господа, как в жизни сказывается иногда столь желанная свобода совести; ты пожелал быть католиком, а, смотришь, тебя записали уже и в поляки.

И не думайте, господа, что это у меня разыгрывается фантазия. Увы! Это уже почти совершившийся факт. Знаете ли вы гг. народные представители, что Закон Божий римско-католического исповедания во всех учебных заведениях Западного края преподается исключительно на польском языке. Таким образом, с разрешения начальства, наши белорусы-католики исподволь полонизируются.

Много говорят об обрусении, а под шум и звон разглагольствований об обрусении преспокойно идет всюю полонизация искони русско-го Западного края.

Вот, господа, к чему ведет невинное, на первый взгляд, смешение слов *католик* и *поляк*. И, может быть, русским людям не следовало бы так горячо приветствовать ту недавнюю речь г. Дмовского, в которой он, говоря о Холмщине, так ловко подменил слово «поляк» словом «католик», и тем самым разделение национальное заменил разделением вероисповедальным.

Итак, поляков, как основной народности, у нас нет.

Теперь два слова об «аборигенах-католиках», о которых говорит г. Корвин-Милевский. Кто это такие?

Я уже упоминал, что всего три века тому назад население в Белоруссии, как и во всем Западном крае, было сплошь православное. Мы хорошо знаем, первые попытки к насаждению католицизма в нашем искони православном крае относятся к концу XIV века. Но мы также хо-

рошо знаем и то, что результаты всех усилий в этом направлении долго-долго были весьма плачевны. Достаточно сказать, например, что еще в XVII веке *«Вильна, по словам польского историка Стебельского, была гнездом православия»*. А по словам другого, польского же историка, иезуита Ростовского, в то же время *«во всем Полоцком воеводстве было не более десяти дворян, исповедовавших католицизм»*. В других местах нашего края было то же.

Напомню еще, что в то же время, т. е. три века тому назад, наши знаменитые западно-русские фамилии были еще православными; таковы, например, князья Острожские, Вишневецкие, Сангушки, Масальские, Соколинские; таковы именитые Ходкевичи, Сапеги, Воловичи, Тышкевичи, Хрептовичи и многие, многие другие, – все это были православные.

Как же, при наличности таких фактов, – а таких фактов подавляющая масса, – как можно говорить об «аборигенах-католиках» в Западном крае?

Говорить так может только человек или совершенно незнакомый с историей Западного края, или же мало стесняющийся искажением заведомых фактов, рассчитывая на полную неосведомленность в этом отношении своих слушателей. А ведь так говорил польский «Петроний», как величают г. Корвин-Милевского некоторые газеты.

Каковы же отношения между нашими поляками и населением края вообще?

Мы, – православные белорусы, – как и все русские Западного края, – не враги поляков; мы ратуем только против неосновательных, на наш взгляд, притязаний поляков на наш искони русский край. Мы говорим *«русский край»*, так как белорусская народность – одна из основных народностей русского племени. Ведь сами великорусы постолько русские славяне, поскольку они белорусы! Так говорят серьезные ученые.

Итак, повторяю, мы не враги поляков: мы питаем надежду, что настанет время, то светлое, так горячо ожидаемое будущее, когда «старый домашний спор славян между собой» придет к благоприятному разрешению. А для этого, прежде всего, необходимо взаимное справедливое отношение к правам каждой славянской народности. Честное разграничение этих прав отнюдь, думается, не может помешать сердечности отношений.

Теперь же мы видим вот что. Все, даже самые незначительные народности, стремятся к «самоопределению»; за ними все признают пра-

во на это. Только одна народность, народность белорусская, не смеет и думать об этом. Чуть только белорусы возвысят свой робкий голос в защиту прав своих, как им грозно кричат со всех сторон: вы попираете права поляков, вы хотите их обидеть, озлобить! Каких поляков, какие именно права их, – об этом обыкновенно скромно умалчивается. Нет, никаких прав у поляков отнимать мы и не думали. Еще первые славянофилы, эти великие русские люди, признавали, а за ними вслед признаем и мы за поляками известные и довольно широкие права в Польше; но в какой Польше? В этнографической, господа, в этнографической, – отнюдь не в исторической, не в границах до 1772 года.

Но желая от души полякам достигнуть возможно широких прав у себя в этнографической Польше, не грешно, кажется, пожелать, чтобы и русские в Западном крае были у себя хозяевами. Мы не желаем наносить обиды полякам, но мы не желаем и опеки поляков, не желаем, чтобы о наших нуждах говорили в Государственном совете господа, *«сплотившиеся там в польское коло»*.

Я должен оговориться. Мы не против отдельных личностей; но тут страдает самый принцип справедливости, и справедливость должна быть восстановлена.

Вот каковы наши отношения к полякам, отношения, как видите, благожелательные.

Теперь посмотрим, каковы же отношения к нам поляков вообще и наших поляков в особенности. Тут уж мы видим прямую нетерпимость, чтобы не сказать более. Тут и признака нет тех «хороших отношений, на почве взаимного уважения», о чем так внушительно говорится в упомянутом письме г. Корвин-Милевского. Я мог бы привести в подтверждение этой нетерпимости массу доказательств и из газет, и из жизни; но мне не хочется теперь, когда делаются первые шаги к славянскому сближению, – которые, кстати сказать, мы горячо приветствуем, – не хочется, говорю, бередить ран, которые беспощадно наносились, да и наносятся всему русскому народу из польского лагеря. Я ограничусь одним фактом из нашей жизни, фактом, горечь которого долго еще будет чувствоваться. Во время выборов в I Государственную думу, когда волею судеб и прежнего закона о выборах все преимущество положения у нас оказалось в руках польско-еврейского блока, один из видных представителей наших поляков, на нашу смиренную и скромную просьбу пропустить в Государственную думу хоть одного нашего русского кандидата, высокомерно ответил: «Нет мы должны показать, что теперь –

мы господа положения». Разумеется, в I-ю Государственную думу прошли от нашей Витебской губ. (как и в некоторых других местах Западного края) исключительно кандидаты польско-еврейского блока; а вслед затем и в Государственный совет прошли от всех уже 9 губерний Западного края исключительно поляки.

И это, господа, заметьте, всегда так, всегда наши поляки, раз они являются господами положения, больно дают нам это почувствовать. А ведь сказано: по делам их узнаете их; мы их узнали.

Вы, быть может, спросите: кто же виноват во всем этом? Да, вот именно: кто виноват? Ответ – в нашей истории. Я, конечно, не буду останавливаться на этом, а укажу только на результаты нашей исторической жизни. У нас, в Западном крае, положение дел в настоящее время такое: на одной стороне стоит сильное своим влиянием наше высшее ополяченное дворянство и рядом с ним богатое еврейство, задавившее некогда стойкое городское сословие наше; а на другой стороне стоит бедная, темная, хотя и громадная масса народная.

Вот, господа, в чем сила их, наших противников, и вот в чем слабость наша. Да, действительно, мы вследствие трехвековой борьбы ослабели. Так поддержите же нас, господа, народные представители! Не за границей только есть поистине угнетенные русские...

Итак, наши поляки, как они сами себя называют, являются в Государственном совете представителями края, в котором, кроме нескольких сотен ополяченных белорусов, вовсе нет поляков. Одна либеральная газета прямо называет такое явление «конституционным крепостничеством».

Говорят: *вовсе несущественно то обстоятельство, что представителями западнорусского населения в Государственном совете являются поляки: они-де являются там представителями общегосударственных интересов, а вовсе не представителями только своих племенных и сословных интересов.*

Но ведь бывают же вопросы, где национальность невольно скажется; например, хотя бы в вопросе о родном языке в школах нашего края. Трудно ожидать в таких и подобных случаях полного беспристрастия. Кроме того, ведь такое явление признается не существенным только вот по отношению к данному случаю. А представьте себе, что, в силу какого-либо хитро придуманного закона, представителями от Царства Польского в Государственном совете явились бы исключительно русские. Нет сомнения, что никому здесь и в голову не пришло бы защищать подобную нелепость.

Говорят еще: *положим, то, что домогается русское население края действительно справедливо, но несвоевременно: это-де портит налаживающиеся с таким трудом русско-польские отношения.*

А мы думаем, что удовлетворить справедливую просьбу всегда своевременно, и чем скорее, тем лучше. А затем, господа, ведь это же какое-то однобокое великодушие, притом на чужой, в данном случае на наш счет.

В заключение, вместо патетических слов, позвольте сказать просто: господа члены Государственной думы, – я обращаюсь ко всем без исключения, – господа будьте беспристрастны: ведь только справедливости, одной только справедливости просит у вас многомиллионный и многострадальный русский народ Западного края.

Сапунов А. П. Речи в Государственной думе 3-го созыва. – СПб. : Тип. «Сельского Вестника», 1912. – С. 33–41.

**Проект введения в западных губерниях выборных земств,
разработанный «Белорусским обществом»
(1909 г.)**

1) Культурно-экономические и хозяйственный интересы Западного края требуют безотлагательного введения земских учреждений.

2) Система земских выборов должна быть построена на началах всеобщности с подразделением избирателей на группы по имущественному цензу: 1) крупных землевладельцев, 2) мелких землевладельцев и 3) крестьян, т. е. применительно к схеме земских выборов по положению 1864 г.

3) Избирательный ценз для крупного землевладения должен быть понижен до 7500 руб., т. е. вдвое против норм 1864 г. и 1890 г., избирательный же ценз для мелких землевладельцев должен быть установлен в размере 1/10 части этого ценза, что будет соответствовать нормам, установленным для мелких землевладельцев положением 1864 г.

4) Крестьяне, владеющие землей, независимо от того, приобретена ли эта земля на собственные средства или при помощи Крестьянского банка, участвуют в съездах крупных и мелких землевладельцев, соответственно размерам своих владений на общем основании.

5) Представительство крестьян, владеющих надельною землей, как и всех прочих землевладельцев, должно быть пропорционально площади находящейся в их пользовании земли.

б) Число уполномоченных от съезда мелких землевладельцев должно соответствовать числу полных цензов, составляющихся из сложения владений всех мелких землевладельцев, внесенных в избирательные списки.

Что такое «Белорусское общество»? // Белорусский вестник. – 1912. – 9 декабря. – С. 1.

**Письмо В. К. Стукалича о необходимости открытия русских
уездных предвыборных комитетов в Витебской губернии
(апрель 1910 г.)**

Милостивый Государь.

Наш многострадальный Западный край в настоящую пору переживает в высшей степени серьезный и многозначительный момент пробуждения в самых широких и глубоких слоях местного русского населения живого национального русского самосознания и чувства собственного достоинства, готовности всею силою постоять за успех русского дела в крае.

Духовная сущность каждого народа выражается в быте, языке, умственном складе, нравственных началах, вероисповедании. По всем этим признакам коренная масса населения Западного края была, есть и останется русскою. Эта истина вошла, наконец, в общее сознание местного русского общества. Все начинают понимать, что природным и законным хозяином в этой русской земле является русский народ, что неуловимой и скрытой польскою общественной силе надлежит противопоставить вполне осязательную и столь же открытую и могущественную русскую общественную силу. Полякам и другим инородцам, не усвоившим себе начал русской гражданственности и отделяющим свои интересы от интересов русского народа, необходимо указать надлежащее место.

Путем усиленной борьбы, в которой, наряду с другими русскими организациями края, живое участие принимал и Витебский русский предвыборный комитет, русское население обеспечило себе право на достаточное представительство в Государственной думе. Борьба Предвыборного комитета и других русских организаций Западного края за представительство русских интересов в Государственном совете вы-

звала к жизни Петербургский и Киевский западнорусские съезды и поставила на близкую очередь вопрос о введении в Западном крае выборных земских учреждений, в связи с введением которых и ставится вопрос о характере представительства от местного русского населения в Государственном совете, лучше сказать о представительстве в Государственном совете от целого края, лишенного этого важного права по недосмотру законодателя. Потому что, как для всех становится ясным, польское представительство в Государственном совете от русского края и русского населения является явною логическою несообразностью и историческою несправедливостью.

Всегдашняя неискренность в отношениях поляков и польского общества к русским и русскому обществу, всегдашнее стремление польского национализма отделить все польское от русского и притянуть на свою сторону как можно больше русской земли и русского народа, всегдашнее угнетение польскою шляхтою русского крестьянства, в видах его окатоличения и ополячения, — все это совершенно устраняет самую мысль о единстве польских и русских интересов, в настоящее время в корне враждебных друг другу. Не только невозможно себе переставить добросовестное представительство поляками русских интересов и русской народности, но, при перевесе местного польского общества над русским в отношении материальной культуры и политического развития, необходим подъем всех духовных сил русского общества и русского народа для дальнейшей успешной борьбы с польскими происками.

Отсюда становится совершенно очевидным, что в выборных земских учреждениях нельзя допустить свободного состязания польского элемента с русским. За русскими, сообразно их численности и их значению в крае, как господствующей народности, непременно должно быть обеспечено и законом и на деле решительное преобладание, как по числу гласных, так и в отношении занятия различных должностей, выборных и по вольному найму.

Справедливо замечают с разных сторон, что лица, занимающие в земстве должности по вольному найму, по характеру своей службы очень близко соприкасаются со слоями населения, представляющими наиболее удобный материал для распространения различных идей, нежелательных и опасных с русской государственной точки зрения. Для того, чтобы земские учреждения не могли превратиться в колонизационную сеть, разносящую по всему краю начала, чуждые русской народности и русской государственности, настоятельно необходимо свести

участие в земской работе польского и других чуждых и враждебных русскому элементам до самого незначительного размера.

Текущий момент ставит перед местным русским обществом двоякую задачу. Во-первых, всеми доступными средствами содействовать тому, чтобы внесенный в Государственную думу законопроект о земских учреждениях в Западном крае вылился в форму, более пригодную для обслуживания русских интересов в крае. Во-вторых, ввиду близкой возможности введения выборного земства, заблаговременно готовиться к выборам, подготавливая все нужные для успеха дела средства.

До 1863 г. русский элемент Западного края был почти совершенно подавлен польским. Но после польского восстания 1863 г. русское правительство приняло, наконец, ряд мер к развитию и охране русских национальных, религиозных, культурных и экономических интересов в крае. С тех пор русский народ и русское общество Западного края настолько выросли и окрепли в экономическом и культурном отношении, что в настоящий момент представляют силу, способную проявить значительную и живую политическую и общественную деятельность.

До сих пор русские национальные организации края действовали в относительно ограниченном кругу. Введение в крае выборного земства повелительно требует объединения и организации самых широких масс русского народа, в видах постоянной планомерной деятельности в области культурно-хозяйственных интересов. В новых условиях жизни приходится рассчитывать не столько на правительство, сколько на собственные свои силы. Поэтому всем русским необходимо организовать на национальной почве, не разделяясь на мелкие партии. Поляки и другие враждебные русской государственности инородцы отлично учитывают условия текущего момента, и весь Западный край покрыт сетью различных инородческих организаций. Разбившись на мелкие группы и кружки, русские не в состоянии были бы бороться с этой сплоченной силой.

Во всяком деле чрезвычайно важно удачно сделать первый шаг. В настоящем году предполагается введение в нашей губернии выборного земства и производство в четвертую Государственную думу выборов.

Вследствие этого, Витебский русский предвыборный комитет, озабочиваясь постановкой предвыборного дела в интересах русского населения губернии, действуя в полном согласии с постановлением состоявшегося в сентябре 1909 г. заседания предвыборного комитета и съезда русских землевладельцев губернии, признает необходимым немедленно открыть в каждом уездном городе уездный предвыборный комитет.

Принимая во внимание Ваше всегдашнее сочувствие к задачам комитета по отношению защиты выборных прав русского населения и Вашу полезную деятельность в прежних выборах, комитет имеет честь просить Вас, милостивый государь, принять на себя организацию комитета в вашем уезде и привлечь к участию тех лиц, которые по вашему мнению могут оказать существенную для дела пользу. К этому комитет считает долгом добавить, что все ваши соображения по затронутым в настоящем сообщении вопросам с благодарностью будут приняты комитетом во внимание.

Для объединения всех русских сил губернии необходимо установить связь между русским губернским и уездными предвыборными комитетами. В этих видах губернский комитет постановил просить все организующиеся уездные комитеты избрать двух представителей от каждого уезда для участия в заседаниях губернского комитета на правах действительных членов губернского комитета.

Русский губернский предвыборный комитет обратился ко всем уездным предводителям дворянства с просьбой оказать русским землевладельцам надлежащее содействие в деле организации уездных предвыборных комитетов.

В заключение комитет не может не высказать уверенности в том, что русские частные землевладельцы, как наиболее обеспеченный и культурный элемент русского населения, исполняют лежащие на них обязанности по организации и объединению под национальным русским знаменем всех русских сил в крае. Нельзя забывать того обстоятельства, что, с введением в крае выборных земских учреждений центр тяжести местной общественной жизни из городов перейдет в уезды. Коренное русское население городов Западного края бедно материальными и культурными средствами; здесь нет состоятельного купечества, способного принять активное участие в культурной работе и общественной деятельности. Представителями русской народности являются, за вычетом чиновничества, почти исключительно ремесленники и чернорабочие. А русское чиновничество края, сильное своей интеллигентностью и выделявшее из своей среды много полезных и талантливых деятелей, устранено от прямого участия в земской жизни.

Уголовное дело № 2751-п по обвинению Стукалича Владимира Казимировича в контрреволюционной деятельности за октябрь-декабрь 1918 г. // ГАВО. – Ф. 967. Оп. 2. Д. 1. Л. 44–45.

**Речь А. П. Сапунова на заседании III Государственной думы
11 мая 1910 г. о необходимости введения выборных земских
учреждений в Витебской, Волынской, Киевской, Минской,
Могилевской и Подольской губерниях**

Гг. народные представители.

Позвольте мне, как белорусу, вышедшему из самых недр народа, обратить внимание ваше на одну сторону настоящего вопроса.

Из прений выяснилось, что вопрос сосредоточивается, главным образом, на культурности польского элемента и малокультурности русского населения Западного края.

Мы, конечно, не против культуры, мы хорошо понимаем, что все спасение наше в культурном развитии и за всякую культурную работу на пользу нашего края скажем искреннее спасибо. Не оспариваем мы и культурности поляков, хотя видим тут некоторую долю увлечения.

Но дело не в том, насколько культурны поляки, а в том, пожелают ли они поделиться с народом своей культурой, применить ее в том именно направлении, которое было бы наиболее полезно для нашего края.

Вот тут, извините, у нас закрадываются некоторые сомнения.

Очень уж они, поляки, высокомерно и презрительно относятся к этому самому народу, к совместной работе с которым они готовятся. Какой уж ждать тут продуктивности!

Я имел уже случай говорить здесь об этом и повторять не буду. Прибавлю только, что презрительное отношение поляков к белорусскому народу заразило и их друзей. Между тем, белорусы дали полякам и их величайшего поэта, и их величайшего героя: и Мицкевич, и Костюшко, по происхождению, белорусы. Так было в прошлом; есть значит, основание, что в будущем белорусы и для себя выделяют из недр своих таких же великих людей.

Не бездарна та природа, не погиб еще тот край, из которого вышли как вышеупомянутые, так и многие другие великие люди.

Возвращаюсь к намеченному мною вопросу.

Поляки и ополяченные белорусы-католики особенно подчеркивают культурное влияние Польши на Белоруссию за время польского здесь владычества; это обстоятельство и дает им повод претендовать на руководящую здесь роль и в настоящем и в будущем.

Лучшим показателем степени культурности страны служит положение в ней дела народного образования. Что же сделано поляками для

народного образования в Белоруссии? В каком положении находилось это дело к концу польского здесь владычества? Позвольте привести маленькую историческую справку.

Вслед за присоединением Белоруссии к России полоцкое наместническое правление затребовало сведения: «нет ли в которых городах и местечках городских школ, и чему в оных учат, какого рода люди, и сколько учеников»? Ответы получились крайне любопытные, и я позволю себе привести их в подлинниках:

- 1) «Касательно до г. *Дриссы*, то в оном школ никаких не состоит»;
- 2) «в г. *Себеже* и уезде школ никаких не имеется»;
- 3) «школ и учеников в г. *Режицах* и в уезде никаких нет»;
- 4) «в г. *Люцине* при плебании и ни под какою дирекциею школ не имеется; в Люцинском уезде школ тоже не оказалось»;
- 5) «в г. *Сураже* школы никакой и учащихся не имеется»;
- 6) «в г. *Невеле* школ никаких нет, обучаются только обывательские дети в своих домах азбуки»;
- 7) «в г. *Велиже* также не было никакой школы»;
- 8) «в Витебске в приходе Ильинской церкви находилась школа, построенная дьячком Запольским, в которой разного звания малолетних школьников 16, обучаются только одной азбуке»;
- 9) наконец, «в *Полоцке* существовала школа партикулярная в полоцком Богоявленском монастыре, где на русском и польском диалектах учат мещанских детей».

«А для женского полу, – говорится в том же документе, – никакой нет науки, кроме только полоцкого монастыря девиц мариевиток, при котором школьниц шляхетского и мещанского роду находится до 10 душ, на польском диалекте обучающихся...».

Таким образом, для образования детей купцов и мещан не было сделано ровно ничего; об образовании крестьянских детей не может быть и речи.

Вот результаты просветительной 2-вековой деятельности культурных поляков в нашем крае.

Были, правда, иезуитские школы в Полоцке, Витебске и Двинске, но, во-первых, школ этих, как и учащихся в них, было очень мало; а во-вторых, в школах этих получали образование только дети шляхты...

Но вот Белоруссия в конце XVIII века воссоединяется с остальной Русью. Лучшим выразителем чувств, одушевлявших в то время белорусов, является знаменитый архиепископ белорусский Георгий Конисский.

«Тяжкие узы расторгнуты повелением твоим, – говорил достойный архипастырь, обращаясь к Великой Императрице, – ныне настали нам времена прохладные, укротились свирепевшие. Мы и в восторг приходим и недоумеваем, сон ли се сладкий нам, или истинное событие».

Народ белорусский вскоре в праве был сказать: да, это пока был только сладкий сон, сон притом слишком краткий. Едва скончалась Великая Императрица, так верно понимавшая русские интересы в Западном крае и так умело их отстаивавшая, – как для народа белорусского опять наступили тяжелые времена. Казалось, все осталось по-прежнему, как было и при владычестве здесь поляков, разве только не было явного преследования за веру, да и то не всегда. . . Да оно и понятно; ведь пан-то остался прежний, и правительство наше всею силою своего авторитета охраняло неограниченную власть польского помещика над бесправным народом белорусским. Все заботы правительства простирались только на ополяченную белорусскую шляхту. В 1-й четверти XVIII века, когда просвещение в нашем крае насаждал известный польский патриот кн. Адам Чарторыйский, друг императора Александра I, все учебные заведения носили явный польский отпечаток. Нечего и говорить, в каком духе велось там преподавание. По словам известного писателя, проф. Сенковского, ревизовавшего белорусские учебные заведения в 1826 г., «в них явно развивался дух полонизма»; сознаются в этом и сами поляки. . .

Это – вот относительно шляхты польской в Белоруссии. Что же касается народа собственно, то, по выражению Герцена, которого едва ли кто обвинит в человеконенавистничестве, – «народ белорусский, *ненавидимый католическими помещиками, отданный на копье жиду-арендатору*, народ белорусский успел почти одичать» . . .

Мне могут сказать, что ведь это относится уже ко времени русского владычества в крае, а во время самостоятельности Польши крепостное право не было так сурово.

Мне опять приходится просить позволения привести коротенькую историческую справочку, справочку, принадлежащую поляку; хотя эта справка и относится к XVIII в., но она в полной мере годится и для последующих веков вплоть до освобождения крестьян. Вот 4-стишие на латинском языке (поляки любили тогда писать на этом языке), верно рисующее положение разных классов населения Речи Посполитой:

«Clarum regnum Polonorum
Est coelum Nobiliorum,

Paradisum Judaeorum
Et infernum Rusticorum».

Т. е. «Славное королевство Польское это – небо для шляхты, рай для евреев и ад для крестьян».

Так вот, господа: по мнению польского автора, Польша – это ад для крестьян; ну, а в аду какая же жизнь может быть, кроме адской. Такова и на самом деле была жизнь белорусского крестьянина в Польше.

Позвольте, господа, кстати уж привести еще две небольшие исторические цитаты; ведь мы переживаем и теперь следствие исторического прошлого нашего, надо же немножко разобраться в нем. Вот две характеристики поляков, относящиеся ко времени падения Польши.

«История падения Польши, – говорит один француз-историк, – есть постыдная история преступления шляхты, история, налагающая клеймо позора на тех, кто на всяком шагу попирает и сокрушает всякие права, терзал страну, волновал ее беспрестанными раздорами, разрывал жилы народа и как вампир высасывал его кровь, пока, наконец, обессиленный организм не потерял возможности самостоятельного существования».

Польский благородный патриот того времени, Коллонтай, говорит: «Всеобщий беспорядок в домах, злонравие в семействах, несправедливость в судах, безнравственность и невежество духовенства, негодность войска, неповиновение закону и властям, – все привело нас к тому презренному и подлому состоянию, которое дает нашим соседям против нас смелость» ...

Это, господа, из истории, а вот вам поучительный пример и из современной жизни, из моих личных наблюдений. Есть у нас, в Витебской губернии, два уезда в противоположных концах губернии. В одном из них, Лепельском, помещики всегда были, да и теперь – поляки; в другом, в Невельском – наоборот, почти исключительно русские. Необходимо прибавить, что почва несравненно лучше в уезде Лепельском. Казалось бы, культура должна процветать именно в Лепельском у.; на деле же оказывается как раз наоборот: Невельский уезд в культурном отношении нельзя и близко поставить с уездом Лепельским, и это бросается в глаза с первого же взгляда... Я имею здесь в виду крестьянскую культуру.

Господа, мы, повторяю, не против культурной работы поляков. Не требуйте только от нас безграничного доверия так сказать авансом; пусть поляки не на словах, а на деле потрудятся хотя слегка рассеять наши предубеждения, основанные на вековом опыте, пусть они сделают хотя некоторые шаги в этом направлении, и мы сами первые сгладим все преграды, разделявшие нас от поляков...

Мне остается сказать еще только несколько слов.

Как известно, дворянство наше некогда перешло в католицизм. Для него выступал более и более интерес шляхетства, а интересы народа, интересы родины сглаживались, исчезали. Шляхетство западно-русское, сливаясь со шляхетством польским, находило себе национальную смерть.

Белорусскому народу необходимо выдвинуть из недр своих сильный культурный элемент, и несомненно народ его выдвинет, только бы не становились поперек пути его непрошенные радетели...

Тут мне могут возразить: ведь, в законопроекте, принятом комиссией, сказано ясно: «в члены училищных советов от земства и городов земством и городским общественным управлением могут быть избираемы только лица русского происхождения».

Господа, но ведь это, в сущности, то же, что и я хочу сказать. Эти слова мало успокаивают. Значит, не я один отношусь с сомнением к преувеличенным надеждам на полезность для народа культурной работы поляков. Ведь то, что возможно в одной области земского дела (в деле народного образования), возможно, конечно, и в других областях, и к этому нельзя относиться с легким сердцем.

Господа, повторяю еще раз, мы не против участия поляков в нашем земстве, мы только против преувеличения как силы, так и объема их участия.

Мы боимся, однако, что и в земстве нашем поляки предпочтут стать особо, поставить себя в то же положение, в какое они поставили себя и здесь, в Государственной думе, и в Государственном совете, *по доброй воле своей* выделившись в особое «коло».

Сапунов А. П. Речи в Государственной думе 3-го созыва. – СПб. : Тип. «Сельского Вестника», 1912. – С. 42–48.

**Открытое письмо депутатам III Государственной думы
от крестьянина Гродненской губернии, опубликованное
в газете «Белорусская жизнь»
(22 марта 1911 г.)**

В Западном крае, наконец, вводится долгожданное земство. Но по какому-то странному стечению обстоятельств Гродненская губерния

выделена из этого края и лишена опять на долгие годы тех благ, которые следует ожидать от земства. В Петербурге, да и в центре России, считают эту губернию не то польской, не то литовской.

На самом деле, как вам известно, гг. члены Думы, такое мнение ни на чем не основано и в корне ошибочно. Гродненскую губернию можно называть литовскую только в таком же смысле, как и Смоленскую и Киевскую. Литовцев здесь совершенно нет. Исключая части Брестского уезда, населенного малорусами, остальное население состоит сплошь из белорусов, большею частью православных. Католики незначительно преобладают только в бывшей Белостокской области.

В Гродненской губернии нет ни одного города, местечка, села, которые не хранили бы какого-нибудь памятника глубокой старины, крепко связывающего этот край с коренной Россией. В пределах Гродненской губернии живет вся «Черная Русь». Крестьянское население, несмотря на близость к Польше, несмотря на столь недавний гнет «панщины», как нигде предано всему русскому. В Думу от Гродненской губернии уже третий раз проходят русские люди, поэтому боязнь польского влияния совершенно неосновательна. Земство необходимо демократическое, и тогда оно будет чисто русским.

Выделением Гродненской губернии из числа тех, на которых теперь распространено земство, правительство допустило ошибку, и долг ваш, гг. члены Государственной думы, эту ошибку исправить внесением в законопроект о западном земстве соответствующей поправки.

Открытое письмо членам Государственной думы // Белорусская жизнь. – 1911. – 22 марта. – С. 1.

Из устава Белорусского общественного собрания в Вильно (1911 г.)

§ 1. Собрание имеет целью предоставить своим членам возможность разумного отдыха, общедоступных и полезных развлечений, а также содействовать национально-культурному объединению белорусов, великороссов и малорусов, без различия вероисповедания. Район деятельности и местонахождения Собрания и Правления – г. Вильна.

§ 2. Для достижения указанных целей Собранию, с соблюдением действующих узаконений и распоряжений правительства и подлежащих властей, предоставляется [право]:

а) устраивать семейные, литературные, музыкальные, танцевальные и костюмированные вечера, сценические представления, маскарады, елки и т. п.;

б) приглашать лекторов для чтения лекций по различным предметам и устраивать беседы с культурно-просветительной целью;

в) иметь постоянную библиотеку-читальню, снабженную книгами, журналами и периодическими изданиями;

г) открывать учебные заведения, оказывать своим членам помощь в воспитании и обучении детей, организовывать различные виды взаимопомощи и оказывать поддержку периодическим и других видов литературным изданиям Белорусского общества;

д) Собрание имеет право приобретать движимые имущества и вступать во всякие дозволенные законом договорные отношения;

е) устраивать различные игры, как-то: в карты, шахматы, шашки, домино, бильярд, гимнастические упражнения и т. п.

...

§ 14. Собрание состоит из членов: почетных, действительных и посетителей.

...

§ 16. Действительными членами Собрания могут быть все белорусы, великорусы и малорусы обоого пола, без различия вероисповедания, занимающиеся самостоятельным трудом, а равно и служащие во всех правительственных и общественных учреждениях и частных предприятиях.

Устав Виленского белорусского общественного собрания. – Вильно: Тип. «Артель Печатного Дела», 1911. – С. 1–2, 5–6.

Цели и задачи Белорусского народного союза Витебской губернии (11 мая 1917 г.)

Витебский Белорусский народный союз имеет целью объединить всех белорусов Витебской губернии на широких демократических основаниях в целях наилучшего достижения культурно-экономического процветания родной губернии, а равно и всей Белоруссии, и защиты ее политических интересов.

В дальнейшем, при возникновении в остальных белорусских губерниях однородных союзов – витебский Белорусский народный союз

считает необходимым войти с ними в ближайшее общение для объединения всего белорусского населения в один общеполитический союз, задачи коего, в тесном единении с остальной Россией, укреплять завоеванную народом и содействовать занятию нашей Великой Родины подобающего ей положения среди прочих народов.

В число своих членов витебский Белорусский народный союз принимает всех белорусов без различия вероисповеданий, классов и состояний, а равно и политических партий, при том лишь, однако, едином условии, чтобы вступающие в него были искренними защитниками свободы народа.

Ближайшей своей целью Белорусский союз ставит в первую очередь поддержку земледельца-белоруса, белоруса-рабочего, а равно городских и поселковых домовладельцев, живущих по преимуществу личным трудом, чиншевиков-арендаторов, арендаторов-застройщиков и всех остальных демократических слоев белорусского населения в их социально-экономической борьбе за лучшее будущее.

В этих видах Союз в главном по времени земельном вопросе высказывается за самую широкую демократическую реформу и считает, без передачи казенных, монастырских, удельных, церковных, а равно и частновладельческих земель трудящимся, Белоруссия не в силах выйти на широкую дорогу процветания и желанного счастья.

Основания и подробности земельной реформы могут быть установлены только Учредительным собранием; тем не менее, Союз считает возможным высказаться и по сему поводу и находит, что, по его мнению, единственно жизненной, как соответствующей духу белоруса, формой землепользования может быть мелкое хуторское владение на правах собственности. В дальнейшем хутора эти не должны дробиться на участки размером меньше, чем это будет определено местными земельными комитетами; при этом в интересах того же населения необходимо, чтобы все существующие мелкие землевладельцы-собственники, без различия национальности и веры, сохранили за собой свои участки; малоимущим из них должна быть сделана прирезка из общего земельного фонда, образуемого на указанных ниже основаниях, по возможности из смежных, имеющих поступить в этот фонд имений и иных владений, а вовсе неимущим должны быть выделены вновь участки из того же фонда, также на праве собственности.

Количество земли, необходимое для создания жизненных в сельскохозяйственном отношении участков, устанавливается местными земельными комитетами.

Крупное частновладельческое землевладение недопустимо, за исключением тех имений, сохранить которые будет признано необходимым и полезным самим народом через своих представителей; во избежание на будущее время скопления нескольких участков в одних руках, необходимо, чтобы каждая рабочая семья не могла владеть более, как одним земельным участком. В предупреждение же спекуляции земельными участками, переход их возможен лишь в руки тех, для кого земледельческий промысел является одним из главных источников существования.

Указанный выше земельный фонд образуется из казенных, удельных, монастырских и церковных земель, кои все поступают в него безвозмездно, а также и частновладельческих, причем основания, на коих последние земли будут переданы в означенный фонд, имеют быть установлены Учредительным собранием, которое является единственно правомочным на таковое отчуждение и в этом отношении, не нарушая существенно ничьих интересов, несомненно выработает самый справедливый способ перехода нужной народу земли в руки трудящихся масс.

При образовании земельного фонда желательно, чтобы все значительные лесные площади и водные пространства были переданы в собственность государства с тем, чтобы они могли служить для населения обеспечением их нужд, как-то: в топливе, лесном материале для построек и проч.

Затем, имея в виду, что земледельческий промысел является главным источником благосостояния белоруса, Союз следующей своей очередной задачей ставит содействие населению к переходу к улучшенным формам ведения сельского хозяйства, к развитию сельскохозяйственных знаний, к улучшению и расширению постановки дешевого земельного кредита, к устройству всякого рода потребительских закупочных и других кооперативов и т. п. учреждений, направленных к развитию земледельческой культуры и кустарного производства.

В целях поднятия умственного и нравственного положения белоруса Союз считает необходимым стремиться к скорейшему достижению всеобщего бесплатного низшего и среднего образования, к упрочению среди народа религиозно-церковной жизни на началах внутренней свободы церкви, к оказанию широкого содействия внешкольному образованию путем создания просветительных обществ, библиотек, читален, народного театра и т. п. учреждений, к открытию особого белорусского

университета и ряда других высших учебных заведений, в особенности сельскохозяйственного типа.

Затем, в интересах остальных трудящихся белорусов, снискивающих себе пропитание хотя и неземледельческим, но все-таки физическим трудом (рабочих в собственном смысле этого слова), Союз ставит для себя такую же обязанностью заботу об укреплении завоеванных и в этом отношении народом благ. На этом поприще он будет идти навстречу рабочим в их справедливых домогательствах, не нарушающих общих основ промышленного и фабричного производств. Сельскохозяйственные рабочие по характеру и условиям работ не могут требовать кратковременного рабочего дня.

Наконец, имея в виду, что культурно-политическое преуспеяние Белоруссии возможно лишь при тесном единении интеллигенции с народом, Союз считает необходимым употребить все усилия к скорейшему сближению их между собою, и, помня вместе с тем, как тяжело ныне положение интеллигентных тружеников на народной ниве, Союз одной из основных своих задач ставит оказание всем им моральной поддержки и материального обеспечения, в особенности народным учителям, сельскому духовенству без различия вероисповеданий и так называемому третьему элементу, т. е. служащим в общественных и правительственных учреждениях.

В вопросах управления родной губернией, а затем и всей Белоруссией витебский Белорусский народный союз будет придерживаться следующей программы: вся Белоруссия, благодаря своему историческому прошлому и культурно-экономическим особенностям настоящего, представляет в бытовом отношении вполне самостоятельную национальную территориальную величину, а потому Союз считает, что она может достигнуть своего процветания лишь при условии выделения ее в самостоятельную административно-хозяйственную единицу, с предоставлением ей прав широкого провинциального самоуправления, которое должно находиться по преимуществу в руках самих же белорусов.

Вообще, в вопросах управления витебский Белорусский народный союз ставит своим девизом «Белорусы – хозяева Белоруссии». Однако это не значит, что Союз отрицает право остальных населяющих белорусскую территорию народностей на участие в том же управлении. Нет, в этом отношении все указанные народности имеют право на такое же самоопределение, как и коренное белорусское население, почему и они

должны принять участие в разрешении всех жизненных вопросов родного края, при чем для общего блага той же Белоруссии необходимо, чтобы взаимоотношения всех нас покоились на началах строгой справедливости и взаимном соглашении, основанном на глубоком уважении друг к другу. В основу соглашения должен быть положен принцип пропорционального представительства для каждой народности.

Но так как Белоруссия есть лишь неделимая часть единой Великой России, то Союз считает, что государственным языком в ней должен быть русский; белорусский же сохраняет значение подсобного, причем, в целях дальнейшего его развития и упрочения в жизни края, необходимо, чтобы преподавание его в школах, в связи с белорусской историей, было обязательным.

Само собою разумеется, что окончательное устройство Белоруссии, как и всей России, зависит от воли Учредительного собрания, и Союз, озабочиваясь, чтобы в последнее прошли от имени Белоруссии стойкие ее защитники, направит все усилия на то, чтобы провести в высокое учреждение достойнейших представителей от Витебской губернии.

Понятно, что осуществление всей намеченной выше программы возможно лишь при условии тесного единения всех честных работников, отдающих свои силы на служение Белоруссии, а потому Союз, заканчивая настоящую декларацию, считает необходимым обратиться с горячим призывом ко всем, кому дороги судьбы нашего края, войти в число его членов, и просит всех без различия веры и состояния помочь ему в предстоящей серьезной деятельности на благо всего населения.

Ввиду того, что проведение в жизнь указанных здесь задач неразрывно связано с изгнанием врагов из пределов России, то Союз приглашает всех своих членов к доверию и поддержке Временного правительства и продолжению войны, в тесном единении с нашими союзниками, до изгнания врагов из пределов России.

При этом Комитет настоятельно просит открыть уездные отделения витебского Белорусского народного союза, а в волостях, отдельных селах и местечках – более мелкие белорусские кружки и об открытии немедленно сообщить Комитету.

Центральный орган витебского Белорусского народного союза находится в гор. Витебске по Замковой улице в здании 3-го высшего начального училища, где можно получить необходимые справки и устав.

Программа эта принята на многолюдном общем собрании белорусов в гор. Витебске 11-го мая 1917 года и может быть дополнена и переработана на белорусском губернском съезде.

Витебский комитет Белорусского народного союза.

Уголовное дело № 2751-п по обвинению Стукалича Владимира Казимировича в контрреволюционной деятельности за октябрь-декабрь 1918 г. // ГАВО. – Ф. 967. Оп. 2. Д. 1. Л. 76–79.

Записка В. К. Стукалича председателю Витебской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (18 ноября 1918 г.)

В самое последнее время пришлось убедиться на опыте, что в местном обществе, не исключая наиболее интеллигентных кругов, распространены неверные сведения и неправильные представления о моем прошлом, следовательно, и о настоящем. Ввиду того, что обо мне имеется дело в Чрезвычайной комиссии, считаю необходимым не в личных только моих интересах, но и в интересах истины и справедливости, сообщить Вам данные, необходимые для полного и верного освещения моей личности и деятельности.

Сын весьма образованного, но бедного чиновника, оставшегося в заоне, вследствие открытого исповедания либеральных идей, еще гимназистом я был близок к революционным кругам, но работал главным образом для культурных целей, составляя библиотечки для сельских школ и снабжая знакомых учителей литературой, в том числе и нелегальною.

В Петроградском университете, – с 1879 по 1883 г. включительно, – занимаясь весьма серьезно и успешно предметами университетского курса, вместе с тем принимал самое деятельное участие в тогдашней бурной студенческой жизни. Благодаря различным случайностям, у меня установились близкие, частью особые личные отношения в кругу ответственных предводителей партий Народной воли и Черного передела, среди студенческих русских, белорусских, польских и литовских революционных кружков. Впрочем, целиком я не примыкал ни к одной партии, хотя не отвергал работы. Но ответственные руководители Народной воли и Черного передела отклоняли попытки привлечь меня к исполнению боевых, серьезных акций, – скорее всего из опасения, что

мой природный недостаток, недостаток слуха, создающий при сношениях с посторонними людьми разные неловкости и ошибки, может пагубно отразиться на ходе дела.

Близость моя к революционным кругам не ускользнула от внимания властей, и за мной было установлено наблюдение через филеров и других агентов.

Все время студенчества я не прекращал и культурной работы. Между прочим, устроил несколько школ грамоты в деревнях и, с помощью знакомого фабричного мастера, на фабрике Торнтон открыл первую воскресную школу для рабочих Шлиссельбургского района.

Приобретя достаточно солидные познания по политической экономике и статистике, – которыми я занимался серьезно все четыре года, – я задумал было остаться при университете для подготовки к профессуре и предпринял некоторые шаги в этом направлении. Но в начале 1884 года был случайно арестован, после обыска на квартире, подвергнут самому строгому и суровому одиночному заключению, доведшему меня до болезни. В конце 1884 года я был отпущен, еще не совсем поправившимся, на поруки к отцу в Витебск, а в 1885 году мне было объявлено, что расследование не установило предосудительных действий с моей стороны и я свободен. Но тайный надзор, весьма действительный, долго еще тяготел надо мною, отпугивая от меня массу общества; причиною могло быть то, что я всегда открыто высказывался за необходимость введения у нас народного представительства.

Не имея никаких самостоятельных средств к жизни, я все время существовал работою; в университете уроками и стипендией, – по окончании университета – сперва частными уроками, с 1886 по 1889 год литературными заработками, именно сотрудничеством в радикальной газете Ланина Русский Курьер; по закрытии этой газеты в 1889 году зачислился в сословие присяжных поверенных, не прекращая и литературных занятий. После выхода в 1890 году моих статей, где я сильно высказывался против польских притязаний на белорусский край, у меня завязалась борьба с местным польским обществом, в особенности с адвокатами из поляков. Борьба эта сильно вредила моей практике. В 1894 году я женился, появились и дети. В качестве присяжного поверенного я близко стоял к народу, имея массу клиентов из крестьян. Но, с одной стороны, клиентура эта не давала достаточного дохода, а с другой стороны, совершенно не оставляла досуга для какой бы то ни было иной работы. В конце концов я решил перейти на государственную службу.

В 1898 году, – все еще находясь под тайным надзором, который был снят с меня лишь после октября 1905 года, – я был назначен податным инспектором в Гурьев, Уральской области, из Гурьева в 1901 году был переведен в Слоним, из Слонима в 1903 году был приглашен в Гродну, в начальники отделения казенной палаты, а из Гродны был переведен в 1906 году в Витебскую казенную палату.

При поступлении на государственную службу я твердо решил на будущее время принимать участие только в совершенно легальных политических и общественных организациях и от этого правила никогда не отступал, лишь иногда случайно попадая в собрания, выходящие из рамок законности.

Когда в 1905 году открылась возможность открытой политической деятельности, – но лишь в умеренных партиях для чиновников, – в видах борьбы с польскими притязаниями устранить русский элемент Гродненской губернии от представительства в Государственной думе, я примкнул к Гродненскому отделу Союза 17 октября, – наиболее левой из политических партий, деятельное участие в которых чиновников терпелось администрацией. Гродненские поляки устроили было польско-еврейский блок. В конце концов, однако, стараниями моими и других лиц русским выборщикам удалось войти в соглашение с еврейскими и затеи поляков провалились.

После перевода в 1906 году в Витебск я и здесь записался в отдел Союза 17 октября, а затем и в Русский предвыборный комитет, борясь и тут с польскими претензиями на политическое господство в крае; некоторое время я был и председателем этих организаций. В 1911 году, когда в составе этих организаций усилились и приобрели преобладающее значение элементы, с которыми мне было не по пути, я отказался вновь совершенно от политической деятельности, и официально заявил о своем выходе из предвыборного комитета и Союза 17 октября – опять сосредоточил свои силы на государственной службе, посвящая свои досуги литературным трудам.

В 1917 году, когда по инициативе пришедшего белорусского элемента возник Витебский Белорусский народный союз, я работал в этой организации, но скорее в качестве сведущего лица, не пользуясь популярностью в кругу той молодежи, которая составила ядро Комитета и Союза. Меня обходили при выборах председателя и товарища председателя Комитета и – при выборе кандидатов Союза в Учредительное собрание и в местную городскую думу. Мне предоставлялась утомительная

и малопроизводительная при таких условиях работа в комиссиях Комитета. Я все больше расходился с Григоровичем, Бирулею и Полонским. Неоднократно я заявлял о своей готовности вовсе уйти из Союза; но меня отговаривали на том основании, что остались, все-таки, еще в местном витебском обществе люди, которые помнили меня по прежней активной работе, и уход мой мог кое-кого оттолкнуть от Союза. Поэтому, в интересах общеполитической солидарности, меня всякий раз уговаривали не оставлять Союза. В частности, я был решительным противником платформы Союза на выборах в Учредительное собрание.

После октябрьского переворота в конце 1917 года, по моему предложению, Комитет Витебского Белорусского народного союза постановил прекратить свою деятельность. С этого момента лично я, отказавшись от всякой политической деятельности целиком, по примеру прошлых лет, отдался государственной службе и трудным домашним делам, и заботам.

Из приведенного краткого, но исчерпывающего обзора моей деятельности видно, что с 1898 года, момента поступления моего на государственную службу, – а вернее еще с 1894 года, со времени моей женитьбы, – то есть в течение без малого четверти века, отказавшись раз навсегда от борьбы с властью, всего несколько лет, в общем счете не более пяти, посвятил политической деятельности, – притом всякий раз совершенно открытой и легальной и вызванной на то особыми обстоятельствами; все остальное время я занимался исключительно государственной службой, литературными опытами и домашними делами.

Пройдя трудную школу жизни, имея на руках неустроенную и необеспеченную семью, я чувствую себя настолько утомленным, что моих сил едва хватает для добросовестного исполнения служебных прямых обязанностей и для необходимых семейных трудов и забот.

Эта объяснительная записка составлена мною в дополнение к поданному мною в Чрезвычайную комиссию заявлению, в котором я ходатайствую о предоставлении мне свободы.

Уголовное дело № 2751-п по обвинению Стукалича Владимира Казимировича в контрреволюционной деятельности за октябрь-декабрь 1918 г. // ГАВО. – Ф. 967. Оп. 2. Д. 1. Л. 6–9.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ	5
1.1 Историография	5
1.2 Источники	10
ГЛАВА 2. НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. П. САПУНОВА, В. К. СТУКАЛИЧА И Л. М. СОЛОНЕВИЧА	16
2.1 Западнорусизм как направление общественно-политической мысли в XIX – начале XX в.	16
2.2 А. П. Сапунов, В. К. Стукалич и Л. М. Солоневич: основные вехи жизненного пути и становления в научной и общественной сферах...	21
2.3 Развитие научного потенциала А. П. Сапунова и В. К. Стукалича	29
2.4 Взгляды А. П. Сапунова, В. К. Стукалича и Л. М. Солоневича на историю Беларуси с древнейших времен до начала XX в.	47
2.5 «Белорусские письма» Л. М. Солоневича.....	56
2.6 Культурно-просветительская деятельность А. П. Сапунова и В. К. Стукалича во второй половине XIX – первой четверти XX в.	62
ГЛАВА 3. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. П. САПУНОВА, В. К. СТУКАЛИЧА И Л. М. СОЛОНЕВИЧА	82
3.1 На стороне «Союза 17 октября»: А. П. Сапунов и В. К. Стукалич в годы Первой российской революции (1905–1907 гг.)	82
3.2 Защита А. П. Сапуновым и В. К. Стукаличем интересов белорусского народа в Государственной думе и органах местного управления в 1907 – феврале 1917 г.	92
3.3 Л. М. Солоневич и «Белорусское общество» (1908–1911 гг.)	99
3.4 Белорусское национальное движение в 1917 г.: региональные аспекты	116
3.5 Участие А. П. Сапунова и В. К. Стукалича в политической жизни Беларуси после свержения самодержавия	124
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	130
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	135
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	154

Научное издание

Лавринович Дмитрий Сергеевич
Заблоцкая Марина Валентиновна

ЛИБЕРАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЗАПАДНОРУСИЗМЕ:
НАУЧНАЯ, КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
А. П. САПУНОВА, В. К. СТУКАЛИЧА И Л. М. СОЛОНЕВИЧА

Монография

Технический редактор *А. Г. Роскач*
Компьютерная верстка *С. А. Кирильчик*
Корректор *Г. В. Карпенкова*

Подписано в печать .2024. Формат 60x84/16
Гарнитура Times New Roman. Усл.-печ. л. 13,1.
Уч.-изд. л. 14,7. Тираж 50 экз. Заказ №.

Учреждение образования “Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова”, 212022, Могилев, Космонавтов, 1.
Свидетельство ГРИИРПИ № 1/131 от 03.01.2014 г.

Отпечатано в издательском отделе
МГУ имени А. А. Кулешова, 212022, Могилев, Космонавтов, 1.